

Л. С. ТОЛСТОВА

Кандидат исторических наук

КАРАКАЛПАКИ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ

(Историко-этнографический очерк)

КАРАКАЛПАКСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НУКУС—1959

ВВЕДЕНИЕ

Каракалпаки—социалистическая нация. Их численность в Советском Союзе по переписи 1939 года определялась в 185,8 тыс. человек. Основная масса каракалпаков, имеющих самостоятельную государственность, проживает в своей автономной советской социалистической республике—Кара-Калпакской АССР, являющейся составной частью Узбекской ССР.

Однако отдельные группы каракалпаков живут и за пределами своей автономной республики—в Хорезмской, Ферганской, Наманганской, Андижанской, Бухарской, Самаркандской и Ташкентской областях Узбекской ССР, в Ташаузской области Туркменской ССР и в Западно-Казахстанской области Казахской ССР. Вне пределов СССР небольшое число каракалпаков имеется в Афганистане.

Изучение отдельных групп каракалпаков, живущих за пределами Кара-Калпакской АССР, представляет большой интерес для историков, этнографов, филологов и антропологов, так как история каракалпакского народа не будет полна без глубокого знания исторических судеб и малых групп его представителей. Эти относительно небольшие группы каракалпаков, обитающие за пределами Хорезмского оазиса, находятся в инонациональной среде (среди узбеков, казахов и др.), а от основной массы каракалпакского народа оторваны около двухсот лет назад. Естественно, что за этот длительный период они подверглись культурному влиянию численно преобладающих соседних народов и утратили многие этнические особенности каракалпакского народа.

В 1953—1954 годах мы начали изучать историю и этнические особенности каракалпаков Ферганской долины, являющихся одной из наиболее многочисленных групп, проживающих за пределами Хорезмского оазиса. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 года, в Ферганской долине насчитыва-

лось 18.520 каракалпаков¹. Живут они во всех трех областях долины—Андижанской, Наманганской и Ферганской,—расселяясь почти исключительно вдоль рек Сыр-Дарьи и Кара-Дарьи, от Андижана на востоке и до Коканда на западе.

Основными местами расселения каракалпаков в Ферганской долине являются следующие:

В Ферганской области они живут в кишлаках Оймаут, Шур-Кишлак, Ески-Кишлак, Ходжа-Кишлак, Алахамак, Мулькабад, Кудук, Янгичек и Аминджан сельсовета Тайпак, в кишлаках Катта Ак-Тепе, Кичик Ак-Тепе, Телимин, Жабы, Каракалпак-Курганча сельсовета имени Ворошилова, в кишлаке Катта-Каракалпак сельсовета Янги-Хаят, Фрунзенского района, а также в отдельных кишлаках Яз-Яванского и Бувайдинского районов.

В Наманганской области наибольшее количество ферганских каракалпаков проживает в сельсоветах Найман, Джумашуй, Момохон, Даудук, Якка-Тут и Мехнат-абад Задарьинского района, кроме того живут в кишлаках сельсоветов Беш-Кепе и Шур-Кишлак, Наманганского района, сельсовета Кема-Баши, Нарынского района.

В Андижанской области каракалпаки расселились в кишлаках сельсоветов Каракалпак и Сиза Московского района, Чинабад, Ходжават, Етти-Кашка, имени Ахунбабаева, Кош-Тепе-Сарай, Чинабадского района, в сельсоветах Алимбек, Урманбек и др. Балыкчинского района. Проживают также в Алтынкульском, Избаскентском, Халдыванбекском и других районах области.

Мы отметили здесь лишь основные места расселения ферганских каракалпаков, имеются они и в ряде других населенных пунктов.

Сведения о расселении каракалпаков получены, главным образом, из материалов Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Узбекской ССР и из составленных Я. Р. Винниковым на основании годовых отчетов колхозов „Списков колхозов, сельсоветов и районов Ферганской, Андижанской и Наманганской областей Узбекской ССР с указанием численности населения и его национального состава за 1950—51 гг.“.

Во многих случаях эти сведения нами были проверены на местах, причем были учтены некоторые изменения в районировании, а также укрупнение колхозов, произведенное в последние годы. Нами приводятся данные 1954 года.

¹ По материалам, собранным в 1950—51 годах кандидатом исторических наук Я. Р. Винниковым на основании годовых отчетов колхозов, численность каракалпаков в Ферганской долине составляет 22650 чел. (См. Я. Р. Винников „К вопросу о расселении некоторых народностей и этнографических групп Ферганской долины“. Рукопись института этнографии Академии наук СССР, 1953 г.).

Каракалпаки довольно твердо сохраняют свое национальное самосознание, что, безусловно, является важным признаком при характеристике любой группы населения. Лишь дети и молодежь школьного возраста часто называют себя узбеками. Все же остальное население (включая и молодежь более старшего возраста) на вопрос, какой они национальности, твердо отвечают—каракалпаки. В документах же часть из них пишется каракалпаками, часть—узбеками. Причем, в последнем случае они объясняют это тем, что родились на территории Узбекистана.

* * *

Этнический состав населения Ферганской долины довольно пестр, он представлен целым рядом социалистических наций, национальных меньшинств, народностей и этнографических групп. Это—узбеки, киргизы, таджики, казахи, русские, национальные меньшинства—каракалпаки, уйгуры, татары и др. этнографические группы, постепенно сливающиеся с узбекской социалистической нацией, как тюрки, кыпчаки, арабы, курама и др.

Однако в районах своего расселения, особенно в Ферганской долине, каракалпаки соприкасаются, главным образом, с узбекским населением, так как находятся почти в сплошном его окружении. Конечно, в смешанных по национальному признаку колхозах встречаются не только узбеки, но и представители других национальностей и этнографических групп: таджики (большей частью на западе), киргизы, корейцы, кыпчаки (в основном в междуречье Нарына и Кара-Дарьи) и др., но лишь в очень незначительных количествах. Основные же места расселения этих народов и этнографических групп находятся в стороне от расселения ферганских каракалпаков.

Поэтому трудно говорить о сколько-нибудь заметном влиянии этих народов и этнографических групп на культуру ферганских каракалпаков. К этому следует добавить, что культура этнографических групп и многих национальных меньшинств Ферганской долины сама довольно близка к культуре узбеков Ферганы.

В связи с этим интересно сопоставить культуру каракалпаков Ферганы с культурой окружающих их узбеков, а также с культурой каракалпаков Хорезмского оазиса и, прежде всего, современной Кара-Калпакии.

* * *

Основными источниками для изучения ферганских каракалпаков послужили наши полевые материалы, записанные за

¹ Материалы Всесоюзной переписи населения 1920 г. Вып. IV стр. 42 Я. Р. Винников, ук. соч. стр. 13, 20.

время двух поездок к ним в Фергану в 1953 и 1954 годах. Автор был командирован к каракалпакам Ферганы Институтом Этнографии Академии наук СССР, в аспирантуре которого тогда находился. Работа проводилась совместно с сотрудниками Института экономики и культуры Академии наук Узбекской ССР Н. Камаловым и кандидатом филологических наук Д. Насыровым, собиравшим материалы по языку и фольклору ферганских каракалпаков.

Мы посетили более 20 каракалпакских и смешанных по национальному признаку колхозов в Московском, Чинабадском и Балыкчинском районах Андижанской области, Нарынском, Наманганском и Задарьинском районах Наманганской области, Фрунзенском и Яз-Яванском районах Ферганской области. Таким образом, изучением были охвачены основные места расселения ферганских каракалпаков. От информаторов было сделано более 90 полевых записей. Были записаны легенды о переселении каракалпаков в Ферганскую долину, проведены записи по вопросам социального строя и форм эксплуатации каракалпаков в дореволюционный период, по вопросам хозяйства, материальной и духовной культуры, семейной жизни каракалпаков в прошлом и настоящем.

Автором были использованы также материалы Центрального Государственного исторического архива УзССР,¹ содержащие некоторые сведения по ферганским каракалпам в дореволюционный период.

Использовались и сведения о каракалпаках Ферганы (и вообще о судьбах южных групп каракалпаков), встречающиеся в историко-этнографической литературе. Причем следует отметить, что сведения о ферганских каракалпах в дореволюционной литературе и русских нарративных источниках чрезвычайно скудны. Это лишь отдельные отрывочные упоминания, заключающиеся в одной или самое большее в нескольких фразах; не имеется ни одного хоть сколько-нибудь подробного и законченного описания данной группы.

Наиболее интересными из работ, в которых упоминаются ферганские каракалпаки времен Кокандского ханства, являются следующие:

Книга Ф. Назарова „Записки о некоторых народах и землях средней части Азии“², интересная тем, что в ней впервые в русских письменных источниках упоминаются каракалпаки Ферганы, причем их видел сам автор работы, бывший в 1813—14 гг. в Кокандском ханстве в качестве посланника,

Далее, каракалпаки Ферганской долины упоминаются в

анонимном „Обозрении Кокандского ханства в нынешнем его состоянии“, относящемся к 1849 году¹ и в работе В. Наливкина „Краткая история Кокандского ханства“², являющейся до настоящего времени ценным трудом по недостаточно изученной истории Кокандского ханства³.

Хронологически к этому же периоду относятся и некоторые извлечения из восточных источников, содержащихся в русской литературе,—„Таарих-Шахрохи“⁴. „Убайдулла-намэ“⁵ (где дано самое раннее упоминание каракалпаков в Ферганской долине—в 1704 г.) и „Таархи-и-Рахим-Хани“⁶, а также в „Истории Средней Азии“ Абдула Керима Бухарского во французском переводе Шефера⁷.

В работах, посвященных периоду вхождения Ферганской области в состав России упоминания о каракалпаках Ферганы также довольно кратки. Они встречаются в следующих работах: в книге Наливкиных „Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы“⁸, в Проекте отчета К. П. Кауфмана⁹, в трехтомном труде В. Н. Кушелевского „Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области“¹⁰, в работе В. И. Массальского „Туркестанский край“¹¹ и некоторых других источниках¹².

Большое значение для изучения каракалпаков в указанный период имеют материалы всевозможных обследований, производившихся в Ферганской области. Таковыми являются: „Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.“¹², „Материалы для статистического описания Ферганской

¹ Записки РГО, кн. III, 1849 г., стр. 190.

² Казань, 1886 г., стр. 4, 18, 19, 35, 39 и др.

³ Составлена работа на основании доступных автору местных источников, но без ссылок на них в тексте, что является ее существенным недостатком.

⁴ В. В. Бартольд. „Извлечения из Таарих-Шахрохи“—Зап. Вост. отд. русского археолог. общ., т. XI, стр. 107, 109 и 110.

⁵ „Убайдулла-намэ“—история Убайдулла-хана бухарского, составлена Мухаммед эмином Бухарским. В настоящее время вышла отдельной книгой в переводе А. А. Семенова.

⁶ „Таарих-и-Рахим-Хани“ составлена Мухаммедом Вефа Карминегги и посвящена истории Средней Азии и, в частности, Бухары. Цит. по протоколам заседаний и сообщениям, указ. выше, стр. 102—103.

⁷ Париж, 1876 г., стр. 226—227.

⁸ Наливкин В. и Наливкина М. „Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы“. Казань 1886 г.

⁹ Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К. П. фон-Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. СПб., 1865 г.

¹⁰ Н. Маргелан 1890—1891 гг.

¹¹ В. И. Массальский „Туркестанский край“. Россия, Полное географическое описание нашего отечества под редакцией В. П. Семенова, т. XIX, СПб., 1913 г.

¹² Т. 89. СПб., 1905 г.

¹ При исследовании данной темы автор использовал ряд дел фонда 19 „Ферганское областное правление“.
² СПб., 1821, стр. 72.

области¹, представляющие результат поземельно-податных работ, производившихся в Ферганской области в 1890—1900 годах: „Список населенных мест Ферганской области“ изданный Ферганским областным статистическим комитетом², „Отчет по ревизии Туркестанского края“ К. К. Палена³, „Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 г.“⁴, „Обзоры Ферганской области“⁵, ежегодно издававшиеся в течение ряда лет (первоначально в виде приложений к отчетам военного губернатора Ферганской области) и другие работы, в которых приводятся данные и по каракалпакам (или по кишлакам, населенным каракалпаками).

Автор использовал также общую историческую литературу, в которой описываются события на нижней и средней Сыр-Дарье в XVIII веке, оказавшие влияние на судьбы ферганских каракалпаков, а также обрисовывается та социальная и политическая обстановка, в которой приходилось жить каракалпакам Ферганы как в период Кокандского ханства, так и в период вхождения Ферганской области в состав России.

В разрешении вопросов о времени и путях переселения каракалпаков в Ферганскую долину для нас имела большое значение литература XVIII—XIX веков, дающая общее детальное описание событий, происходивших на нижнем и среднем течении Сыр-Дарьи в XVIII веке, причем в отдельных местах перечисленных работ упоминается и участие каракалпаков в этих событиях, в частности, „верхних каракалпаков“. Таковы работы П. Рычкова „Топография Оренбургской губернии“⁶, А. И. Левшина „Описание киргиз-казацких и киргиз-кайсацких орд и степей“⁷, В. В. Вельяминова-Зернова „Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Средней Азией со времени кончины Абул-Хаир-хана (1748—1765 гг.)“⁸ и другие работы.

Для характеристики Кокандского ханства был использован ряд его описаний, имеющих в дореволюционной литературе. Наиболее интересными из этих описаний являются показания

очевидцев, бывших в Кокандском ханстве русскими посланниками, а также показания русских пленных.¹

Однако этих работ мало, они довольно кратки и не освещают ряда важных вопросов, особенно относящихся к социально-экономической характеристике ханства. Литература, характеризующая социально-экономические отношения, хозяйство и культуру населения Ферганской области в период ее вхождения в состав России, многочисленнее и освещает более широкий круг вопросов. Для общей характеристики положения населения области большой интерес представляют упомянутые выше материалы статистических обследований, а также монографии Наливкиных, Кушелевского, Массальского, Миддендорфа („Очерки Ферганской долины“²).

Особенно большое значение для нашей работы имеет книга Наливкиных „Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы“, где подробно описывается хозяйство, материальная и духовная культура, а также семейные отношения оседлых узбеков Ферганы, в окружении которых жили ферганские каракалпаки. Сравнительный материал об узбеках того периода мы брали, в основном, из этой работы. Интересные сведения приводятся и в работе В. Н. Кушелевского „Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области“ относительно природных условий Ферганской долины, материальной культуры узбеков, а главное — относительно состояния здравоохранения в области.

В процессе работы нами были использованы также сравнительные материалы по группе „нижних“ каракалпаков XVIII в., приведенные в описании Гладышева и Муравина „Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 г.г. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным“³, а также по группам зеравшанских каракалпаков, упоминаемых в работах А. Д. Гребенкина „Узбеки“⁴ и В. В. Радлова „Средняя Зеравшанская долина“⁵.

¹ Материалы для статистического описания Ферганской области. Результаты поземельно-податных работ. Вып 1—V. Н. Маргелан, Ферганский областной стат. комитет. 1897—1912 г. г.

² Скобелев. 1909 г.

³ Россия. Сенаторская ревизия. Пален Н. К. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной сенатором К. К. Паленом СПб, 1909—1910 гг.

⁴ Вып. II Поволостные итоги Ферг. обл. Самарканд, 1925 г.

⁵ Обзоры Ферганской области за 1884—1900 гг. Н. Маргелан (Скобелев) 1899—1916 гг.

⁶ П. Рычков. „Топография Оренбургская, т. е. обстоятельное описание губернии, сочиненное Импер. Академии наук корреспондентом П. Рычковым“. СПб. 1762 г. ч. II

⁷ СПб 183 г. т. II

⁸ Уфа, 1853 г.

¹ Работа Ф. Назарова: Записки о Кокандском ханстве. Н. И. Потанина посетившего ханство в 1830 г. (Вестник РГО, 1853 г. XVIII); „Обозрение Кокандского ханства“, составленное по расспросным сведениям 40 х гоюв XIX в. (Записки РГО, кн III, 1849 г.). Большой интерес представляют также статьи В. В. Вельяминова-Зернова „Сведения о кокандском ханстве“ (Вестник РГО, 1856 г. XVIII, отд II) и „Исторические известия о кокандском ханстве от Мухаммед-Али до Худояр-хана (труды Восточн. отд. археолог общества т. 2, 1856 г.), статья А. Куна „Очерк Кокандского ханства“ (Изв. РГО, 1876 г. № 1), а также вышеупомянутая работа В. Наливкина „Краткая история Кокандского ханства“ и др.

² СПб, 1882 г.

³ Географич. известия РГО, 1850 г.

⁴ А. Д. Гребенкин. „Узбеки“ Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки. Вып II. М. 1872, стр. 94—99.

⁵ В. В. Радлов. „Средняя Зеравшанская долина“. Зап. РГО по этнографии. Т. VI, 1880 г., стр. 63.

Нельзя не отметить, что всей дореволюционной исторической литературе свойственны большие недостатки. При работе над ней автором учитывались её методологическая неправильность и историческая ограниченность. Приведем некоторые примеры. Буржазные авторы, например, не затрагивали вопроса о социальных источниках бедственного положения большей части каракалпакского населения, рассматривая ферганских каракалпаков как единое целое, без дифференциации их на классы. Источник разорения каракалпаков буржуазные историки видели лишь в неблагоприятных природных условиях или неудачно складывающихся исторических судьбах¹, неправильно определяли этническую принадлежность ферганских каракалпаков, считая их одним из узбекских родов²; ряд подобных ошибок содержится и в других работах.

* * *

В годы Советской власти были заложены основы научной истории каракалпакского народа. Впервые советскими исследователями был написан ряд работ, в которых освещены вопросы происхождения каракалпакского народа, основные этапы истории каракалпаков, дается научная характеристика особенностей хозяйства, быта и культуры каракалпаков Хорезмского оазиса. Это работы доктора исторических наук П. П. Иванова „Очерк истории каракалпаков“³, члена-корреспондента Академии наук СССР С. П. Толстова „Древний Хорезм“⁴, „По следам древне-хорезмийской цивилизации“⁵, „К вопросу о происхождении каракалпакского народа“⁶, „Города гузов“⁷, кандидата исторических наук Т. А. Жданко „Очерки исторической этнографии каракалпаков“⁸, „Каракалпаки Хорезмского оазиса“⁹, „Быт каракалпакского колхозного аула“¹⁰ и др., диссертации кандидатов исторических наук Б. В. Андрианова „Этническая территория каракалпаков в Северном Хорезме“¹¹, Р. Косбергенова „Положение каракалпаков в Хивинском ханстве в конце XIX—начале

XX веков“¹, С. Камалова „Каракалпаки в Хивинском ханстве до присоединения к России“², и У. Х. Шалекенова „Социалистическое преобразование быта каракалпакского колхозного крестьянства“³.

После того, как были выяснены узловые этапы истории каракалпакского народа, стало возможным и выяснение историко-этнографических особенностей отдельных групп каракалпаков, в частности изучение истории, быта и культуры и каракалпаков Ферганской долины.

История и этнографические особенности каракалпаков Ферганской долины подвергались изучению и в советский период лишь в очень слабой степени. Мы можем назвать только трех исследователей, которые в той или иной мере занимались изучением этих вопросов. Более или менее подробно изучал эту группу каракалпаков лишь кандидат филологических наук Х. Т. Зарифов, собиравший в 1927 году материалы по этнографии и фольклору ферганских каракалпаков. Однако, к сожалению, эти, повидимому, очень интересные данные не были опубликованы⁴.

Изучением ферганских каракалпаков, наряду с другими народностями и этнографическими группами Ферганской долины, в связи с составлением этнографических карт Ферганской долины, занимались еще два исследователя—кандидаты исторических наук Я. Р. Винников в Москве и И. И. Иногамов—в Ташкенте⁵.

Я. Р. Винников составил две этнографические карты Ферганской долины: одну по данным Всесоюзной переписи населения 1926 года, другую—на основании собранных им материалов из годовых отчетов колхозов Андижанской, Наманганской и Ферганской областей за 1950—1951 годы. На эту тему Я. Р. Винниковым был сделан доклад „К вопросу о расселении некоторых народностей и этнографических групп Ферганской долины“⁶, где он дает краткую характеристику особенностей каждой группы населения, в том числе и каракалпаков Ферга-

¹ В. И. Массальский. „Туркестанский край“, стр. 390—391; Проект отчета К. П. фон-Кавфмана, стр. 27, 55; В. Н. Кушелевский—„Материалы для мед. географии и сан. писания Ферганской области“, стр. 147—148.

² В. Наливкин—„Краткая история Кокандского ханства“, стр. 14—19.

³ П. П. Иванов—„Очерк истории каракалпаков“. Сб. „Материалы по истории каракалпаков“, М.-Л. 1935 г.

⁴ М. 1948 г.

⁵ М.Л. 1948 г.

⁶ Краткие сообщения института этнографии. 1947 г., вып. 2.

⁷ Журн. „Советская этнография“, 1947 г. № 3.

⁸ М.Л., 1948 г.

⁹ Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М. 1952 г.

¹⁰ Журн. „Советская этнография“, 1949 г., № 2.

¹¹ Б. В. Андрианов—„Этническая территория каракалпаков в Северном Хорезме (XVIII—XIX вв.)“. Рукопись, М. 1950 г.

¹ Рукопись. М. 1952 г.

² Рукопись. М. 1952 г.

³ Рукопись. ч. 953 г. Четыре последние диссертации опубликованы в III т. „Труды Хорезмской экспедиции“. М. 1952 г.

⁴ Частично результаты этих исследований вошли в доклад „О фольклоре ферганских каракалпаков“, зачитанный Х. Т. Зарифовым на выездной сессии Академии наук Уз. СР в г. Нуксе в 1945 г. Но в основном они хранятся лично у Х. Т. Зарифова и потому недоступны для изучения. Нас Х. Т. Зарифов в личной беседе познакомил с греческими легендами, записанными им у ферганских каракалпаков, особенно интересными в связи с тем, что 30 лет назад эти легенды население еще лучше помнило.

⁵ Ознакомиться с материалами И. И. Иногамова автору не представилось возможным.

⁶ Институт этнографии Академии наук СССР. Рукопись.

ны¹. Таким образом, хотя в советский период и было начато изучение этнографических особенностей ферганских каракалпаков, но до наших исследований в литературе не появилось никакого, хотя бы краткого, но более или менее цельного этнографического описания этой группы. Это и послужило одной из причин выбора нами данной темы для исследования².

В советский период каракалпаки Ферганы подвергались обследованию также в антропологическом и лингвистическом отношениях. В 1928 году их обследовал А. И. Ярхо. В начале тридцатых годов он написал статью „Антропологический тип каракалпаков“, в которой проводится сравнение антропологических данных каракалпаков Ферганы и проживающих в Кара-Калпакской АССР. Статья была опубликована в I томе „Трудов Хорезмской экспедиции“ в 1952 году.

В 1946 году антропологические особенности ферганских каракалпаков вновь были обследованы В. И. Зезенковой (САГУ), причем результаты этой работы были опубликованы в сборнике Л. В. Ошанина и В. И. Зезенковой „Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии“, вышедшем в Ташкенте, в 1953 году.

Наконец, в 1953 году ферганские каракалпаки были изучены в антропологическом отношении сотрудниками Киргизской комплексной экспедиции во главе с доктором биологических наук Г. Ф. Дебецом, о чем сообщила на отчетной экспедиционной сессии И. М. Золотарева в своем докладе „Соматологические исследования в Ферганской долине“, опубликованном в сборнике „Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции“ за 1956 год.

О лингвистических особенностях ферганских каракалпаков имеется лишь одна работа—это статья Т. Ибрагимова „Некоторые особенности каракалпакского говора“, напечатанная на узбекском языке. В 1944 году говор ферганских каракалпаков, наряду с другими говорами Наманганской области, изучался членом-корреспондентом Академии наук УзССР А. К. Боровковым. Итоги обследования были подведены в работе „Узбекские говоры Наманганской области“, которая не была опубликована и хранится в архиве Института языка и литературы имени А. С. Пушкина Академии наук УзССР.

Сведения о численности и расселении ферганских каракалпаков имеются в опубликованных материалах Всесоюзной переписи населения 1920 года и Всесоюзной переписи 1926 года. Таковы те немногочисленные материалы, в которых упоминаются каракалпаки Ферганы в советский период.

Очень большое значение для разработки нашей темы, понимания событий, происходящих в Ферганской долине, а также в бассейне Сыр-Дарьи, имели созданные в советский период общие исторические работы³.

В качестве сравнительного материала по ферганским узбекам мы использовали очень интересные сведения, содержащиеся в монографии по узбекскому колхозу, написанной сотрудниками Института истории и археологии Академии наук УзССР кандидатом филологических наук О. А. Сухаревой и М. А. Бикжановой. „Прошлое и настоящее селения Айкыран“ (опыт этнографического изучения колхоза имени Сталина, Чартакского района, Наманганской области²). Эта монография ценна не только тем, что в ней содержатся сравнительные материалы по ферганским узбекам (их социально-экономическая характеристика в прошлом, сведения об их занятиях, материальной культуре и семейной жизни в прошлом и настоящем), но и тем, что она помогает понять общие социально-экономические условия Ферганской области в период её вхождения в состав царской России, а также тем, что подробная характеристика современной материальной культуры узбеков (главным образом, жилища и одежды) помогает глубже анализировать и материальную культуру ферганских каракалпаков, которая в настоящее время, как мы увидим ниже, имеет целый ряд общих черт с узбекской материальной культурой³.

Таковы полевые, архивные и литературные материалы, использованные в данной работе.

* * *

По антропологическим признакам (главным образом по степени убывания монголоидности) ферганские каракалпаки зани-

¹ Сведения, собранные Я. Р. Винниковым, для автора явились ценными в том отношении, что помогли ориентироваться в расселении каракалпаков в Ферганской долине и правильно выбрать объекты исследований, наметить маршруты поездок.

² В результате исследования данной темы автором была написана работа „Ферганские каракалпаки“ (историко-этнографический очерк) являвшаяся его кандидатской диссертацией. Эти материалы в основном вошли в настоящую книгу. Автором написаны и опубликованы две статьи: „Материалы по этнографии ферганских каракалпаков“ (Краткие сообщения института этнографии Академии наук СССР, вып. XXI, М., 1954 г.) и „Из истории ферганских каракалпаков“ (К вопросу о переселении группы каракалпаков в Ферганскую долину). (Ученые записки Кара-Калпакского госпединститута. Нукус. 1957 г.).

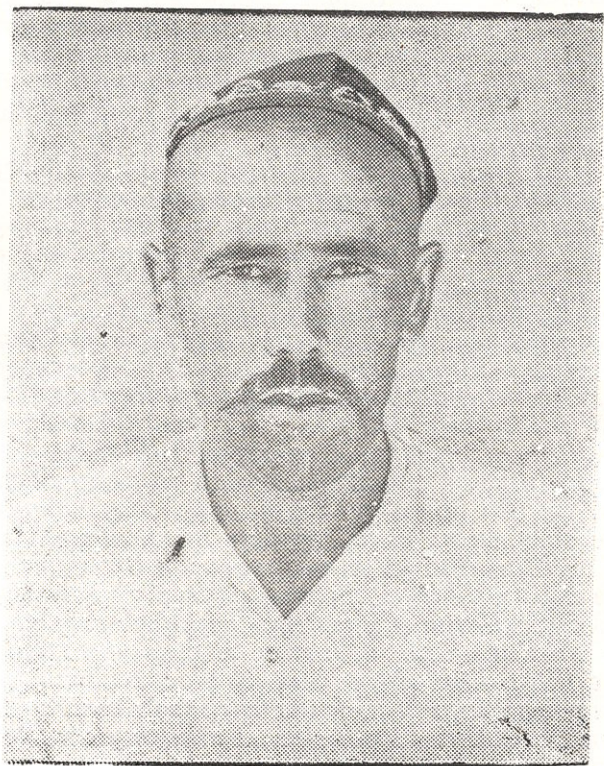
¹ История Узбекской ССР. тт. I и II, г. Ташкент, 1955—1956 гг. „История Казахской ССР“, ч. I, Алма-Ата, 1957 г. и „Материалы научной сессии, посвященной истории средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период“.

² Ташкент. 1955 г.

³ Для сравнения автором использовались также ряд работ по жилищу народов Ферганской долины: В. А. Ворониной „Узбекское народное жилище“ (журнал „Советская этнография“, 1949 г. № 2), „Народные традиции архитектуры Узбекистана“ (М. 1951 г.) и А. К. Писарчик „Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX—XX вв.“ (Среднеазиатский этнографический сборник I, М., 1954 г.).

мают промежуточное место между каракалпаками Кара-Калпакской АССР и узбеками Ферганы¹. Это означает, что физический тип каракалпаков за длительное время пребывания их в Ферганской долине несколько изменился в результате смешанных браков с узбеками².

Антропологический тип ферганских каракалпаков.

По наблюдению лингвистов говор ферганских каракалпаков значительно отличается от собственного каракалпакского языка, что является результатом длительного влияния языка соседних узбеков³. Об этом свидетельствует следующий факт: в 1936 году, когда были предприняты попытки в некоторых центрах

¹ См. вышеуказанные работы А. И. Ярхо, В. И. Зезенковой и И. М. Золотаревой.

² Интересно отметить, что каракалпаки—мужчины издавна женились на узбечках, тогда как девушки каракалпачки до самого последнего времени не выходили замуж за узбеков.

³ См. работы Т. Ибраимова и А. К. Боровкова.

расселения ферганских каракалпаков (сельсовет Кема-Баши, Нарынского района, Наманганской области) ввести обучение на каракалпакском языке (в школах дети ферганских каракалпаков учились на узбекском языке), то это оказалось очень затруднительным и для учеников и для учителей из ферганских каракалпаков. Учителя—каракалпаки сами поставили вопрос перед районо о разрешении продолжать преподавание на узбекском языке¹.

Однако, хотя говор ферганских каракалпаков и близок к узбекскому языку, но в нем сохранились еще некоторые специфические особенности каракалпакского языка: например, такие важные фонетические особенности, как явления сингармонизма (атлар, но итлер), „жокание“ (т. е. начальный „й“ звучит в их говоре, как и в литературном каракалпакском языке, как „ж“: жол, жуз, жок, жузум, жаман и др.), некоторые грамматические формы (например, форма дательного падежа личных местоимений—маган, саган, в отличие от формы менга, сенга, свойственной узбекскому языку) и некоторые отличия в лексике (например, масло у ферганских каракалпаков называется май, как и у хорезмских каракалпаков, а у узбеков—ёг)² и др.

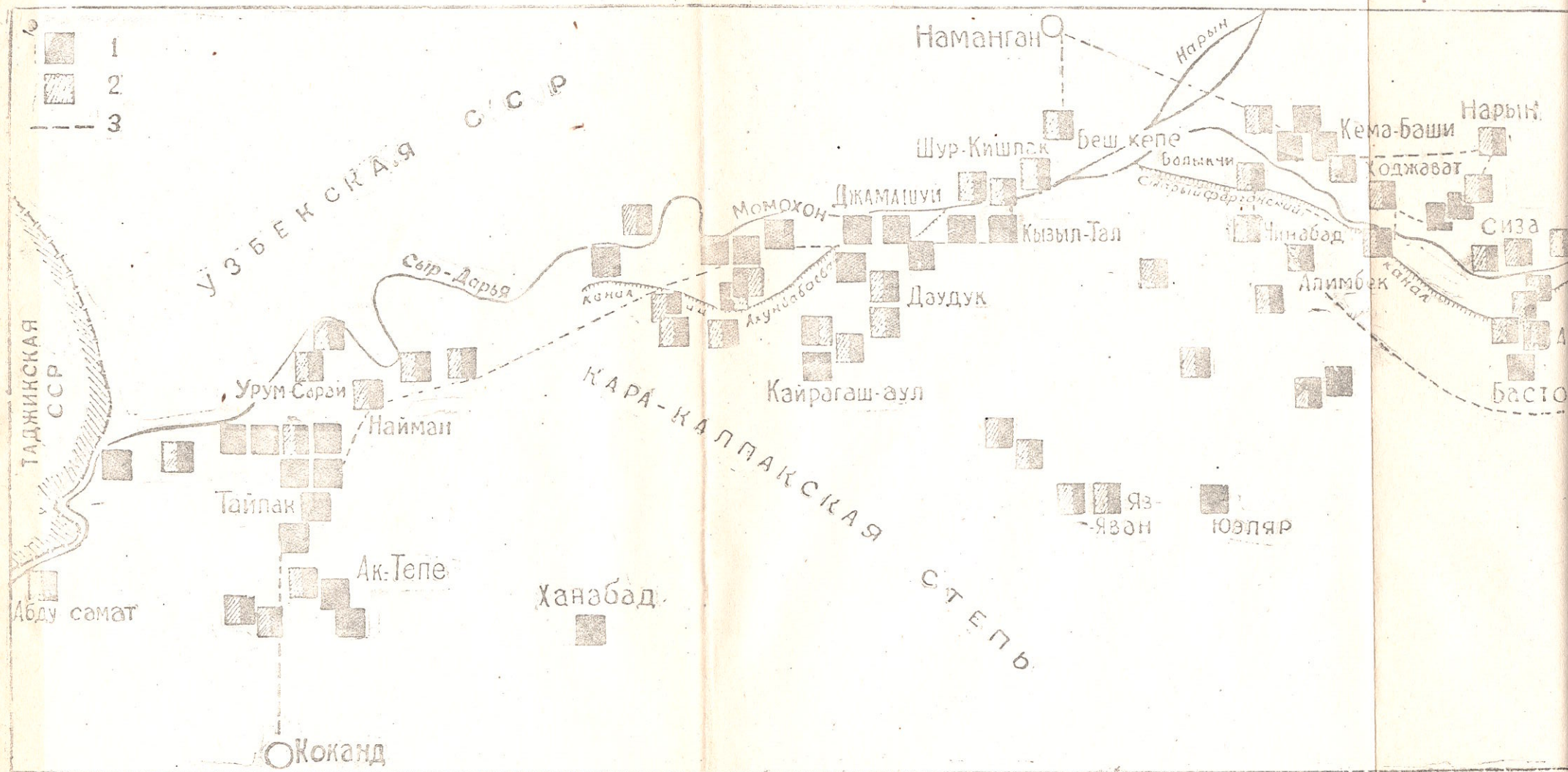
¹ Полевая запись № 35 за 1953 г.

² См. работы Т. Ибраимова и А. К. Боровкова, а также наблюдения кандидата филологических наук Д. С. Насырова. Специфические особенности каракалпакского говора наиболее ясно прослеживаются у людей старшего поколения, молодежь же чаще стремится говорить на литературном узбекском языке.

(по этнографической карте Ферганской долины по данным 1950 г., составленной Я. Р. Винниковым).

1—каракалпаки; 2—другие национальности и этнические группы, живущие совместно с каракалпаками; 3—маршрут поездки автора в 1953 г.

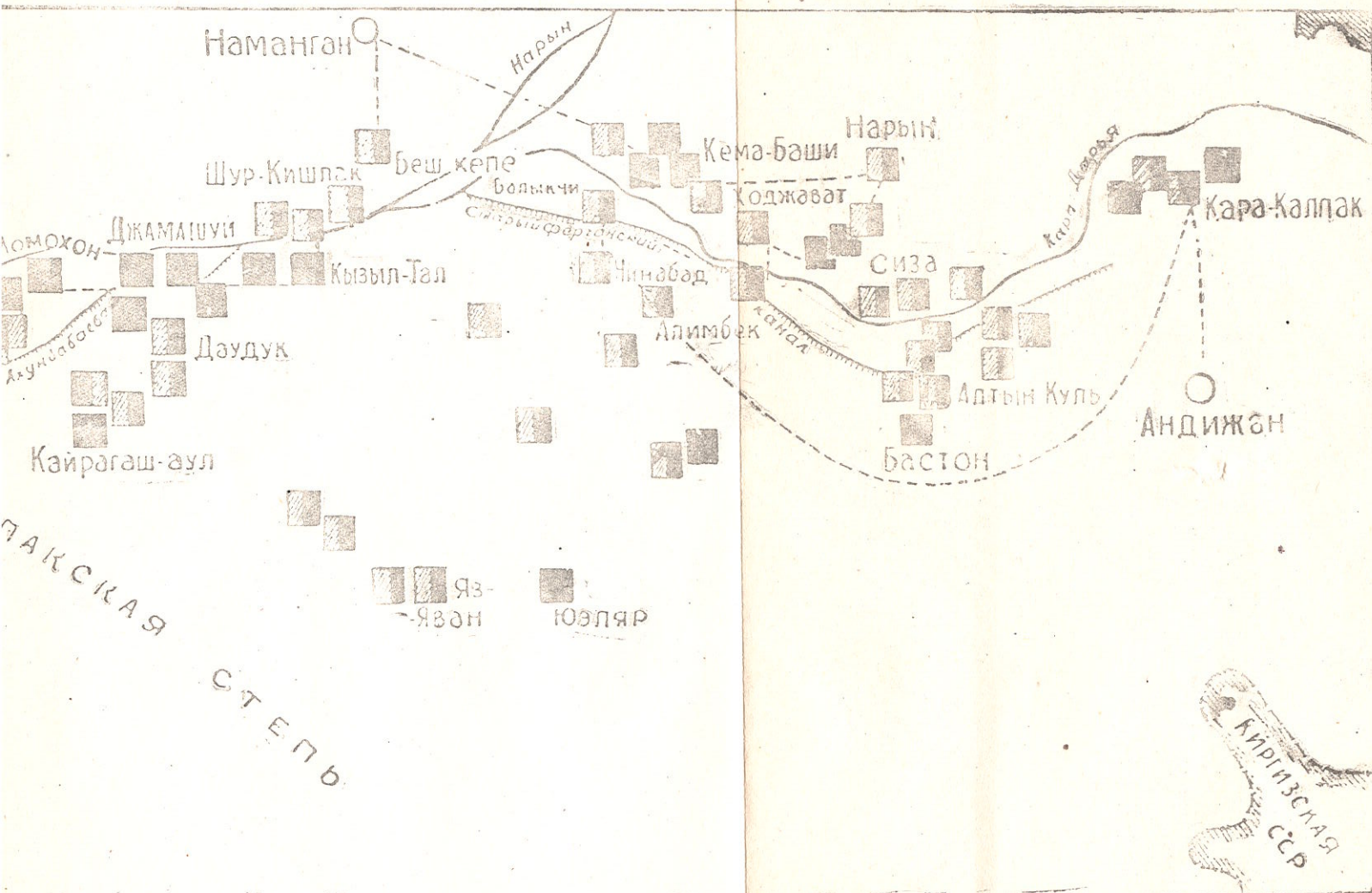

А РАССЕЛЕНИЯ КАРАКАЛПАКОВ В ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЕ

е Ферганской долины по данным 1950 г., составленной Я. Р. Винниковым).

и этнические группы, живущие совместно с каракалпаками; 3—маршрут поездки автора в 1953 г.

I ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КАРАКАЛПАКОВ В ФЕРГАНСКУЮ ДОЛИНУ

Насколько можно судить по литературным источникам, ферганские каракалпаки представляют собой часть так называемых „верхних“ каракалпаков, отделившихся в первой половине XVIII века от основной группы каракалпаков, живших в то время в низовьях Сыр-Дарьи. Начало этого процесса восходит, возможно, и к XVII веку.

Причиной разделения каракалпаков на „нижних“ (т. е. живших в низовьях Сыр-Дарьи, а впоследствии переселившихся на Жанга-Дарью и затем на Аму-Дарью) и „верхних“ (т. е. каракалпаков, переселившихся в районы, лежащие вверх по Сыр-Дарье) послужили бурные исторические события, развернувшиеся в первой половине XVIII века в районах, расположенных на нижней и средней Сыр-Дарье. Джунгарское нашествие в 1723 году на эти районы заставило одну часть живших здесь казахов и каракалпаков уйти к устью Сыр-Дарьи и в Хивинское ханство, а также на северо-запад в приуральские степи; другую часть — подняться вверх по реке Сыр-Дарье.

Об отдаленных временах борьбы с джунгарами сохранились воспоминания в исторических песнях ферганских каракалпаков. Нами была записана песня, в которой воин-каракалпак, смертельно раненный в борьбе с калмыками, обращается с прощальными словами к своему брату, жене и ко всему каракалпакскому народу:

„Кара-Таудынг тегиде калдым йекке,
Калмакнынг оқы тийди как йурекке,
Ырғыдым мине алмадым кара-кокке,
Барсанг салам айта бар Исмадияр бекке....
Бизди елге барып айтыңлар Сыр жайласын,

Темир казық қакышып ат байласын,
Аширбек олди деп енди ойласын¹.

то есть: „Под кара-Тау остался я один.

Стрела калмыка попала мне прямо в сердце,
Я вскочил, но не смог сесть на черно-синего коня.
Если пойдешь, передай привет Исмадияр беку....
Скажите моему народу, пусть живет вдоль реки Сыра,
Пусть вбивает железные колья и привязывает лошадей.
Пусть теперь думают, что Аширбек умер².

Эта песня свидетельствует о том, что предки ферганских каракалпаков боролись с калмыками во время нашествия последних на районы среднего течения Сыр-Дарьи и что борьба происходила где-то около гор Кара-Тау (как известно, Кара-Тау—горный хребет в южном Казахстане; этот хребет проходит недалеко от г. Туркестана, в окрестностях которого в XVII—XVIII вв. жила основная масса „верхних“ каракалпаков).

* *

В годы непосредственно после джунгарского нашествия какая-то, вероятно незначительная часть „верхних“ каракалпаков вместе с казахами проникла в долину реки Зеравшан и в Ферганскую долину. Но основная масса „верхних“ каракалпаков продолжала жить, как об этом свидетельствуют источники, на среднем течении Сыр-Дарьи, от г. Туркестана до г. Ташкента, и находилась в зависимости от джунгар. В 1743 году к этой группе „верхних“ каракалпаков присоединилась часть „нижних“ после жестокого разгрома их ханом Младшего Казахского Жуза Абулхаиром.

Разгром этот был вызван тем, что „нижние“ каракалпаки в 1742 году отправили посольство в Оренбург (а потом и далее в Петербург) с просьбой о принятии их в русское подданство, и в 1743 году им было объявлено об удовлетворении их просьбы. Абулхаир опасался превращения каракалпаков в союзников России и жестоко разгромил их³.

Вот как П. Рычков пишет о последствии этого события: „... сей народ оным ханом и киргиз-кайсаками еще утесняем и разоряем был и в такое бедное состояние приведен, что после того в Оренбург почти никто уже от них не езживал,

¹ Выдержки приводятся в соответствии с произношением наших информаторов.

² Полевая запись № 35 за 1954 год. Сообщил Абдималик Аманов, каракалпак, в возрасте 41 года. Кишлак Яккатут, Задарьинского района, Наманганской области.

³ И. П. Иванов. Ук. соч., стр. 66—67., П. Рычков, „Топография Оренбургской губернии“. СПб, 1762 г., стр. 121.

„Старшего Жуза, младшего
своей центральными“

а как слышно, что опасаются киргизцев и кочует их в тех местах, где прежде кочевали, весьма мало, а подвинулись больше к верхним каракалпакам, которые их же киргизцев боясь подались в протекцию Зюнгорского владельца...⁴. Другая часть каракалпаков двинулась на Жанга-Дарью и в районы к юго-востоку от Аральского моря.

„Верхние“ каракалпаки, большая часть которых жила в этот период на среднем течении Сыр-Дарьи, располагались, таким образом, на территории Среднего Жуза, центр которого был около Туркестана⁵. Старший Жуз находился в зависимости от джунгар. Средний Жуз, хотя и признал в 1731 году русское подданство, но часто попадал в эту же зависимость. Ханы Среднего Жуза вели двурушническую политику и состояли одновременно и в русском и в джунгарском подданстве⁶.

Ханы Старшего и Среднего Казахских Жузов часто совершали набеги на „верхних“ каракалпаков, разбросанных отдельными небольшими группами на большой территории, отбирали у них скот, забирали жителей в плен. В литературе нередко отмечались эти походы казахских ханов⁷.

В 1748 году во время борьбы из-за захвата каракалпаков и их имущества произошла схватка между ханами и султанами Казахских Жузов, в результате которой был убит Абулхаир-хан. В этой схватке принимал участие один из султанов Среднего Казахского Жуза-Барак вместе со своим сыном Шигаем⁸. Вслед за этим в источниках упоминалось подчинение „верхних“ каракалпаков Барак-султану. Вот что об этом пишет В. Вельяминов—Зернов:

„Барак набрал... тысяч пять войска из Найманов, Каракисяков, Кунгратов и даже Киргизов Большой Орды... и выступил в поход против верхних каракалпаков. Покорив каракалпаков и взяв с них 10 человек в аманаты, Султан распустил войско свое...“⁹.

Сообщения о подчинении „верхних“ каракалпаков Барак-султану для нас особенно интересны, так как из сохранившихся документов первой половины XVIII века известно, что ханы Старшего и Среднего Жузов в то время оказывали некоторое влияние на исторические события, происходящие в Ферган-

¹ П. Рычков. Ук. соч., стр. 13.

² П. П. Иванов. Ук. соч., стр. 68.

³ См. „История Казахской ССР“. Цит. изд. 167—172: 180—182. А. И. Левшин, Ук. соч., стр. 198—202.

⁴ П. П. Иванов. Ук. соч., стр. 68; Г. Н. Потанин. Материалы по истории Сибири. М., 1867 г., стр. 39; В. В. Вельяминов—Зернов. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Средней Азией. Уфа, 1853 г. стр. 4, 8, 9.

⁵ А. И. Левшин. Ук. соч., стр. 176—178.

⁶ В. В. Вельяминов—Зернов Ук. соч. т. 1, стр. 9; см. также В. Н. Витевский „Неплюев и Оренбургский край“, Казань, 1895 г., стр. 7—21.

ской долине, а Шига́й-хан в 1748 году даже владел районом г. Намангана¹.

Шига́й был сыном Барак-султана, завоевавшего „верхних“ каракалпаков и возможно, что вместе с Шига́ем в район Намангана пришли не только казахи, но и подчиненные ему каракалпаки. Интересно тут же отметить, что некоторые легенды о приходе каракалпаков в Ферганскую долину, записанные у ферганских каракалпаков говорят, о том, что будто они пришли в эти места при Абду-Керим-бие². Время правления Абду-Керим-бия (по Наливкину)—1740—1760 гг., и Наманган был взят Шига́й-ханом именно во время правления Абду-Керим-бия³.

Таким образом, повидимому, в первой половине XVIII века отдельные группы каракалпаков уже проникли в Ферганскую долину, хотя основное переселение их на эту территорию произошло позже.

Во второй половине XVIII века усиливается процесс проникновения каракалпаков в глубь оседлых районов Средней Азии вверх по Сыр-Дарье⁴.

Бухарский историк Мухаммед Вефа в своем труде „Тарих и Рахим-хани“ пишет, что уже в 1754 году в районе Хаваса (Урсатьевской) появились 6 тысяч семейств каракалпаков. Бухарский хан Рахим предложил им признать бухарское подданство. Это свидетельствует о том, что данная группа впервые появилась в пределах Бухарского ханства. После принятия подданства они были переселены на реку Зеравшан (в Канигиль)⁵.

В XIX веке в районе Зеравшана часто упоминались каракалпаки, принимавшие деятельное участие в политических событиях в Бухарском ханстве⁶.

Переселение основной части каракалпаков в Ферганскую долину, по нашему мнению, произошло в последней четверти XVIII века—во время правления в Фергане Нарбута-бия. Како-

¹ П. П. Иванов. „Казахи и Кокандское ханство“. Записки института востоковедения. VII. М. Л. 1939 г., стр. 97; см. также „Протоколы заседаний и сообщений Туркестанского Кружка любителей археологии“, г. XX, вып. 2. Ташкент, 1916 г., стр. 114—115 и В. Наливкин. „Краткая история Кокандского ханства“, Казань 1886 г. стр. 63.

² См. доклад Я. Р. Винникова „К вопросу о расселении некоторых народов и этнич. групп Ферган. долины“. Рукопись, Архив института этнографии, стр. 7.

³ В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886 г., стр. 63.

⁴ См. Протоколы засед. и сообщ. Туркест. кружка любит. археол. Год XX вып. 2. Ташкент, 1916 г., стр. 102—103.

⁵ См. там же.

⁶ См. В. Григорьев. Записки Мирзы Шемса Бухари. Учен. записки Казан. Университета. 1861 г. кн. 1, стр. 12—13; Л. Д. Гребенкин, „Узбеки“, Русский Туркестан. Сборник изданный по поводу политехнической выставки М. 1872 г. стр. 94—99; В. В. Радлов. Средняя Зеравшанская долина. Записки РГО по отд. этнографии. Т. VI, 1880 г., стр. 63.

вы основания для наших предположений? Во-первых, в большинстве легенд о переселении, записанных нами у ферганских каракалпаков, говорится, что это произошло 7 ата (поколений) назад¹. Поколение в нашей исторической литературе принято считать за 25 лет. Таким образом, 7 поколений—175 лет, т. е. переселение произошло в 70-х гг. XVIII века, что как раз соответствует времени правления Нарбута-бия. Во-вторых, в некоторых случаях информаторы прямо говорят о том, что переселение произошло во время Нарбута-бия².

Подтверждение сведений народных легенд мы нашли также в архивных материалах. В одном из документов ЦГИА УзССР имеются данные о том, что во время Нарбута-бия каракалпаки в Ферганской долине были, и что распределение между ними по крайней мере части земель производилось этим бием. Документом этим является протокол, составленный в 1882 году в г. Коканде на основании допроса судебным следователем Маргеланского уезда Сологубом нескольких каракалпаков „по делу о вымогательстве 108 тиллей с жителей кишлака Хаузак бывшим каракалпакским волостным управителем Арсланкулом Уста-Нурмановым“. Один из опрошенных потерпевших показал: „Зовут меня Халь-Муратбек-Муратов, 47 лет, вероисповедования магометанского, неграмотный, каракалпак, живу в кишлаке Хаузак, под судом и следствием не был. В дачах к. Хаузак (Биш-Сары и Найман-махале этого кишлака) находится озеро Яр-Куль, заросшее камышем, и пахотная земля, прилегающая к озеру, находившаяся во владении (на правах собственности) жителей этого кишлака, которые имели на озеро и землю казиевский документ, выданный Нарбуга-беком нашим праотцам и хранившийся у однокишлакца нашего Манбека“³.

Однако переселение каракалпаков в Ферганскую долину в конце XVIII века еще не завершилось. Оно происходило и позже. И, повидимому, последним сколько-нибудь значительным переселением каракалпаков в эти места было переселение в насильственном порядке пленных-каракалпаков, захваченных во время походов войск Алим-хана на Ташкент. Алим-хан, первый принявший ханский титул, после чего и сама Фергана получила название Кокандского ханства, расширил территорию ханства за счет присоединения к нему Ташкента и Чимкента. Войска Алим-хана неоднократно совершали походы на Ташкент. Во время этих походов под Ташкентом было захвачено боль-

¹ См. полевые записи 1953 г. №№ 11, 12, 52 и др. (Следует отметить что сведения, взятые из народных преданий, часто оказываются довольно точными, что не раз подтверждалось сопоставлением их с данными письменных источ. ков. Разумеется, в каждом случае нужен критический подход).

² См. Ук. доклад Я. Р. Винникова, стр. 7—8.

³ ЦГИА УзССР, Фонд 19, „Ферганское областное правление“. Опись 1 ед. хр. 737.

шое количество пленных. Наливкин в своей работе „Краткая история Кокандского ханства“ пишет, что Омар (который тогда еще не был ханом, а лишь возглавлял войска Алим-хана во время первого похода на Ташкент) „ограничил все ближайшие окрестности до самого Ташкента и захватил много пленных, большая часть которых, конечно, мирные жители“¹. Мы знаем, что в окрестностях Ташкента еще жило некоторое количество каракалпаков, несмотря на то, что большая часть „верхних“ каракалпаков к тому времени переселилась в более южные области Узбекистана.

В числе пленных, захваченных войсками Алим-хана, помимо, были каракалпаки, которых он и переселил в Ферганскую долину, чтобы увеличить количество своих подданных, а следовательно и плательщиков налога. Это последнее переселение наиболее и сохранилось в памяти населения и в легендах обычно упоминается именно оно. Таким образом, сопоставление данных народных легенд с данными литературных источников позволяет утверждать, что последняя значительная часть каракалпаков была переселена (в качестве пленных) в Ферганскую долину из-под Ташкента Алим-ханом во время его походов туда.

Со времени правления преемника Нарбута-бия — Алим-хана (1800—1809 гг.) каракалпаки в пределах Кокандского ханства уже часто упоминаются в источниках. Так, в „Краткой истории Кокандского ханства“ Наливкина в числе подданных Алим-хана, занимавших высокие посты, упоминается некий Арслан каракалпак².

Через несколько лет, уже во время царствования Омар-хана, русский переводчик Ф. Назаров, бывший в Кокандском ханстве в 1813—1814 гг., в своей книге, написанной на основании материалов этой поездки („Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии“), указывает, что на реке Сыр-Дарье, недалеко от г. Коканда, они шли „12 верст кочующими каракалпаками, занимающимися изделiem ковров, шерстяных тканей...“³. Следовательно, в начале XIX века каракалпаки уже, безусловно, были на территории Кокандского ханства и успели там до известной степени обжиться.

Сведения исторических легенд, сопоставленные с данными письменных источников, позволяют утверждать, что переселение каракалпаков в Ферганскую долину было неоднократным и не все они попали туда одним путем.

Местом своего прежнего обитания ферганские каракалпаки называют Жидели-Байсун. В современной историко-этнографической

литературе неоднократно ставился вопрос о местоположении Жидели-Байсуна (это название встречается в эпосе и легендах узбеков, казахов и каракалпаков). Некоторые исследователи считают, что легендарный Жидели-Байсун можно отождествить с Байсуном в бывшей Восточной Бухаре (на территории современной Сурхан-Дарьинской области). На основании изучения легенд ферганских каракалпаков мы пришли к другому выводу, присоединившись при этом к точке зрения кандидата филологических наук Х. Т. Зарифова, высказанной им в личной беседе. В большинстве легенд, записанных нами у ферганских каракалпаков в 1953—1954 гг., а также в легендах, записанных у них же в 1927 г. Х. Т. Зарифовым, местоположение Жидели-Байсуна указывается в низовьях Сыр-Дарьи или вообще в бассейне Аральского моря.

Вот выдержки из наших полевых записей: Информатор Ш. Мамедкулов из колхоза „Сталинабад“, Яз-Яванского района, Ферганской области, сообщил: „Мы слышали от дедов, что Жидели-Байсун, как будто, находится в низовьях Сыр-Дарьи“⁴.

Информатор Н. Назаров из колхоза имени Калинина, Фрунзенского района, Ферганской области, сообщил: „Я слышал, что по тому месту, где жили каракалпаки, протекала Сыр-Дарья и соединялась с морем. То место, где жили каракалпаки по берегам реки, называлось Жидели-Байсун... Также я слышал, что от того места, где жили каракалпаки, недалеко находится Хорезм“².

Информатор М. Ширалиев сообщил, что каракалпаки в Жидели-Байсуна жили в местности, называемой Семиз-Арал (т. е. Жирный остров³). Слово арал, буквально обозначающее остров, употребляется, кроме того, и в значении область дельты. Это указание ведет нас в дельты больших рек Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Во многих вариантах легенды говорится, что каракалпаки в Ферганской долине расселились вдоль Сыр-Дарьи потому, что они наделись при первом удобном случае уплыть на лодках и плотах вниз по течению Сыр-Дарьи, в Жидели-Байсун⁴. Это также показывает, что существует предположение о нахождении Жидели-Байсуна где-то в низовьях Сыр-Дарьи, куда можно добраться, плывя вниз по этой реке.

Большой интерес представляет также одна из легенд, сообщенных нам Х. Т. Зарифовым. Эта легенда записана им в 1927 году, когда легенды были еще более живыми в памяти населения. Приведем ее полностью.

¹ В. Наливкин. Ук. соч., стр. 86.

² Полевые записи № 16, 17 и 19 за 1953 г.

³ В. Наливкин. Ук. соч., стр. 99.

⁴ Ф. Назаров. Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии. СПб. 1821 г., стр. 72.

¹ Полевая запись № 31 за 1954 г.

² Полевая запись № 15 за 1954 г.

³ Полевая запись № 19 за 1953 г.

⁴ Полевая запись № 62 за 1953 г.

„В Жидели-Байсуне было 4 сан каракалпаков и 6 сан казахов. У каракалпаков был бек Урман-бий. После него осталась только дочь. Казахи протестовали, что женщина будет бием и избрали бия из казахов. Когда был выбран бий из казахов, последние забрали пастбища каракалпаков, которые назывались Жаик. Тогда каракалпаки собрались, посоветовались и сказали:

„Эдильди алди—эди алди,
Жаикти алди—жайди алди,
Энни алмаган не калды“

т. е. „Забрали Эдиль—забрали народ,
Забрали Жаик—забрали земли.
Теперь что осталось не взятое ими?“

Решили поселиться в другом месте. Дочь Урман-бия сказала: „Есть местность Самарканд, с унынием пойдете туда, согнувшись будете жать (собирать урожай). Кнут получите на шею, кровь будет течь по телу“. Каракалпаки не обратили внимания на ее слова. Две тысячи семей собрались и убежали ночью от казахов. Когда дошли до Ак-Мечети, из этих 2 тысяч семей (уй) половина через степь отправилась в Самарканд и в сторону Бухары; половина—в сторону Ташкента. Прибыли к Ташкенту обедневшие, голодные, напали на базар в городе. Население не могло бороться с ними и сообщило кокандскому эмиру. Эмир приехал с войском в Ташкент, сражался с ними. Через некоторое время эмир победил и всех забрал в Коканд (Х.Т.Зарифову сообщил в 1927 году Муллабаба Бабаяр, сын Халмурата, 59 лет, Кош-Тепе, Кокандского уезда)¹

В этом народном предании для нас интересно, во-первых, то, что название „Жидели-Байсун“ носит совершенно легендарный характер и располагается где—то в стороне Эдила (Волги) и Жаика (Урала). Это уже во всяком случае показывает, что речь идет не о Байсуне Сурхан-Дарьинской области, хотя точно место Жидели-Байсуна не определено. Во-вторых, несомненный интерес представляет и то, что из Жидели-Байсуна каракалпаки идут на юг через Ак-Мечеть (современная Кызыл-Орда), откуда часть их направляется в сторону Бухары и Самарканда, часть—в сторону Ташкента. Наконец, завоеваны каракалпаки были под Ташкентом, кокандским Алим-ханом. Все это совершенно исключает для той группы каракалпаков, о которой говорится в легенде, что они во время передвижения в Ферганскую долину заходили в Байсун Сурхан-Дарьинской области. Очень важным звеном в цепи наших построений является также казахское предание, опубликованное в 1900 году в „Записках Русского археологического общества“, в котором (также в легендарной форме) упоминается „народ „Байсын“, некогда, в

¹ Сообщено Х. Т. Зарифовым в личной беседе.

отдаленные времена живший „от места соединения Сыр-Дарьи с Аму-Дарьей до Астраханского моря“¹.

Все это, по нашему мнению, составляет значительные основания для утверждения, что название Жидели-Байсун относилось прежде, в отдаленные времена, когда возможно, еще не сложились узбекская, казахская и каракалпакская народности, к Приаралью. Родина предков каракалпаков всегда была связана с бассейном Аральского моря; предки кочевых групп узбеков, завоевавших в начале XVI века основные земледельческие районы Средней Азии, и часть предков казахов жили в степях Дешти-Кипчак, примыкающих к Аральскому морю.

Впоследствии, при переселении значительных групп каракалпаков, узбеков, казаков это название могло переноситься на другие места, в частности, оно было перенесено на г. Байсун в бывшей Восточной Бухаре (современной Сурхан-Дарьинской области). Позже название Жидели-Байсун приобрело легендарный характер, как название страны предков. В этом отношении интересно замечание, данное Н.С. Смирновой в ее докторской диссертации „Очерки казахской литературы XVIII века“. „В годы „великого бедствия“, на собственном горьком опыте убедившись, насколько обманчива оказалась мечта о легендарном Джидели-Байсыне, авторы устного народного творчества показывали новый путь к обретению земли лишившемуся родных кочевий народу: обрести их в борьбе с джунгарскими завоевателями. На стоянки, добытые эпическими героями в боях с джунгарами, переносились признаки идеального Джидели-Байсына: богатый травостой, обилие воды, мягкий климат, безвьюжные зимы...“.

Мечта о легендарном Жидели-Байсуне, как о земле предков, где каракалпакам жилось хорошо, отразилась в исторических песнях ферганских каракалпаков; отрывки из одной такой песни помнят еще и сейчас. В разных пунктах расселения ферганских каракалпаков вместе с легендами о переселении приводили и этот отрывок:

„Балаларымнынг азыгы,
Малларымнынг казыгы
Жидели сеннен айрылдым,
Май татыган балык гошин жемеген балаларым,
Колангса татыган кой гошине зар болды“.

т. е. „Пишу моих сыновей,
Колья, к которым привязывают мой скот,

¹ А. Нестеров. „Прошлое приаральских степей в преданиях киргиз Казалинского уезда“. Записки Вост. отд. Русск. Археолог. Общества. 1900 г. т. 12, вып. 4, стр. 95

² Н. С. Смирнова. Очерки казахской литературы XVIII века. Автореферат докторской диссертации, стр. 76-77.

Я оставил в Жидели.
Там наши дети не хотели есть жирной рыбы,
А здесь не могут найти плохого бараньего мяса¹.

Интересно здесь обратить внимание на то, что, повидимому, одним из любимых кушаний в Жидели-Байсуне была „жирная рыба“, что опять-таки ведет нас на крупные реки (например, Сыр-Дарью), где каракалпаки могли всерьез заниматься рыболовством.

Таким образом, основным путем переселения каракалпаков в Ферганскую долину был путь непосредственно с низовьев Сыр-Дарьи через Ташкент. Однако, вероятно, некоторая, хотя и незначительная, часть каракалпаков переселилась туда после предварительного (недолговременного) обитания в районах Бухары и Самарканда, на что есть отдельные указания в легендах. В связи с тем, что пути переселения каракалпаков в Ферганскую долину были различны, да и характер переселения был неодинаков (часть их была переселена насильственно, другие переселялись самостоятельно, хотя и под влиянием неблагоприятных обстоятельств), процесс переселения растянулся на несколько десятилетий.

1. Полевая запись № 18 за 1953 г. Записано от Б. Ходжанкулова. См. также полев. запись № 55 за 1953 г.

ФЕРГАНСКИЕ КАРАКАЛПАКИ ВО ВРЕМЕНА КОКАНДСКОГО ХАНСТВА 1. ЗАНЯТИЯ КАРАКАЛПАКОВ

После переселения в Ферганскую долину каракалпаки расселились в низких местах вдоль рек Сыр-Дарьи и Кара-Дарьи. Остановимся вкратце на природных условиях новых мест поселения данной группы каракалпаков.

Ферганская долина вытянута с северо-востока на юго-запад на протяжении 300 километров (между Ленинабадом и Узгеном). Со всех сторон она окружена высокими горными хребтами: с севера ее ограничивают хребты Чаткальский и Ферганский, с юга — Алайский и Туркестанский, являющиеся огромными Тянь-Шаня. Разомкнуты горы лишь в юго-западном углу долины — у Ленинабада. К горам примыкают предгорья. Третий пояс представляет дно долины, низменная местность. В направлении с северо-востока на юго-запад (т. е. в том же направлении, в котором вытянута и Ферганская долина) по Ферганской долине протекает одна из крупнейших рек Средней Азии — Сыр-Дарья, образуемая из слияния рек Нарына и Кара-Дарьи несколько к югу от г. Намангана. Во время переселения каракалпаков в Ферганскую долину пойма Сыр-Дарьи была в значительной степени заболочена: обширные озера и болота, заросли камыша, кустарника, а иногда и рощи турангыла наполняли долину реки.

В. Наливкин в „Краткой истории Кокандского ханства“ приводит описание ряда участков поймы верхней Сыр-Дарьи, извлеченное им из местных источников XVIII века. Эти описания дают наглядное представление о характере данной местности. В конце XVII века из-за болот и озер нельзя было проехать из Намангана в Маргелан, а надо было ехать через Шарихан и Балыкчи; местность, расположенная между реками Нарыном и Кара-Дарьей была заполнена болотами и озерами,

густыми зарослями камыша, кустарника и турангыла; „вдоль Сыр-Дарьи болота с камышом существовали так долго, что еще в начале XIX века у окраин Намангана встречались тигры“¹. В. Наливкин приводит также сведения о том, что в 20-х годах XVIII века „часть правого берега Дарьи (ниже Балыкчей) представляла еще собой обширный густой тугай“². Наши информаторы подтвердили эту характеристику местности. Так, например, в кишлаке Беш-кепе, Наманганского района, Наманганской области, нам рассказывали: „Раньше здесь и в теперешнем Задарьинском районе было много озер и камыша, люди боялись ходить из одного кишлака в другой, боялись заблудиться“³.

Расселение каракалпаков вдоль Сыр-Дарьи отмечают русские путешественники XIX века⁴. В Наливкин в „Краткой истории Кокандского ханства“ пишет, что большая часть каракалпаков „расселилась по равнинам и днам долин, не исключая низин, покрытых кустарными и камышевыми зарослями по берегам Аму и Сыр-Дарьи... весьма возможно..., что это был совершенно произвольный выбор, в основании которого лежали привычки и симпатии, выработанные веками еще на почве их прежней родины“⁵. Мы думаем, что в данном случае Наливкин прав. Причиной расселения каракалпаков в чрезвычайно трудных условиях в заболоченной пойме Сыр-Дарьи было не только то, что все лучшие места к тому времени были заняты другими народами (узбеки⁶, кыпчаки и др.), но и то, что комплексное земледельческо-скотоводческо-рыболовное хозяйство в дельтах и поймах крупных рек издавна было свойственно каракалпам на их прежних местах обитания⁷; этот тип хозяйства уходит далеко в глубь веков, ведет нас к предкам каракалпаков, обитавшим в Приаралье, — массагетам, эфталитам, огузо-печенежским племенам.

С. П. Толстов пишет о племени апасианов, входивших в состав массагетской конфедерации и живших в середине I-го тысячелетия до н. э. в низовьях Сыр-Дарьи: „Это были полуседлые племена, соединявшие древние традиции рыболовства

¹ В. Наливкин „Краткая история Кокандского ханства“ ст. 20, 22, 25.

² Там же стр. 55.

³ Полевая запись № 45 за 1953 г и др.

⁴ См. Ф. Назаров. „Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии“, стр. 72; Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии, стр. 140.

⁵ В. Наливкин. „Крат. ист. Коканд. ханства“, стр. 14.

⁶ Здесь, как и при дальнейшем изложении, мы говорим об узбеках без родовых делений, в прошлом и сивших название сартов. Именно они жили в непосредственной близости от каракалпаков и их культура оказала довольно большое влияние на культуру ферганских каракалпаков. В дальнейшем мы будем употреблять обозначение „узбеки“, „узбекский“ без оговорок — без родовых делений.

⁷ См. Т. А. Жданко — „Каракалпаки Хорезмского оазиса“, стр. 163.

и земледелия (теперь, вероятно, плужного) с развитым полукочевым скотоводством“¹. Тот же тип хозяйства выявил С. П. Толстов на основании археологических раскопок и у эфталитов V века и. э.² и у огузо-печенежских племен X—XI веков³. „Есть основания предполагать, — пишет тот же автор, — что обитатели северного Хорезма и прилегающих областей бассейна нижней Сыр-Дарьи и Приаралья в целом, сохранившие традиции полуседлой рыболовческо-скотоводческой культуры с сильной ролью каирного земледелия, составили в ходе дальнейшей истории этническую базу предков каракалпакского народа“⁴. Каракалпаки низовьев Сыр-Дарьи XVII—XVIII вв. вели тот же комплексный тип хозяйства, что отмечается в показаниях русских путешественников того времени, особенно в показаниях геодезиста Муравина, сопровождавшего поручика Гладышева, отправленного в качестве посла в Малый Казахский Жуз и посетившего „нижних“ каракалпаков в 40-х годах XVIII века⁵.

Вынужденные оставить низовья Сыр-Дарьи и переселиться в другие места, каракалпаки сохранили описанное выше комплексное хозяйство и селились преимущественно в сходных условиях, а именно — на каирных землях в дельтах или долинах рек. Русские путешественники XIX века, побывавшие у аму-дарьинских каракалпаков (Гельмерсен, Данилевский, Бутаков, Каульбарс), отмечают комплексное земледельческо-рыболовческо-скотоводческое хозяйство каракалпаков⁶.

Переселяясь в южные области Узбекистана, „верхние“ каракалпаки сохраняли то комплексное хозяйство, которое они вели до переселения, старались селиться в сходных условиях. Сведений по хозяйству „верхних“ каракалпаков немного. В 1762 году П. Рычков в „Топографии Оренбургской губернии“ писал: „Сии Верхние каракалпаки живут от устья Сыр-Дарьи, впадающей в Аральское море, вверх к Ташкенту. Пропитание их наипаче от земледелия и содержания рогатого скота, которым они весьма изобилуют, и живут зимой в юртах, а летом кочуют...“⁷.

Интересно также описание Гребенкиным группы зеравшанских каракалпаков, поселившихся в заболоченной пойме р. Зе-

¹ С. П. Толстов. „По следам древнехорезмийской цивилизации“, М., 1948 г. стр. 99.

² Там же стр. 214.

³ С. П. Толстов. Города гузов. Журн. „Советская этнография“, 1947. №3. стр. 71.

⁴ Он же. К вопросу о происхождении каракалпакского народа. Краткие сообщения института этнографии, 1947 г., вып. 2, стр. 72.

⁵ Гладышев и Муравин. Поездка из Орска в Хиву и обратно, соверш. в 1740—1741 гг. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным. Геогр. изв. „ГО. 1850 г., стр. 588—589.

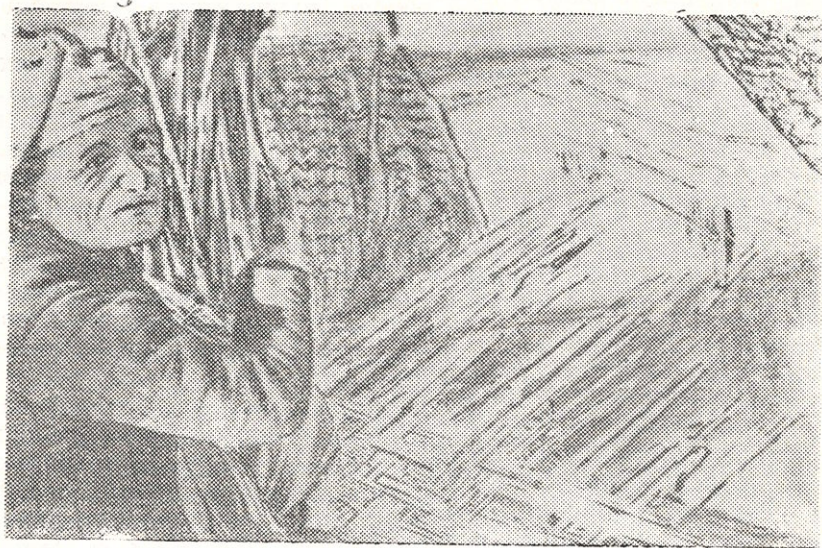
⁶ См. Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса.

⁷ П. Рычков. Топография Оренбургской губернии, 1762 г., стр. 26

равшан и проводших большие ирригационные работы, в результате которых они смогли заниматься земледелием".¹

В совершенно сходных условиях оказались и ферганские каракалпаки, расселившиеся в примерно таких же местах, как и места их прежнего обитания в низовьях Сыр-Дарьи. В народных легендах ферганских каракалпаков дается разъяснение, почему они расселились именно вдоль берегов Сыр-Дарьи. „Каракалпаков сначала переселили в Коканд. Им отвели место Ганджираван. Но каракалпаки сказали хану: У нас много скота,

Каракалпачка, занятая изготовлением бойра

разрешите нам поселиться вдоль берегов Сыр-Дарьи (по другому варианту:) „Мы поселимся по берегам Сыр-Дарьи, потому, что здесь есть камыш, мы будем делать бойра (цыновки) и продавать их, а также продавать кашак (молодой камыш—корм для скота), а также заниматься рыболовством“. Еще в одном варианте легенды говорится: „Каракалпаки расселились вдоль берегов Сыр-Дарьи, так как это удобно для скота, можно делать бойра из камыша, удобно заниматься земледелием“. Кокандский хан поручил следить за каракалпаками—какие у них намерения—враждебные или мирные, и собираются ли они уйти из Коканда или нет. Доносчики донесли, что каракалпаки покупают на базаре скот-баранов, коз, коров. Тогда хан сказал:

¹ А. Д. Гребенкин. Узбеки. Русский Туркестан. Сб. Вып. II. М., 1872 г. стр. 95—97.

„Эти люди никуда не уйдут“, — и позволил им поселиться по берегам Сыр-Дарьи. Каракалпаки расселились по Сыр-Дарье от Саур-Тепе до Бабагазы“¹.

В народных легендах, как мы видим, очень ярко отражаются особенности хозяйства ферганских каракалпаков.

Расселение основных групп каракалпаков (хорезмской, ферганской, зеравшанской) в дельтах и долинах больших рек было вызвано общим для них комплексным характером хозяйства. Для хозяйства ферганских каракалпаков, как и для хорезмских, характерно было сочетание земледелия, рыболовства и домашних промыслов, среди которых ведущую роль играло изготовление цыновок из камыша. В долинах больших рек можно было найти наиболее подходящие условия для ведения такого комплексного хозяйства.

Интересно привести для сравнения отрывок из одной легенды, записанной в 1946 году Т. А. Жданко в Муйнакском районе Кара-Калпакской АССР. Группа каракалпаков племени ашамайлы не добилась у хана разрешения поселиться в орошаемой местности и не имела возможности и сил непосредственно после переселения из Туркестана прорыть новый канал. „Собрался совет стариков и решил просить у хана земли возле Сор-куля: „Там можно сеять в низких местах без арыков, и хотя урожай будет небольшой, зато, живя по берегам озера, сможем заниматься и рыболовством, пока не соберемся с силами, укрепим и пророем канал. Хан, наверное, отдаст нам эти отдаленные земли, и нам будет хорошо, несколько лет никто из кунградских хивинцев так далеко не приедет (за налогами)“. Опять поехали к хану. Он подумал: „Земли все равно неурожайные“ и дал разрешение. Так ашамайлы поселились у Сор-Куля. Это действительно были солончаковые, пустынные земли. Но все же от них было много пользы: во-первых, хороший корм для скота; во-вторых, возможность заниматься рыболовством (у берегов озера); в-третьих, в низинах можно сеять без оросительных каналов“². Мы видим здесь полную аналогию и в природных условиях и в занятиях групп каракалпаков и в объяснениях причин расселения близ воды.

Поселившись в условиях заболоченной поймы Сыр-Дарьи, ферганские каракалпаки первоначально занимались полукочевым кайрым земледелием. Тяжелым было их земледелие. Участки для посевов предварительно приходилось очищать кетменём от камыша, кустарника, а иногда и вырубать лес. Сеяли сначала такие культуры, как просо, джугару, рис, дыни, арбузы. Урожай в то время были плохие, случалось, что и совсем нечего было собирать. Обработанные участки часто приходилось бросать (их заливало водой, или наоборот—они высыхали, иногда ис-

¹ Полевые записи №№ 19, 26 и 52 за 1953 год.

² Т. А. Жданко. „Каракалпаки Хорезмского оазиса“, стр. 494.

тощалась почва) и переселяться в новые места в поисках более удобных земель.

Приведем некоторые выдержки из полевых записей:

„Здесь было много озер, камыша; хорошей земли, годной для земледелия, не было. Поэтому долго не могли заниматься земледелием всерьез; сеяли рис и ак-джугару, но иногда совсем не собирали урожая, иногда собирали мало урожая“¹.

„Здесь было много камыша. У кого в семье было много рабочих рук, те очищали кетменем земли от камыша и жын-гыла и сеяли джугару и дыни. Кто не мог, те продавали на базаре жынгыл... Землю обрабатывали кетменем и омачем. Здесь было много озер, когда озера подсыхали, то сеяли джугару и др. Такой посев иногда давал урожай, иногда нет“².

„Раньше арыков и каналов не было, когда бывало полове, то затопляло берега на 2—3 километра, после того, как вода схлынет, на этих землях сеяли“³.

Спустя некоторое время, каракалпаки, освоившиеся в пойме реки Сыр-Дарьи, стали заниматься осушением заболоченных местностей (рыли осушительные арыки, отводившие излишнюю воду, засыпали болота землей). Осушение ряда болот позволило использовать освободившиеся участки для земледелия. И в то же время каирное земледелие в тех местностях, где подпочвенной влаги было недостаточно и не каждый год можно было собрать урожай, начало постепенно заменяться земледелием, основанным на искусственном орошении.

Первоначально каракалпаки стали проводить арыки из озер, близ которых жили. Так в литературе упоминается выведение арыков из озер Дам-Куль и Ащи-Куль (наиболее крупных), Минг-булак и др. Н. В. Кушелевский в работе „Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области“ пишет: „В центре почти, между Кокандом, Маргеланом, Наманганом и Чустом, находится довольно большое, но по всей вероятности, остаток прежде более обширного, озеро Дам-Куль. Оно топко, просеяно болотными растениями, берега заросли гигантских размеров камышом, в котором приютились кабаны... Точно такого же характера озера Минг-булак, Балыкчи и др. более мелкие... Некоторые из этих маленьких озер многоводны, так что земледельцы отводят из них арыки для орошения своих посевов...“⁴. Район расположения этих озер является одним из основных мест расселения ферганских

¹ Пол. запись № 49 за 1953 г. Арзыкул Таджибаев, 65 лет. Кишлак Джамашуй. Задарьинский район, Наманганской области.

² Пол. запись № 52 за 1953 г. Мухаммед Якуб Ерманов, 66 лет и Махаммедали Нурмухаммедов 70 лет—там же.

³ Пол. запись № 1 за 1954 г. Кишлак Оймаут, Фрунзенский район, Ферганской области.

⁴ В. Н. Кушелевский. „Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области“. 1890 г, Т. 1. стр. 77—78.

каракалпаков. Наши полевые записи подтверждают выведение каракалпаками из этих озер арыков для орошения посевов. „Во времена кокандских ханов каракалпаки выводили арыки из озера с ключевой водой, находящегося в Мингбулаке, и так орошали землю“¹. Иногда отводили небольшие арыки и от главных рек Ферганской долины—Сыр-Дарьи и Кара-Дарьи². Но отведение арыков от рек было связано с большими трудностями и практиковалось реже.

Орошение же земель каракалпаков водой рек, стекавших с гор, окружающих Ферганскую долину, и издавна, вплоть до XIX века являвшихся основными источниками орошения Ферганы³ практиковалось в малой степени. Вода этих рек, в основном, шла на орошение в предгорьях и тех частях долины, которые далеко расположены от поймы Сыр-Дарьи. Исключение представляет лишь река Сох, воды которой использовались каракалпаками, живущими близ Коканда. Из Соха были выведены арыки Каракалпак, Ак-Тепе-сай, Киялы-сай, являющиеся важными источниками орошения земель прикокандской группы каракалпаков⁴.

Позже, уже в XIX веке, кокандскими ханами был прорыт целый ряд крупных оросительных каналов, в значительной степени изменивших систему орошения Ферганской долины. В 1819 году, во времена Омар-хана, была начата постройка крупного канала Янги-арык, выведенного из реки Нарын напротив Уч-Кургана и в течение ряда лет доведенного до реки Сыр-Дарьи у Киргиз-Кургана. Янги-арык оросил земли Наманганского оазиса, страдавшего от маловодья, и дал возможность г. Намангану стать большим торговым городом⁵. В 40-х годах XIX века по инициативе временщика Мусульман-Кула был прорыт канал от Кара-Дарьи к озеру Дам-Куль⁶ (он прошел непосредственно через земли, населенные каракалпаками). „В 80-х годах этот канал был разрушен рекой Кара-Дарьей, хлынувшей в него всю свою массу“⁷.

На левом берегу реки Нарына, в местности Ики-Су-Арасы (между Нарыном и Кара-Дарьей) кокандскими ханами был проведен Уч-Курганский Арык, оросивший эту местность, также являющуюся одним из основных районов расселения фер-

¹ Пол. зап. № 49 за 1953 г.

² Пол. зап. № 52 за 1953 г.

³ Реки Исфара, Сох, Шахмардан, Исфайрам, Падша Ата, Гава и др.

⁴ Россия Переселенческое управление. Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области. Ташкент, 1915 г. П. 3. №№ 5, 19 и др за 1954 год.

⁵ В. Наливкин. Крайняя история Кокандского ханства. Стр. 27—29

⁶ В. Я. Нелюбин. К истории ирригации в Узбекистане. Ташкент. 9'0 г. стр. 21. Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферган. области. Ташкент, 1915 г. Карта

⁷ Н. Петров. Об ирригации в Туркестанском крае. Ташкент. 1894 г. стр. 72.

ганских каракалпаков. Наконец, крупнейшие каналы Ферганской долины Шарихан-сай, Андижан-сай и Улуг-нар (последние два канала были построены при кокандском хане—Худоярхане) были отведены от реки Кара-Дарьи и оросили южную область Ферганской долины. Шарихан-сай и Андижан-сай были отведены от Кара-Дарьи в урочище Кемпыр-роват (в 12 километрах от Узгена), а ниже Андижана от протока Кара-Дарьи был отведен канал Улуг-нар¹.

Проведение новых каналов было чрезвычайно тяжелым трудом для населения и вызывало у него большое недовольство. Дело доходило до того, что при вступлении ханов на престол брали с них обязательство—за время властвования не проводить новых каналов². Рытье каналов проводилось обычно путем принудительной натуральной повинности—каждый дом должен был выставить одного работника (иногда натуральная повинность переводилась на денежную, с каждого дома собирали деньги, а потом нанимали поденщиков)³.

Каналы рыли, разумеется, вручную, кетменями. Сроки работы часто затягивались против намеченных и работающие на стройке голодали. Трудности усугублялись чрезвычайной жестокостью ханских надсмотрщиков. Яркая характеристика всей тяжести положения населения во время строительства канала Улуг-нар приводится в следующей заметке: „Невероятные ужасы рассказывают туземцы о прорытии этого огромного канала. Тысячи людей погибли при работах от голода и изнурения. Многие были обезглавлены за нерадение, многие остались нищими, без куска хлеба, лишенные своих домов, разрушенных при прокопке канала. Некоторые землевладельцы, у которых отнимали имущество, бросались ниц на землю и не отдавали ее, говоря, что лучше умрут, чем уступят свой насиженный клочок, но их тут же на месте обезглавливали“⁴.

Тяжесть работы и жестокость надсмотрщиков вызывали волнения, иногда перераставшие в открытые восстания, но эти восстания жестоко подавлялись. Строительство каналов ничего не стоило ханам (напротив, с работающих на каналах собирали налог—конпули—деньги для содержания ханской челяди, присутствующей при строительстве каналов)⁵; а вновь орошенные земли через некоторое время начинали давать урожай, ¹/₅ которого поступала в ханскую казну в виде хераджа. Этим и объясняется заинтересованность ханов в строительстве новых каналов—

Все эти крупные каналы, построенные кокандскими ханами, Янги-арык, Хан-арык, Мусульман-кул, Андижан-сай, Шарихан-сай, Улуг-нар, Уч-Курганский арык и др., — частично проходили и через территорию, заселенную каракалпаками, и каракалпаки отводили от них небольшие арыки.

В работе А. Миддендорфа „Очерки Ферганской долины“ среди поселений, которые самовольно отвели арыки от канала Улуг-нар, упоминаются кишлаки Каракалпак и Супискан—Каракалпак. „Жители деревни Гассан-Гуссейн и нового поселения Каракалпак, Андижанского уезда, заложили, кроме того, в видах отведения большого количества воды в их новырытые каналы, плотину в первой половине Улуг-нара, через что значительно уменьшился приток воды к поселениям Маргеланского уезда“¹. В документах ЦГИА УзССР сообщается, что кишлаки, вошедшие позже в Каракалпакское сельское общество Шариханской волости Маргеланского уезда орошали земли арыками, выведенными из Шарихан-саю. Один из кишлаков пользовался водой арыка, выведенного из Улуг-нара².

По материалам того же архива из Хан-арыка брали воду кишлаки Биш-Копа, Гур-Курау и др., которые, как известно, были заселены каракалпаками³.

Это же подтверждали наши информаторы. В Яз-Яванском районе, Ферганской области информаторы нам сообщили: „Летом у нас обычно не было воды, а зимой вода приходила по Шарихан-саю, который шел к нам из Андижана. Когда зимой приходила вода по этому саю, то ее пускали на пахотные земли (шудигар жер), а летом на этих землях сеяли“⁴.

Осушение ряда заболоченных местностей и проведение оросительных арыков улучшило условия земледелия каракалпаков, сделало его более надежной отраслью хозяйства, создало условия для более или менее длительной эксплуатации отдельных земельных участков. Каракалпаки смогли расширить круг обрабатываемых культур и кроме тех, что возделывали ранее, стали сеять также пшеницу, кукурузу, маш, кунжут, морковь и местные сорта хлопка, используемые для собственного употребления⁵.

Во времена кокандских ханов, а особенно вскоре после переселения в Ферганскую долину, земледелие хоть и играло важную роль в хозяйстве каракалпаков, но не могло обеспечить их всем необходимым (как мы видели, иногда они вовсе не собирали урожая). Поэтому наряду с земледелием, доволь-

¹ Н. Петров. Об ирригации в Туркестанском крае. стр. 77—78.

² Там же стр. 17.

³ В. Наливкин. „Краткая история кокандского ханства“. стр. 27—29.

⁴ Русские ведомости. 1902 г. № 338.

⁵ В. Я. Непомнин. Ук. соч., стр. 21.

¹ А. Миддендорф. „Очерки Ферганской долины“. Прибавление IV А. стр. XXII.

² ЦГИА УзССР. ф. 19. Ферг. обл. правление. Ед. хр. 5987.

³ Там же. Ед. хр. 290.

⁴ Полев. зап. № 32 за 1954 г.

⁵ Полев. зап. №№ 12, 24, 25 и др.

но значительное место занимали и другие отрасли хозяйства.

Большое значение в хозяйстве каракалпаков в данный период имело и скотоводство. На это есть ссылки и в исторической литературе. Так, в „Обозрении Кокандского ханства“ (1849 г.) о хозяйстве каракалпаков сказано: „Небольшое число каракалпаков рассеяно по берегам Сыр-Дарьи, где они занимаются скотоводством и отчасти земледелием. Каракалпаки живут в войлочных юртах, но редко переходят с одного места на другое“¹. В. Наливкин в „Краткой истории Кокандского ханства“ пишет о каракалпаках: „Отнюдь не имея никакого влечения к горам, упорно держась среднего и нижнего пояса долины, они давно уже завели культурные, искусственно орошаемые поля, связали, таким образом, земледелие с более или менее широким скотоводством, стали впоследствии строить просторные курганчи, в которых зимовали со своим скотом“². Разводили каракалпаки прежде всего крупный рогатый скот и, в меньшем количестве, лошадей, овец и коз³. Разведение крупного рогатого скота было свойственно каракалпам и до их переселения из низовий Сыр-Дарьи⁴, а также разным группам каракалпаков после их переселения как в низовья Аму-Дарьи⁵, так и в южные области Узбекистана⁶. Скот каракалпаки пасли, прежде всего, в зарослях камыша по берегам Сыр-Дарьи. Обилие там корма для скота было одной из основных причин расселения их вдоль берегов этой реки. Кроме того, каракалпаками, живущими близ Каракалпакской степи, в качестве пастбищ использовалась и она. Нам информаторы рассказывали: „Когда каракалпаки поселились вдоль Сыр-Дарьи, лучшие горные пастбища были заняты кыпчаками и киргизами. Каракалпаки могли пасти свой скот в Каракалпакской степи. Они пасли там скот и потому степь называли Каракалпакской“⁷. В. Наливкин в своих работах „Краткая история Кокандского ханства“ и „Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы“ указывал на горы и предгорья, как основные летние пастбища каракалпаков. Он писал, что „обработка земли вручалась обыкновенно работникам или младшим членам семьи (сыновья и младшие братья), а главы семей продолжали оставаться скотоводами, проводившими большую половину года со скотом на

пастбищах“¹. Но в горах могли выпастить скот лишь наиболее богатые каракалпаки, разводившие к тому же в основном овец и коз (главным образом с целью продажи). Что касается основной массы каракалпакского населения, то оно не имело возможности ежегодно гонять свой немногочисленный скот в горы.

Преобладающее большинство каракалпаков летом переселялось со своим скотом на летовки (жазлау), расположенные довольно близко—в 1-3 километрах от зимовок, обычно на берегах озера, где было достаточно корма для скота (там же можно было заниматься рыболовством, плести цыновки и др.). Посевы в таких случаях сеяли иногда только на жазлау, а иногда и на жазлау и кышлау—в зависимости от конкретных условий. Информаторы нам сообщали:

„Летом мы переселялись на жазлау—на берега озера; там ставили свои кепе и сеяли дыни. В кышлау, используя зимние воды, сеяли пшеницу, хлопок (жайдары гоза). В кышлау летом никто не жил, только ходили туда через 5—6 дней, чтобы обрабатывать посевы“². „Летом мы брали кара уй и переселялись со скотом на берега озера. Летом на жазлау сеяли дыни, джугару, просо, хлопок, с другой стороны пасли скот. Поздней осенью возвращались в кышлау. Летовка располагалась за 1—2 километра от зимовки, место выбирали травянистое“³. Такой же полукочевой образ жизни вели и „нижние“ каракалпаки на Сыр-Дарье, а позже и на Аму-Дарье⁴.

В этот период существенную роль в хозяйстве каракалпаков играло и рыболовство. Свои рыболовецкие навыки они принесли с собой с низовьев Сыр-Дарьи⁵.

Нам рассказывали информаторы: „Узбеки называли каракалпаков шабаккор, т. е. любящие рыбу. Раньше каракалпаки ловили рыбу в озерах и реках⁶. Рыбу ловили при помощи сети (илашма), остроги (шанышкы), удочки (кармак), загородки из камыша (газа), вентеря (тор). Здесь ловили такую рыбу: сазанов, щук, сомов“⁷.

Подсобную роль в хозяйстве играли и домашние промыслы, снабжавшие семью большей частью необходимых предметов домашнего обихода, а отчасти изготавливавшие предметы, поступавшие в продажу. (Занимались ими в каждой семье, наряду с земледелием и скотоводством, и профессионалы-ре-

¹ В. Наливкин „Краткая история Кокандского ханства“, стр. 19 и В. и М. Наливкины Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы“, стр. 225.

² Полев. зап. № 10 за 1954 г.

³ Полев. зап. № 32 за 1954 г.

⁴ См. кандидат. диссертацию С. Камалова „Каракалпаки в Хивинском ханстве до присоединения к России“.

⁵ Там же.

⁶ Полев. зап. № 11 за 1953 г.

⁷ Полев. запись № 46 за 1953 г.

1. Обозрение Кокандского ханства. Стр. 190

2. В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства. Стр. 35

3. Полевые записи №№ 16, 17, 24, 31 и др. за 1953 г.

4. См. Ук. соч. Гладышева и Муравина, а также указанную выше работу С. Камалова.

5. См. Т. А. Жданко „Каракалпаки Хорезмского оазиса“.

6. См. П. Рычков. „Топография Оренбургской губернии“

7. Полев. запись № 16 за 1953 г.

меленники еще не выделялись). На первом месте стояло изготовление из камыша цыновок (бойра, чий), мешков (бардан), корзин (сават). Продажа этих изделий доставляла каракалпам дополнительные средства к существованию.

Широкую известность получило ковроткачество ферганских каракалпаков. При том небольшом количестве сведений, которые имеются в литературе о ферганских каракалпаках, сравнительно часто упоминается их занятие ковроткачеством как во времена кокандских ханов, так и в период вхождения Ферганской области в состав России. Так, уже в „Записках о некоторых народах и землях Средней части Азии“, составленных Ф. Назаровым в 1814 г. (где встречается первое упоминание ферганских каракалпаков в русских нарративных источниках), автор пишет, что они прошли „12 верст кочующими каракалпаками, занимающимися изделием ковров, шерстяных тканей“¹. В „Обзрении Кокандского ханства“, составленном в 1849 г., о каракалпаках сказано; „Они выделяют изрядные ковры, расходящиеся по всей Киргизской степи“². Из указания Назарова следует, что каракалпаки занимались также ткачеством. К упомянутым домашним промыслам следует также добавить кошмовальное, широко бытующее у каракалпаков и в последующий период.

Подводя итоги обзору хозяйства каракалпаков во времена кокандских ханов, можно сделать вывод, что оно носило полунатуральный характер; каракалпаки снабжали себя всеми необходимыми продуктами и большинством предметов домашнего обихода. На сторону они продавали, главным образом, изделия своих домашних промыслов—ковры и изделия из камыша, а иногда и сам камыш, который покупали у них, как корм для скота и как топливо. В свою очередь у узбеков-ремесленников каракалпаки покупали лишь некоторые предметы, не изготавливаемые ими самими,—металлическую и гончарную посуду, обувь, ювелирные изделия, сельскохозяйственные орудия, конскую сбрую и др.

2. СЕЛЕНИЕ И ЖИЛИЩЕ

В течение длительного времени после переселения в Ферганскую долину каракалпаки вели полукочевой образ жизни, с чем было связано продолжительное сохранение у них жилищ временного типа—юрт, шалашей из камыша (кепе) и землянок. Этот тип жилищ издавна был свойственен каракалпам и долго сохранялся и у других групп этого народа. Так, нам известно из источников, что в первой половине XVIII века у каракалпаков обеих групп—как „нижней“, так и „верхней“—основным

жилищем являлась юрта. П. Рычков в „Топографии Оренбургской губернии“ пишет: „Сии Верхние Каракалпаки... живут зимою в юртах, а летом кочуют“¹. Для зимовок каракалпаки выбирали обычно постоянные места—где-либо близ зарослей камышей, так как эти заросли защищали от сильных ветров; кроме того, камыш являлся основным топливом. Юрты окружали загородкой из жынгыла или снопов камыша. Для защиты от военных нападений каракалпаки строили глинобитные укрепления—кала, куда собирались со своими юртами во время военной опасности².

После переселения с нижней и средней Сыр-Дарьи, как на низовья Аму-Дарьи, так и в южные области Средней Азии—в долину реки Зеравшан и в Ферганскую долину—каракалпаки в течение долгого времени продолжали сохранять в основном жилища временного, переносного типа. Так, у хорезмских каракалпаков основным жилищем служила юрта; беднейшие семьи жили в шалашах (ылашык) и землянках (жертоле). Жилища постоянного типа (из пахсы) первоначально (в конце XVIII—начале XIX вв) стали строить для себя представители феодальной верхушки каракалпаков, и лишь после присоединения к России глинобитные дома (там) получили некоторое распространение. В центре расселения хорезмских каракалпаков—районе Чимбая, приблизительно на 3 юрты приходилась одна глинобитная постройка. На севере же расселения хорезмских каракалпаков юрта являлась основным типом жилища до самой революции³.

В долине реки Зеравшан каракалпаки также в течение долгого времени жили в юртах и шалашах из камыша. Постройки постоянного типа у них получили распространение лишь после присоединения Средней Азии к России. Как сообщает А. Д. Гребенкин, „у каракалпаков деревни состоят из совершенно изолированных хуторов (рабат), разбросанных на 10 кв. верстах. В промежутках между хуторами находятся пашни“. Рабат,—пишет он далее,—представляет собою правильный прямоугольник, ограниченный высокими стенами, с одними воротами. В рабатах живут по несколько не всегда родственных семей—в камышовых или, реже, войлочных юртах, еще реже—в сакях. Каждый рабат—небольшое укрепление⁴.

Жилища временного типа являлись основными и у ферганских каракалпаков на протяжении почти всего периода власти кокандских ханов. Только к самому концу правления ханов,

¹ П. Рычков Топография Оренбургской губернии. 1887 г., стр. 26.

² Там же, стр. 319. О жилищах нижних каракалпаков см. также П. Ив. нов. „Очерк истории каракалпаков“, стр. 48—49; С. Камалов „Каракалпаки в хивинском ханстве до присоединения к России“, стр. 19.

³ См. Г. А. Жданко „Каракалпаки Хорезмского оазиса“, стр. 526.

⁴ А. Д. Гребенкин. „Узбеки“. Стр. 97.

¹ Ф. Назаров. „Зап. о некот. народах и землях Сред. ч. Азии“ стр. 72.

² Обозрение Кокандского ханства, стр. 190.

уже во второй половине XIX века, у ферганских каракалпаков начинают появляться первые постройки постоянного типа.

Переселившись в Ферганскую долину, некоторые каракалпаки перевезли с собой юрты. Однако, как мы видели выше, пути переселения каракалпаков в Ферганскую долину были сложны и сам период переселения длителен. Многие каракалпаки были переселены в Фергану насильственно—в качестве пленных, и поэтому естественно, что переселились они в крайней степени разорения и юрты удалось довести далеко не многим. Большинство на новых местах вынуждено было строить шалаши из камыша—кепе. В дальнейшем новые юрты делали для себя лишь более зажиточные каракалпаки. Существование юрт у ферганских каракалпаков зафиксировано источниками. В „Обзрении Кокандского ханства“ (1849 г.) отмечено: „Каракалпаки живут в войлочных юртах...“¹. У зажиточных каракалпаков юрты продолжали существовать вплоть до Октябрьской революции. Наши информаторы рассказывали: „Раньше были кепе и кара-уй (юрты). Юрты были только у богатых. Юрта здесь была только у мингбаши“². „Недавно—до 20-х годов—у некоторых богатых каракалпаков были юрты. В нашей семье тоже была юрта. Во время борьбы басмачей против советской власти басмачи отнимали юрты у всех. Кошмы подкладывали под седла. Кошом не осталось, юрты крыть стало нечем; деревянные части юрт постепенно пожгли и вообще использовали в хозяйстве. С тех пор не стало у нас юрт“³. Судя по всему, устройство юрты было у ферганских каракалпаков тем же, что и у хорезмских, и названия составных частей юрты были одинаковыми или аналогичными⁴.

Основным жилищем ферганских каракалпаков во времена кокандских ханов служило кепе. Оно по возможности повторяло как форму, так и основное устройство юрты. Обычно оно было круглым в плане и имело куполообразное (насколько позволял строительный материал) перекрытие. Остов кепе делали из несколько согнутых жердей. Если жердей нехватало,

их заменяли сплетенные вместе 5—6 стеблей камыша (длиной до 5 метров). Остов кепе покрывался цыновкой (бойра), сплетенной тоже из камыша. Сверху бойра клали камыш. Иногда кепе обмазывали снаружи глиной, но иногда и не делали этого. „Очаг был посредине кепе. Над очагом в крыше делалось отверстие, которое покрывалось цыновкой (бойра), к которой с двух сторон привязывали веревки. При помощи одной веревки отверстие открывалось, при помощи другой—закрывалось (как в юрте). Эта цыновка называлась какмак“¹. „Двери кепе завешивались чием“².

Иногда кепе делали и прямоугольной формы; остовом его также служили жерди—по углам и вдоль стен стояли деревянные стойки; горизонтально жерди были обычно укреплены в два ряда—на середине высоты стен и у крыши. Остов покрывался цыновками или просто слоями камыша и иногда обмазывался глиной.

В более позднее время кепе стало служить только в качестве летнего жилища, а потом—лишь как хозяйственная постройка. Впрочем, беднейшие слои каракалпаков до самой революции (я в первые годы после нее) жили в кепе. Как сообщил нам Х. Т. Зарифов, бывший у ферганских каракалпаков в 20-х годах, в то время еще бытовали кепе в качестве жилых помещений³.

Землянки (жертоле) широкого распространения не получили, хотя иногда сооружались бедняками и служили в одних случаях как жилые помещения, в других—хлевами для скота⁴.

На основании сообщений наших информаторов мы можем установить, что дома постоянного типа ферганские каракалпаки начали строить около 100 лет назад, т. е. во время правления Худояр-хана. Первоначально дома служили лишь в качестве зимнего жилища, а летом жили в кепе.

Технике строительства домов ферганские каракалпаки учились у соседних узбеков. Строительным материалом вначале служил кесак—бесформенные куски сухой глины. При этом строили тогда дома без деревянных стоек... Позже стали строить их из гуаля (округлые катыши из глины, высушенные на солнце). Строительство домов из гуаля было распространено в Ферганской долине повсеместно. В тех местах, где наиболее высоко

¹ Полев. запись № 45 за 1953 г.

² Полев. запись № 31 за 1953 г.

³ В настоящее время кое-где можно встретить кепе, используемое в качестве хлева для мелкого рогатого скота (сельсовет Момахон, Задарьинского района, Наманганской области). В качестве жилых помещений нам кепе встретились лишь в организованном в 1951 году на месте артели по выделке цыновки колхозе „Сталинабад“, Яз-Яванского района, Ферганской области. Кепе там имеют прямоугольную форму. С 1951 года в колхозе ведется строительство благоустроенных домов, большая часть колхозников уже в них переселилась.

⁴ Полев. записи №№ 6, 7, и 24 за 1953 г.

¹ Обзор Кокандского ханства. Зап. РГО, 1849 г., III, стр. 140.
² Полев. запись № 21 за 1953 г.
³ Полев. запись № 13 за 1953 г.
⁴ Информатор рассказывал нам следующие составные части юрты: кереге (кереге покрывалось цыновкой из камыша—чий) уик, чангара (или чангалак: двухстворчатая дверь юрты—ерганак; туйник (у хорезмских каракалпаков—тунглик); ак-кур и кзыл-кур—тканые полосы, поддерживающие кошмы, покрывающие куполообразное перекрытие юрты; в центре юрты был расположен треножник (темир очаг), в который вставлялся котел казан). (П. З. № 13 за 1953 г.) До настоящего времени юрты ферганских каракалпаков не сохранились. Нам не пришлось встретить даже какой-либо части юрты.

О юртах хорезмских каракалпаков см. Т. А. Жданко „Каракалпаки Хорезмского оазиса“, стр. 562—563; У. Х. Шалекенов „Социалистическое преобразование быта каракалпакского колхозного крестьянства“, М. 1953 г. Кандидат. диссертация. Рукопись Стр 178—182.

стоят подпочвенные воды, в качестве строительного материала употребляли кирпичи, вырезанные из верхнего слоя почвы, поросшего дерном (чим)¹, так как такие дома лучше противостояли действию подпочвенной влаги. Первоначально дома были чрезвычайно неприглядны и неблагоустроены. Вот как описывает дом, в котором он жил в детстве, один из наших информаторов; „Летом жили в кепе, а зимой в домах из гуаля, но более низких, чем современные, без окон и без дарча. В середине дома был очаг, а над ним—отверстие для выхода дыма. Днем дом освещался через дверь и через отверстие в крыше. Вечером освещали дом при помощи светильников-карачирак, в которых жгли кунжутное, кендырное и хлопковое масло. В более давние времена не было и кара-чирак, освещались при помощи горящего камыша“². Здесь интересно отметить перенесение из юрты и кепе в дом обычая устраивать очаг в середине помещения. Иногда в центре дома ставили даже железный треножник—темир-очаг³. Условия жизни в таких домах были лишь немногим лучше, чем в юртах и кепе. Неблагоустроенность жилища, тяжелые бытовые условия способствовали распространению среди каракалпаков различных серьезных заболеваний, ухудшали положение народных масс.

Как свидетельствуют литературные источники и наши полевые материалы, первоначально после переселения в Ферганскую долину каракалпаки не образовывали больших кишлаков. Им свойственен был разбросанный тип расселения, т. е. группы, состоящие обычно из нескольких кепе, населенных близкими родственниками (и уж во всяком случае членами одного родового подразделения), отстояли на значительном расстоянии друг от друга. Впоследствии кепе сменились домами, но расселение отдельно стоящими усадьбами еще продолжало некоторое время бытовать. Несколько юрт, кепе или домов близко родственных семей вместе с посевами этих хозяйств окружались обычно глинобитными стенами с бойницами, образуя, таким образом, курганчи (крепостцы)⁴, где жители укрывались во время непрерывных войн и междоусобиц, раздиравших Кокандское ханство.

В. Наливкин в своих работах сообщает об этом следующее: „Каракалпаки, сочетая занятие земледелием со скотоводством... стали впоследствии строить просторные курганчи, в которых зимовали со своим скотом“⁵. „Там, где основную массу населения составляют кыпчаки, каракалпаки, курама и недавно еще осевшие киргизы, кишлаки сравнительно редки и их ме-

сто заступают отдельные курганчи, хутора, окруженные высокими, нередко зубчатыми, с бойницами глинобитными стенами, которым в былое, смутное время не раз приходилось играть роль маленьких крепостей, отчего, собственно говоря, и получалось их название (курган—крепость; курганча—крепостца)“¹.

В кишлаке Кенегес, сельсовета Найман, Задарьинского района, Наманганской области, нам сообщили: „Раньше больших кишлаков не было. Жили по несколько домов вместе—родственники, члены одного рода“².

Кое-где следы разбросанного типа расселения можно наблюдать и сейчас—например, в том же кишлаке Кенегес, а также в кишлаке Кызыл-Тал, сельсовета Даудук, Задарьинского района, Наманганской области. Разбросанный тип поселения был свойственен также каракалпам Хорезмского оазиса³ и Зеравшанской долины⁴.

3. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

(Патриархально-феодалные отношения)

Во времена Кокандского ханства каракалпаки сохраняли деление на роды и управление биями, которое наблюдалось и у их предков, живших на нижнем и среднем течении Сыр-Дарьи. Сведения о родоплеменном составе каракалпаков („нижних“) первой половины XVIII века дал переводчик поручика Гладышева, ездившего к ним в 40-х годах XVIII века, М. Нурлин. Он перечислял следующие родоплеменные названия у каракалпаков: „Китайский, Кунрацкий, Кинягаз-Мангодский, Кыпчацкий, Усюнский, Джабинский, Киятский и Митонский“⁵. В дальнейшем это деление у „нижних“ каракалпаков подверглось значительным изменениям и к началу XX века приняло тот вид, который приводится в таблице книги Т. А. Жданко „Очерки исторической этнографии каракалпаков“⁶. Родоплеменная структура хорезмских каракалпаков конца XIX—начала XX века носит очень сложный характер, состоит из 5—6 ступеней. Все каракалпаки подразделялись на два отдела—он торт уру (состоявший из племен: ктай, кыпчак, кенегес и мангыт) и конград (состоявший из отделений шулук и жаунгыр с последующими более мелкими делениями).

У ферганских каракалпаков, повидимому, такой сложной родоплеменной структуры никогда не было. Здесь сохранились

¹ В. Наливкин и М. Наливкина. „Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы“, стр. 7.

² Полев. записи №№ 53 и 59.

³ См. Т. А. Жданко „Каракалпаки Хорезмского оазиса“, стр. 520 и др.

⁴ А. Д. Гребенкин. „Узбеки“, стр. 97.

⁵ П. П. Иванов. Очерк истории каракалпаков, стр. 51—54, а также „Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 гг. Гладышевым и Муравьиным“, 1851 г., стр. 19—20.

⁶ Т. А. Жданко „Очерки исторической этнографии каракалпаков“ стр. 36.

¹ Полев. запись № 40 за 1953 г.

² Полев. запись № 13 за 1953 г.

³ Полев. зап. № 31 за 1953 г. Позже этот центр. очаг был вытеснен традиционным для жилых построек всей Ферганской долины камином.

⁴ Полев. запись № 7 за 1954 г.

⁵ В. Наливкин. „Краткая история Кокандского ханства“, стр. 35.

воспоминания лишь об основных племенах (урук), иногда (очень редко) с делением на более мелкие рода. Интересно отметить, что названия родоплеменных групп ферганских каракалпаков большей частью совпадают с названиями родоплеменных групп у хорезмских каракалпаков.

Одной из наиболее крупных родоплеменных групп ферганских каракалпаков была группа мангыт¹; именно внутри этой группы наиболее долго и полно сохранилась память о мелких подразделениях. По сведениям наших информаторов мангыты делились на ак-мангыт*, кара-мангыт*, ток-мангыт*, шок-мангыт, бек-мангыт, бори-мангыт*, тулки-мангыт, дау-мангыт*, шуйит*, темирхожа*, жаманша². Была представлена у ферганских каракалпаков и родоплеменная группа кенегес*. *Один из наших информаторов сообщил о том, что кенегесы происходят от мангытов³. Это интересно в связи с тем, что кенегесы и мангыты (по данным Т. А. Жданко)—две близкие между собой родоплеменные группы, легенды которых говорят об общем происхождении их от одного предка и которые расселены смежно друг с другом⁴. (Из подразделений племени кенегес здесь известен лишь род оймаут⁵). Деление родоплеменной группы кыпчак* на более мелкие подразделения тоже почти не сохранилось в памяти населения. Некоторые делят родоплеменную группу кыпчак на два подразделения, причем сведения о том, на какие именно подразделения делилась эта группа, у разных информаторов расходятся. Некоторые информаторы сообщают, что родоплеменная группа кыпчак делилась на ктай-кыпчак и жау-кыпчак⁶. У хорезмских каракалпаков ктай и кыпчак—два разных крупных родоплеменных подразделения, но близкие между собой, связанные частыми взаимными брачными связями⁷. Сведений о родоплеменной группе ктай, отдельной от кыпчаков, у ферганских каракалпаков нам получить не удалось, хотя отдельные информаторы называли нам такие родовые подразделения, как бессары*, аралбай, айтеке⁸, которые у хорезмских каракалпаков входят в состав родоплеменной группы ктай.

¹ Звездочкой мы обозначили родоплеменные группы, существование которых отмечал ряд информаторов. Иногда сами информаторы относились в прошлом к вышеуказанным подразделениям. Без звездочек—подразделения, существование которых в прошлом требует проверки.

² Полев. Записи № 4, 10, 12 и др. за 1953 г.

³ Полев. запись № 16 за 1953 г.

⁴ Т. А. Жданко, указ. соч., стр. 50.

⁵ Полев. зап. №№ 10, 2 за 1953 г. Но, в отличие от хорезмских, ферганские каракалпаки не помнят, что оймаут входит в племя кенегес; они называют эти родоплеменные группы как равнозначные.

⁶ Полев. зап. № 11 за 1953 г. Другой инф. проводит деление на ктай-кыпчак и котыр кыпчак, третий—на кара-кыпчак и жабы-кыпчак. Полев. зап. № 12 и 18.

⁷ Т. А. Жданко, цит. соч., стр. 94.

⁸ Полев. зап. №№ 4, 11, 12 за 1953 г.

Почти не сохранилось воспоминаний и о делении родоплеменной группы конграт*, которая, как мы указывали, являлась у хорезмских каракалпаков одной из двух наиболее крупных групп, на которые делились хорезмские каракалпаки (арыс-отдел). Об этой группе наши информаторы сообщали лишь наряду с другими группами. Впрочем один из информаторов сообщил нам, что родоплеменная группа муйтен* относилась к конгратам, так же как и родоплеменные группы уйручи* и телиминг*¹ (последних двух групп у хорезмских каракалпаков не встречалось). Была у ферганских каракалпаков и родоплеменная группа найман*, существовавшая и у хорезмских каракалпаков².

Подводя итоги, можно сказать, что у хорезмских и ферганских каракалпаков родоплеменные подразделения были, в основном, одни и те же, но у ферганских родоплеменная структура не получила того сложного характера, который, она имела у хорезмских (в частности, не было деления на два основных арыса—конграт и он торт уру, у хорезмских каракалпаков это деление сложилось, повидимому, уже во время пребывания их в пределах Хивинского ханства³). Следует отметить также, что и сами воспоминания о родоплеменной структуре у ферганских каракалпаков сохранились значительно хуже, чем у хорезмских, вследствие того, что процесс изживания пережитков родового строя в период вхождения Ферганской области в состав России у ферганских каракалпаков зашел значительно дальше, чем у хорезмских.

Во времена кокандских ханов каракалпаки селились родовыми группами. Об этом нам неоднократно сообщали информаторы: „Раньше каждый род жил отдельно“⁴. „Раньше больших кишлаков не было. Жили по несколько домов, вместе—родственники, члены одного рода. Смешанно рода не жили“⁵. Следы расселения родами сохранились у ферганских каракалпаков до настоящего времени (хотя в основном за время вхождения Ферганской области в состав России стало преобладать смешанное расселение родов—в силу того, что изживание пережитков родовых отношений здесь происходило быстрыми темпами): кишлак Найман (сельсовета Момохон Задарьинского района, Наманганской области) заселен каракалпаками, принадлежавшими в прошлом к родовому подразделению найман⁶; кишлак Шамбиль (сельсовета Кема-Баши, Нарынского района,

¹ Полев. зап. № 10 за 1953 г.

² Р. Косбергенов. Положение каракалпакского населения в Хивинском ханстве в конце XIX—нач. XX вв. Кандид. диссертация. Рукопись М. 1952 г., стр. 43.

³ П. П. Иванов. „Очерк истории каракалпаков“, стр. 52.

⁴ Полев. зап. №№ 45, 46, 62 и др. за 1953 г.

⁵ Полевая запись № 53 за 1953 г.

⁶ Полевая запись № 55 за 1953 г.

Наманганской области) заселен каракалпаками, принадлежавшими в прошлом к различным подразделениям родоплеменной группы мангыт¹.

Об этом же свидетельствуют такие названия кишлаков, как Кенегес сельсовета Найман, Задарьинского района, Наманганской области, Муйтен, сельсовета имени Орджоникидзе и Оймаут, сельсовета Тайпак, Фрунзенского района, Ферганской области и др.².

У каракалпаков XVIII—XIX веков, как и у многих других кочевых и полукочевых народов, родовой оболочкой лишь прикрывались феодальные отношения. Родовые старшины (бии) старались искусственно консервировать видимость патриархально-родовых отношений, чтобы под их маской успешнее эксплуатировать своих сородичей. Такая система отношений получила в науке название патриархально-феодальной³. П. П. Иванов в своей работе „Очерк истории каракалпаков“ так характеризует эксплуататорскую сущность биев каракалпаков первой половины XVIII века (живших на нижнем и среднем течении реки Сыр-Дарья—перед переселением):

„Знакомство с родовой организацией каракалпаков на данной ступени их развития... облегчает понимание особенностей существовавшей здесь классовой эксплуатации и классовой борьбы, нередко маскировавшейся в форму „родовых отношений“.... На родовой.... основе вырастает и развивается фигура главного представителя класса эксплуататоров—бия“⁴. Охарактеризовав важнейшие хозяйственно-политические и судебные функции бия, делавшие его полновластным главой рода, Иванов далее отмечает: „Помимо получения различных подарков и подношений бий обогащается также путем присвоения себе лучших пастбищ и прочих преимуществ, какими пользуется он в своем роде. В распоряжении бия состоит обычно то или иное число служителей, набираемых им из числа своих родственников и других сородичей, находящихся в экономической зависимости от него на почве распределения пастбищ и обладания скотом. Благодаря богатству некоторым биям удается достигнуть значительного влияния не только внутри своего рода, но и вне его...“⁵. Владение землей—пастбищами, а так-

же и пахотной землей—вот основа патриархально-феодальной эксплуатации, распространенной в прошлом у многих кочевых и полукочевых народов¹.

После переселения в пределы Кокандского ханства власть биев ферганских каракалпаков была в значительной степени ограничена ханами. Однако имеются сведения, что иногда главари каракалпакских племен занимали большие посты при дворе кокандских ханов. Так, бухарский историк Абдул Керим в работе „История Средней Азии“ упоминает „каракалпака по имени Кытакты, главу племени и командира группы отрядов“, который принимал активное участие в неудавшемся заговоре против Омар-хана (1809—1822 гг.)².

Следует отметить, что каракалпакская эксплуататорская верхушка вообще, повидимому, играла значительную роль в управлении Кокандским ханством. В. Наливкин в „Краткой истории Кокандского ханства“ упоминает, что кыпчаки и каракалпаки „в свое время... пользовались... громадным политическим значением в ханстве“³. Конечно, это в большей мере относится к кыпчакам, но до известной степени и к каракалпакам. При общей скудости сведений о ферганских каракалпаках в литературе, сравнительно много упоминаний о занятии ими ответственных должностей в ханстве. Еще при Алим-хане некий Арслан-каракалпак играл видную роль в войсках хана, и хан оставил на него часть войск в Ташкенте, покинув город с остальными войсками во время заговора против него кокандской знати во главе с его братом Омаром⁴. Иногда каракалпаки занимали и должность хакима (правителя области-вилаята). Так, в 60-х годах XIX века дважды упоминается на должности хакима каракалпак Дост-Мухаммед—в 1861 г. на должности хакима Ташкента (!), а в 1862—1863 г.—на должности хакима Балыкчи. Приведем эти сведения: „Правнук Ай-Ходжи Мухтар Ходжа сообщил..., что за 4 года до взятия Ташкента русскими жители Биш-Агачской части Ташкента взбунтовались против ташкентского хакима Дост-Мухаммеда из каракалпаков и хотели изгнать его...“⁵ В „Тарихи Шахрохи“ (перевод Бартольда) сообщено, что после второго восшествия Худояр-хана на престол, во время борьбы его с кыпчаками „... хан отправил в Андижан хакимом Дост-Юза, в Балыкчи каракалпака

¹ Полевая запись № 31 за 1953 г.

² Кроме вышеупомянутых кишлаков с названиями Найман, Кенегес, Оймаут, Муйтен (Митан), мы можем упомянуть такие названия кишлаков, как Бешсары (или Бессары), Шайит (Чуит), Уйручи (Уюручи) Телиминг (Телимен), Жабь—см. полев. зап. № 8 и 58 за 1953 г., а также материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. в УзССР. Вып. I. Поселенные итоги, ч. 7. Округ Фергана и ч. 8. Округ Андижан, также сведения о нац. составе населения Андижанской, Наманганской и Ферганской областей, собранные Я. Р. Винниковым на основании годовых отчетов колхозов в 1950—1951 гг.

³ И. В. Сталин, соч. т. 5, стр. 24—25.

⁴ П. П. Иванов, ук. соч., стр. 52.

⁵ Там же, стр. 54.

¹ См. Л. П. Потапов. „О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана“. Матер. научной сессии, посв. истории Ср. Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955 г.

² Ук. соч., стр. 226—227.

³ В. Наливкин, „Краткая история Кокандского ханства“, стр. 18.

⁴ Там же, стр. 9.

⁵ Н. П. Остроумов. Сообщение о последних по времени шейхуль-ислам и казыкалян, г. Ташкент. Протоколы заседаний и сообщ. членов Туркестанского кружка любителей археологии. год XX, Ташкент, 1915 г., стр. 12.

Дост-Мухаммеда¹. Очевидно в обоих источниках речь идет об одном лице, ставленнике кокандских ханов

Занимали представители каракалпакской знати и другие важные придворные должности. Тот же В. Наливкин сообщает, что в 1857 году „Худояр-хан двинулся туда (к Ура-Тюбе), вручив свои войска Пазыл-беку дастарханчи (каракалпак)“². (Дастарханчи — один из главных придворных чинов в Кокандском ханстве).

Информаторы также сообщали, что представители каракалпакской знати занимали в ханском войске должности начальников отрядов (пансат-пятисотенных). „У каракалпаков были такие пансаты — Оспан-пансат и Нурмахат-пансат“, — сообщил нам информатор Б. Ходжакулов³. Этим же пансатам упоминали и другие информаторы⁴. Кроме того, называли также Абдумумина-пансата и Тилля-пансата из каракалпаков⁵.

Таким образом, представители каракалпакской знати занимали видное место в административной системе и войсках кокандских ханов.

Однако кокандские ханы боролись против чрезмерного усиления главарей отдельных племен, и к последнему периоду существования Кокандского ханства их влияние становится значительно меньше, чем ранее, они делают послушной опорой ханов, а неугодные хану бии устраняются.

* * *

Эксплуататорская верхушка ферганских каракалпаков не ограничивалась представителями родоплеменной знати. Большую роль играло мусульманское духовенство. Еще у каракалпаков нижнего и среднего течения Сыр-Дарьи источники отмечают большое его влияние (ходжи, сейиты, шейхи и др.)⁶. Естественно, что в Кокандском ханстве, где духовенство играло огромную роль во всех областях жизни государства, увеличилось и влияние мусульманского духовенства, как из среды самих каракалпаков, так и из узбеков. Информаторы рассказывают, что у каракалпаков были в то время муллы и ишаны⁷. Духовенству принадлежали значительные территории вакуфных земель (уақып)⁸. В пользу духовенства платили также налог

¹ В. В. Бартольд. Извлечения из „Тарихи Шахрохи“. Зап. Вост. отд. Рус. археол. общ-ва, т. XI, стр. 110.

² В. Наливкин. „Краткая история Кокандского ханства“, стр. 187.

³ Полев. запись № 8 за 1953 г.

⁴ Полев. зап. №№ 11, 32 за 1953 г. и 28, 32 — за 1954 г.

⁵ Полевые записи №№ 10 и 11 за 1954 год.

⁶ П. П. Иванов. „Очерк истории каракалпаков“, стр. 54 — 55.

⁷ Полевые зап. №№ 31, 40 за 1953 г.

⁸ Полев. зап. №№ 9, 31, 40 за 1953 г.

назир, деньгами и продуктами¹. Еще до переселения каракалпаков в Ферганскую долину у них начали выделяться представители торгово-ростовщического капитала — бай². В переделах Кокандского ханства этот процесс усилился. Информаторы нам сообщили: „Во время кокандских ханов был бай Ареп-бай. Он жил на территории Дамнал. У него было так много земли и скота, что сосчитать было невозможно. Еще был Осырбай, у него было 1000 танапов земли“³. „У крупных баев было по 1000—2000 голов овец“⁴.

Основной формой эксплуатации бедноты представителями правящей верхушки была феодальная форма эксплуатации — издольщина. Вот что рассказывали нам информаторы об условиях работы издольщика. „Бедняки работали у бая. Нанимался бедняк работать на год — работал на земле бая, орудиями бая, при помощи рабочего скота бая, сеял зерно бая. Бай кормил и одевал бедняка в течение года. Полученный урожай делился на следующие части: 2 части шли баю, 2 части бедняку, 1 часть хану. Из доли бедняка бай удерживал то, что пошло на пищу и одежду. Такой бедняк назывался чаракар-кошчи“⁵. Часто доля для чаракар-кошчи сводилась лишь к $\frac{1}{4}$ урожая (откуда и название чаракар или чайрикер), а иногда была еще меньшей. Большую роль, особенно при эксплуатации сородичей феодально-родовой верхушкой — биями (присвоившими себе значительные территории общинных земель) имели старые формы родовой взаимопомощи, которые бии использовали для эксплуатации своих сородичей. Такими формами были „ярдам беру“ — отдача бедняку коровы в пользование молоком, за что последний должен был исполнять различные работы в хозяйстве бия или бая⁶; „хошар“ — помочи, используемые эксплуататорской верхушкой для постройки дома, уборки урожая и т. п.⁷; „асырау“ — воспитание бием или баем ребенка бедного родственника с целью эксплуатации их⁸. Иногда родственными отношениями была замаскирована и издольщина. Некоторое распространение в то время получила и эксплуатация наемных работников — батраков (карал).

Таким образом, трудящиеся каракалпаки Ферганы испытывали тяжелый гнет со стороны своей эксплуататорской верхушки — биев, духовенства, баев. Но тяжесть их положения во много раз усугублялась тем, что на их плечи давил и дру-

¹ Полев. зап. № 6 за 1954 г.

² П. П. Иванов. ук. соч. стр. 55—56.

³ Полев. зап. № 9 за 1953 г.

⁴ Полевая запись № 15 за 1954 г.

⁵ Полев. зап. № 8 за 1953 г.

⁶ Полев. зап. № № 9, 24 за 1953 г.

⁷ Полев. зап. № № 40, 44 за 1953 г.

⁸ Полев. зап. № 9 за 1953 г.

гой, еще более тяжелый гнет — со стороны кокандских ханов. Трудящиеся каракалпаки находились под двойным гнетом, что делало невыносимым их положение.

4. УГНЕТАНИЕ КАРАКАЛПАКОВ КОКАНДСКИМИ ХАНАМИ

В конце XVIII — начале XIX веков на территории Ферганской долины возникло третье среднеазиатское ханство — Кокандское, в котором во все время его существования правила узбекская династия Минг¹. Объединил под своей властью всю территорию Ферганской долины Нарбута-бий (правивший в 1770—1800 гг.) Преемник и сын Нарбуты-бия — Алим-хан (1800—1809 гг.) первым принял ханский титул, в результате чего и область Ферганы получила название Кокандского ханства. Алим-хан значительно расширил территорию ханства, присоединив к нему Ташкент, занимавший очень важное экономическое и стратегическое положение, и Чимкент с окружающей территорией. Ближайшие преемники Алим-хана еще более расширили границы ханства, завоевав г. Туркестан, что привело к подчинению кокандским ханам казахских степей почти до устья реки Сыр-Дарьи; была завоевана также значительная часть Семиречья и таджикские горные владения (Каратегин и др.; впрочем, в последних власть кокандцев не была особенно прочной).

Таким образом, к началу 40-х годов территория Кокандского ханства была довольно велика. Но ханство раздиралось внутренними междоусобицами — столкновениями между отдельными политическими группировками (особенно сильны были противоречия между эксплуататорской верхушкой, с одной стороны, оседлого узбекского населения, а с другой — полукочевых кыпчаков), борьбой за власть между членами правящего дома, столкновениями ханов с отдельными непокорными крупными феодалами. Чаще всего это были правители областей-вилайетов — хакимы, власть которых во вверенных им областях была очень велика. Чрезвычайно ослаблялось ханство также постоянными войнами, ведшимися прежде всего с Бухарским ханством (особенно часто эти два ханства воевали из-за г. Ура-Тюбе, постоянно переходящего из рук в руки). С 1842 года и до присоединения к России Кокандское ханство неоднократно подвергалось вторжению бухарских войск и даже объявлялось присоединенным к Бухарскому ханству (потом вновь добиваясь самостоятельности).

Кокандское ханство представляло собой феодальное госу-

¹ Родоначальником этой династии был Шахрух-бий из узбекского племени Минг, захвативший еще в 1710 г. власть в части Ферганской долины (он владел территорией от г. Коканда до г. Чуста). История Узбекской ССР. т. 1, книга 1, г. Ташкент, 1955 г., стр. 416.

дарство с неограниченной властью хана и огромной ролью духовенства. Крупнейшими феодалами в ханстве были прежде всего сам хан и его родственники, а также лица, занимающие важные административные должности (хакимы, беки и др.), владельцы мюльковых земель, многочисленное духовенство, а также главы отдельных племен, которые сохранили еще свое влияние, не потеряв окончательного поражения в борьбе с ханской властью. В руках феодалов сосредоточивалась большая часть земель в государстве. Феодалы сдавали землю крестьянам в издольную аренду, беспощадно грабя при этом последних. Наряду с этим феодальное государство облагало крестьян многочисленными налогами, взимавшимися с огромными злоупотреблениями. Крестьяне должны были нести также тяжелые трудовые повинности в виде строительства дворцов, дорог, проведения и очистки каналов, а также военные повинности.

Сильнейшее влияние духовенства распространялось на все стороны жизни населения в ханстве. Вся жизнь населения должна была определяться правилами шариата. Виновных в нарушении этих правил избивали палками или плетью, а иногда и подвергали жестокой казни. Такова была душная, затхлая атмосфера в ханстве.

Некоторое оживление хозяйственной и культурной жизни, наблюдавшееся в первой половине XIX века в Кокандском ханстве, как и в других среднеазиатских ханствах, под влиянием экономических связей с Россией, не могло в тех условиях затронуть господствующего феодального способа производства. В недрах феодального ханства не создалось условий для возникновения и развития капиталистических отношений (они стали развиваться здесь лишь после присоединения значительной части Средней Азии к России). Такой была чрезвычайно тяжелая обстановка в Кокандском ханстве накануне присоединения его к России¹.

* * *

Одним из народов, населявших Кокандское ханство и разделявших судьбы его населения, были ферганские каракалпаки. Они должны были платить в ханскую казну многочислен-

¹ Поскольку историческая обстановка и социально-экономические отношения в Кокандском ханстве не являются объектом нашего специального исследования, мы организуем лишь этой краткой характеристикой обстановки в ханстве, необходимой для того, чтобы яснее представить себе положение в ханстве каракалпаков, а интересующихся отсылаем к таким работам, как: История Узбекской ССР т. I, ч. I и II, Материалы Среднеазиатской научной сессии по истории народов Средней Азии и Казахстана, П. П. Иванов «Казахи и Кокандское ханство», Записки института Востоковедения, VII, М.—Л., 1939, а также к указанным во введении работам дореволюционных авторов, важнейшей среди которых является работа В. Наливкина «Краткая история Кокандского ханства».

ные налоги. Основным налогом, который платили каракалпаки, был налог с урожая зерновых хлебов — херадж¹. Этот налог колебался от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{5}$ урожая. Люди, собиравшие налоги, назывались саркарда (или саркар). В каждом кишлаке налоги собирали киши-саркарда (малый саркарда). До тех пор, пока не был взят налог, дехкане не могли использовать остального урожая. „Все дехкане ждали приезда саркарды, до этого они не могли взять ничего из своего урожая“. Взимание налога проводилось с огромными злоупотреблениями. Информаторы нам сообщили, что „киши-саркарда присваивали значительную часть собранных ими налогов“. При этом, в последнее время существования ханства был введен такой порядок: сборщики, получив налоги с населения зерном, продавали его на базаре и хану отдавали деньгами². Естественно, что такой порядок давал еще большую свободу для злоупотреблений. Как сообщает информатор Б. Ходжанкулов, — „Еще собирали налог со скота — закят — с 40 баранов — 1 барана. Кроме того, платили чоп-пулы с каждых 100 баранов — одного барана за пастьбу скота на ханских лугах (это показывает, что пастбища ферганских каракалпаков находились в собственности ханов—Л.Т.). С коров и лошадей также брали закят и чоп-пулы... Людей, собиравших закят и чоп-пулы, называли закятчи“³. При сборе этих налогов также допускались огромные злоупотребления, значительную часть налогов закятчи собирали в свою пользу. Вся тяжесть налогов ложилась на плечи трудящихся масс. Баям закятчи—за известное вознаграждение, конечно,—делали поблажки (записывали им меньшее количество скота, чем те имели на самом деле, и собирали соответственное количество налога)⁴. Кроме того, с каракалпаков взимали налог на содержание армии — кылкуйрук и целый ряд других налогов⁵. Особенно увеличил количество налогов последний кокандский хан-Худояр. Вот что пишет по этому поводу Кун в статье „Очерк Кокандского ханства“:

„Во время Худояр-хана все перечисленные нами виды податей... были развиты до тонкости. Статей для налогов было очень много, собирали со всего, что только возможно было. Народ был буквально обираем. Так во время Худояр-хана

¹ Этот налог каракалпаки также называли алым или салык.

² Полев. зап. № № 8, 11, 24, 25, 3, 40 за 1953 г.

³ Полев. зап. № № 6 и 17 за 1954 г.

⁴ Полев. зап. № 8 за 1953 г.

⁵ Там же.

⁶ Дополнительными налогами в ханстве были: кепсен — налог на содержание местной администрации и сборщиков податей; налоги на содержание мирабов; базарные сборы на право торговли; сборы за переправы через реки и др.

существовал сбор на базарах: с продавца и покупателя взималось несколько чек (копеек) за совершенную куплю, чего бы то ни было. Брали за хворост, камыш, колючку и т. п., которые бедные люди собирали с полей на продажу. В последнее время говорят, когда все было уже обложено сбором, учредили налог на право пользования водой, проведенной каналами из горных речек,—оставался один воздух, за право дышать которым не бралось ничего. Это расширение налогов и было одною из главных причин недовольствия против последнего хана“¹.

Исходя из анализа налогов, платимых каракалпаками, можно прийти к выводу, что они, в основном, селились на государственных (амляковых) землях. Это же подтверждается и сообщениями наших информаторов. „Земли, на которых жили каракалпаки, были ханские, с этих земель собирали херадж. Если каракалпак уходил с земли, то эту землю использовал кто-нибудь другой“². Это же можно видеть и из архивных материалов. Хан предоставлял в длительное пользование определенным кишлакам те или иные участки земли, собирая с населения кишлаков херадж и другие налоги; но по желанию хана данная территория могла быть в любой момент отобрана у жителей кишлака. Так, например, жители кишлака Хаузак в течение длительного периода владели озером Яр-Куль и пахотной землей, прилегающей к нему, имели на то и другое казиевский документ, выданный еще Нарбута-бием. Но Худояр-хан отобрал у жителей документ, и озеро с прилегающей к нему землей отошло в казну; однако „за несколько лет до занятия ханства русскими Худояр-хан возвратил означенный документ снова жителям кишлака Хаузак и озеро перестало считаться казенным“³. Таким образом, мы видим полный произвол верховного собственника земли—хана—в отношении распоряжения государственной землей.

Однако не все земли, занятые каракалпаками, входили в категорию государственных. Было и значительное количество вакуфных земель, налоги с которых шли в пользу духовенства⁴; некоторое количество земель было собственностью частных лиц (мульк)⁵. Как свидетельствует один из архивных документов, „земли под Алтынкульским болотом раньше частично принадлежали казне (до Мадали-хана здесь устраивали охоты), частично—отдельным лицам; некоторые из них сохранили ханский документ, некоторые утратили... После эта зем-

¹ Кун „Очерк Кокандского ханства“, стр. 64—65.

² Полев. зап. № № 15, 17 и др. за 1954 г.

³ ЦГИА УзССР, фонд 19 Ферган. обл. правление. Ед. хр. 737.

⁴ Полев. зап. № № 1, 17 и др. за 1951 г.

⁵ Полев. зап. № 17 за 1954 г.

ля была затоплена¹. (В районе Алтынкуля также жило большое количество каракалпаков).

Кроме налогов каракалпаки должны были выполнять ряд повинностей. Одной из этих повинностей была работа по проведению и очистке каналов (здесь эта работа называлась чапыш). На чапыш с каждой семьи брали одного человека. Каналы рыли и чистили, конечно, вручную—кетменами. Это была тяжелая физическая работа².

Другой важнейшей повинностью была служба каракалпаков в войсках кокандских ханов—солдатами (аскер), артиллеристами (топчи)³.

Очень интересно упоминание одним из наших информаторов о налоге „кылкуйрук“, который платили каракалпаки. К. Арипов, 82 лет, из Ески-Кишлака, сообщил нам: „Со здешних каракалпаков собирали налог кылкуйрук. Этот налог собирали только с каракалпаков, с узбеков не брали. С каждого хозяйства собирали по 1—2 р. (сум); при этом говорили: „Это налог на содержание ваших детей, служащих в армии“⁴. Повидимому, в ханскую армию каракалпаков брали в основном для службы в арьберггарде, носящем именно название „кылкуйрук“⁵ и предназначенном, главным образом, для того чтобы преграждать основным войскам путь к отступлению. Каракалпаки в составе войск кокандских ханов принимали участие в войнах Коканда с Бухарой. Так, они упоминаются в составе войск Алим-хана во время похода его на Ташкент⁶, в составе войск Худояр-хана во время одного из его походов на Ура-Тюбе⁷.

Во время междоусобиц в Кокандском ханстве борющиеся между собой за престол хан и его родственники старались привлечь на свою сторону разные народности, населяющие ханство—в том числе и каракалпаков. Так, из „Тарихи Шахрохи“ известно, что Малля-хан, составив заговор против Худояр-хана, бежал в Уч-Курган. Там он привлек на свою сторону всех кочевников, киргизов, кыпчаков, тюрков, каракалпаков, племя Чон-Багыш, калмыков⁸.

Подводя итоги, мы можем сказать, что положение каракалпаков, как и других народов в Кокандском ханстве, было

очень тяжелым. Они испытывали двойной гнет—как со стороны своей эксплуататорской верхушки—биев, баев, духовенства, так и со стороны ханов (непосильные налоги, сопровождавшиеся злоупотреблениями сборщиков, служба в ханских войсках и другие повинности); постоянные разорительные войны и междоусобицы усугубляли и без того тяжелое положение ферганских каракалпаков.

¹ ЦГА УзССР, фонд 19, Ферган. обл. правление. Ед. хр. 473.

² Полев. зап. № 8 за 1953 г.

³ Полев. зап. № 8, 49 за 1953 г.

⁴ Полев. зап. № 11 за 1954 г.

⁵ В. Наливкин „Краткая история Кокандского ханства“, стр. 174—175.

⁶ Там же, стр. 99.

⁷ В. Наливкин. Ук. соч., стр. 187.

⁸ В. Бартольд, Извлечения из „Тарихи Шахрохи“ стр. 107. Известно, что тогда Малля-хан победил и на 4 года отнял престол у Худояр-хана.

III

КАРАКАЛПАКИ В ПЕРИОД ВХОЖДЕНИЯ ФЕРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ В СОСТАВ РОССИИ

В 60—70 годах XIX века значительная часть Средней Азии была присоединена к России. Кокандское ханство было окончательно ликвидировано в 1876 году¹. Присоединение территории бывшего ханства имело для ферганских каракалпаков, как и для других народов, большое прогрессивное значение. Трудящиеся массы были освобождены от деспотической ханской власти, была уничтожена феодальная раздробленность, прекратились постоянные феодальные междоусобицы и войны между Бухарским и Кокандским ханствами, разорявшие население и препятствовавшие нормальному развитию экономики области.

Присоединение Средней Азии к России, стоявшей значительно выше в экономическом отношении, способствовало развитию производительных сил в стране, привело к развитию в ней капиталистических отношений и втянуло ее в систему мировой капиталистической экономики. Это было прогрессивным явлением, так как капиталистический способ производства по сравнению с феодальным исторически более прогрессивен. Развитие капиталистических отношений привело к образованию в Туркестанском крае рабочего класса.

Независимо от желания царского правительства и русской буржуазии народы Средней Азии испытывали все более растущее влияние передовой русской культуры.

„Главным и решающим с точки зрения оценки прогрессивного значения присоединения нужно считать то обстоятельство, что Средняя Азия вошла в состав России, которая шла

¹ На причинах завоевания Россией Средней Азии и на самом ходе его мы не останавливаемся, поскольку эти вопросы широко освещены в исторической литературе. („История Узбекской ССР“), т. 1 ч. II, 1афуров „История таджикского народа“, Госполитиздат, 1952 г. и др.)

навстречу буржуазно-демократической революции, а на рубеже XIX—XX вв. превратилась в центр мирового революционного движения и родину ленинизма. Это открывало перед народами Средней Азии широчайшие революционные перспективы. Сближение среднеазиатских трудящихся с русским народом, с самым революционным в мире русским пролетариатом, создавшим боевую революционную партию нового типа, имело важнейшие объективные исторические последствия, коренным образом изменившие исторические судьбы народов Средней Азии“. Наконец, большое значение имело также то, что благодаря присоединению к России, Средняя Азия не сделалась добычей Англии.

Однако все эти объективные положительные последствия присоединения Ферганской и других областей Узбекистана к России не зависели от царского правительства, проводившего в Туркестанском крае реакционную колониальную политику.

Царизм не допускал развития национальной государственности в Туркестане. Туркестанское генерал-губернаторство было разделено на 5 областей без какого бы то ни было учета национальных и экономических интересов самого населения. Разумеется, и при делении территорий между Туркестанским генерал-губернаторством и вассальными ханствами интересы населения также не учитывались.

Управление Туркестанским краем было сосредоточено в руках военного ведомства, которому помогала местная „выборная“ администрация. Такая система управления, при помощи которой царские власти стремились прочнее укрепиться на новой территории, создав в Туркестанском крае сильный военный аппарат и одновременно опираясь на эксплуататорскую верхушку местного населения, получила название „военно-народного управления“².

Основной экономической задачей царской России в Средней Азии было превращение ее в хлопковую базу для текстильных фабрик центральной России. Главным хлопководческим районом в Туркестанском крае в силу благоприятных природных условий стала Ферганская долина. Быстрое развитие хлопководства в Ферганской долине, начавшееся с 90-х годов, привело к большим социально-экономическим сдвигам в области, к быстрому развитию там капиталистических отношений. В Ферганской области хлопок в данный период стал ведущей сельскохозяйственной культурой, вытеснившей другие культуры далеко на задний план. В некоторых волостях площадь, занятая под хлопком, составляла к концу данного периода 40 и даже 50 процентов ко всем по-

¹ В. Я. Непомнин. „Прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России“. Известия АН УзССР, 1954 г. № 1 стр. 42.

² История Узбекской ССР, т. 1, Ч. 2, Ташкент, 1956 г, стр. 106.

севам. В 1913 году Ферганская область давала более 62 процентов всего хлопка, отправляемого из Туркестанского края в Россию.

Развитие хлопководства привело к быстрому развитию капиталистических отношений в Ферганской области, что сопровождалось резкой классовой дифференциацией дехканства — обезземеливанием беднейшего дехканства и концентрацией земельной собственности в руках баев. Получило широкое распространение применение наемного труда в сельском хозяйстве. Но развивающиеся капиталистические отношения в Туркестанском крае существовали наряду с преобладанием феодальных отношений. Ведущую роль в эксплуатации дехканства продолжали сохранять различные формы издольной аренды; существующие формы ростовщического кредита также носили докапиталистический характер. Что касается промышленных предприятий, то численное превосходство сохранялось за кустарными ремесленными предприятиями. По определению Ленина, население России страдало „... и от капитализма и от недостаточного развития капитализма“¹; с еще большими основаниями это можно сказать о Туркестанском крае.

Стремясь превратить Туркестанский край в аграрно-сырьевой придаток центральных районов России, царизм намеренно тормозил здесь рост промышленности. Сколько-нибудь широкое развитие получили лишь заводы по первичной обработке хлопчатника — хлопкоочистительные и маслобойные, необходимые для русских капиталистов, так как они облегчали транспортировку продуктов хлопководства в центральную Россию. Но царизм категорически запрещал развитие в Туркестане текстильной промышленности, так как она явилась бы конкурентом для русских текстильных фабрик. Не допускалось и развитие в Туркестане тяжелой промышленности. В резолюции „Об очередных задачах партии в национальном вопросе“, принятой X съездом РКП(б), сказано о политике царизма в колониальных окраинах: „Национальное неравенство здесь до сих пор покоилось на исторически сложившемся экономическом неравенстве. Это неравенство выражалось прежде всего в том, что эти окраины России (особенно Туркестан), находившиеся на положении колоний и полуколоний, насильственно удерживались в роли поставщиков всякого сырья, которое обрабатывалось в центре. Это было причиной и их постоянной отсталости и мешало возникновению и тем более развитию промышленного пролетариата среди этих угнетенных народов“².

¹ В. И. Ленин, соч., т. III, стр. 469.

² И. В. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Прил. Резолюция X съезда РКП(б), стр. 208.

Царизм стеснял также и развитие культуры в национальных окраинах.

Судьбу других народов Туркестанского генерал-губернаторства разделяли и ферганские каракалпаки, в хозяйстве, социальном строе, материальной и духовной культуре которых в описываемый период произошли значительные изменения.

1. ХОЗЯЙСТВО

Земледелие

В этот период направление хозяйства каракалпаков Ферганы существенно изменилось в сторону сближения с земледельческим хозяйством ферганских узбеков. Ведущей сельскохозяйственной культурой у каракалпаков, как и у узбеков, под влиянием экономической политики русского капитала стал хлопок. Хлопководство начало бурно развиваться, как и во всей Ферганской области, и в основных районах расселения ферганских каракалпаков, т. е. Нарынской, Алтынкульской и Балыкчинской волостях Андижанского уезда, Каракалпакской и Кыпчакской волостях Кокандского уезда, Шариханской и Яз-Яванской волостях Маргеланского уезда, Кепинской и Киргиз—Курганской волостях Наманганского уезда. Это привело к значительным изменениям в социально-экономических отношениях каракалпакского кишлака. В Балыкчинской волости, например, уже в 1897 году под хлопок было занято 41,3 процента всей посевной площади¹. По результатам земельно-податных работ, опубликованным в „Материалах для статистического описания Ферганской области“, можно видеть, что в этих волостях от 20 до 40 процентов земель было занято под хлопком². И лишь в Каракалпакской волости Кокандского уезда к 1917 г. посевы хлопка составляли 17,7 процента³. Это являлось следствием того, что в волости было очень много земель, не пригодных для возделывания сельскохозяйственных культур.

Это различие отмечали и наши информаторы: „Верхние (жокардагы—андижанские, наманганские) каракалпаки больше сеяли хлопок, меньше—зерно. Здешные, нижние (пастеги) каракалпаки меньше сеяли хлопка“⁴. Вообще в описываемый период в хозяйстве прикокандских, с одной стороны, наманганских и андижанских—с другой стороны каракалпаков наметились некоторые различия. У всех каракалпаков Ферган-

¹ Материалы для статистического описания Ферганской области Н. Маргелан 1897 г. Вып. 1, стр. 74.

² Там же. Н. Маргелан, 1897—1912 гг. Вып. 1—IV.

³ Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 года. Вып. 2, стр. 36—37.

⁴ Полев. запись № 26 за 1954 г.

ской долины земледелие, еще в последний период Кокандского ханства приобретающее все большее значение, в период вхождения Ферганской области в состав России становится ведущей отраслью хозяйства. По данным „Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.“ „это время из 11056 каракалпаков, зафиксированных в Ферганской области, 10199 человек, т. е. около 92 процентов жили за счет земледелия¹. Однако у каракалпаков Андижанского и Наманганского уездов, живших в более благоприятных природных условиях и расселенных менее компактно, вследствие чего они больше подвергались узбекскому влиянию, земледелие окончательно становится доминирующей отраслью хозяйства, а скотоводство и, особенно, рыболовство отходят на задний план. Каракалпаки же Кокандского уезда (Каракалпакской волости) жили в менее благоприятных природных условиях — в волости было много заболоченных, не пригодных для развития земледелия земель, к тому же расселены они были компактной массой, более изолированно от узбеков; поэтому у них, при ведущей роли земледелия, скотоводство, рыболовство и изготовление изделий из камыша до самой революции продолжали играть существенную роль в хозяйстве, которое сохраняло комплексный характер’.

Распространение культуры хлопка изменило и самый характер хозяйства каракалпаков: вместо полунатурального оно стало денежным, так как каракалпаки были теперь вынуждены покупать не только некоторые изделия ремесленников-узбеков, но и значительную часть продовольственных культур.

Однако многие продовольственные культуры продолжали возделываться и в хозяйстве каракалпаков: из зерновых основными являлись джугара, пшеница, рис, просо; в меньшем количестве разводились кукуруза и ячмень; большое место занимало разведение бахчевых — дынь, арбузов, тыкв; в числе основных сельскохозяйственных культур можно назвать также кормовую культуру — люцерну. В значительно меньшем количестве культивировали бобовые — горох, маш; технические — кунжут, кендырь, используемые исключительно для изготовления масла; огородные — лук, морковь, репу; некоторое распространение получил после прихода русских и картофеля: его разводили главным образом для продажи русским. От узбеков каракалпаки научились садоводству и в описываемый период у них были виноградники, яблони, груши, гранатовые

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб, 1905 г., т. 89 табл. XXII, стр. 12'—12'.

² При дальнейшем описании хозяйства мы берем за основу хозяйство каракалпаков Андижанского и Наманганского уездов; в случае существенных различий их хозяйства с хозяйством каракалпаков Кокандского уезда мы это оговариваем.

деревья — но в меньшем количестве, чем у издавна занимавшихся этим узбеков¹.

Интересно отметить, что в составе сельскохозяйственных культур у каракалпаков и окружающих их узбеков видны определенные различия. Как следует из анализа данных „Материалов для статистического описания Ферганской области“ и данных „Материалов всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 г.“, основными (преобладающими) культурами в каракалпакских кишлаках были хлопок, джугара, пшеница, рис, просо, дыни и клевер. В узбекских кишлаках в числе основных культур упоминаются также кукуруза, маш, кунжут и др., которые в каракалпакских кишлаках в числе ведущих культур никогда не упоминаются, хотя они и разводились там, как мы указывали, в небольших количествах. В то же время в узбекских кишлаках в числе преобладающих культур никогда не выступали просо и дыни, хотя эти культуры, особенно дыни, в небольших количествах там разводились². Это же подтверждали в своих сообщениях и наши информаторы. „Просо узбеки не сеяли, а каракалпаки сеяли — в этом была разница“³. „Узбеки джугару, просо и дыни мало сеют, каракалпаки — много. Узбеки сеют маш, лук, морковь, рис, виноград (у каракалпаков мало). Садов у каракалпаков раньше не было, а у узбеков было много. Каракалпаки научились садоводству от узбеков“⁴.

Таким образом, мы видим, что если общий состав сельскохозяйственных культур у узбеков и каракалпаков был почти одинаковым, то пропорциональные соотношения между отдельными культурами довольно различались: узбеки предпочитали разводить в большем количестве одни культуры, каракалпаки — другие.

В составе сельскохозяйственных культур ферганских каракалпаков можно проследить традиции, уводящие в глубь их истории, а также параллели с составом сельскохозяйственных культур у хорезмских каракалпаков XIX века. Так, просо было излюбленной культурой у предков каракалпаков — печенегов⁵. Каракалпаки первой половины XVIII века в низовьях

¹ О с/х культурах у ферган. каракалпаков см. полев. зап. №№ 4, 5, 6, 10, 11, 53 и др., а также „Материалы для стат. описания Ферган. обл.“. Вып. I—V и „Материалы всероссийск. переписей 1917 г.“.

² „Матер. для стат. описания Ферган. обл.“. В. I—IV (было проведено сравнение состава сельхозкультур в кишлаках, заселенных „сартами“ и каракалпаками) и Матер. всерос. с/х переписей 1917 г.“. (сопоставления Каракалпакской волости с волостями, заселенными, в основном, узбеками).

³ Полев. зап. № 10 за 1953 г.

⁴ Полев. зап. № 53 за 1953 г.

⁵ См. С. П. Толстов. „К вопросу о происхождении каракалпакского народа“, стр. 12.

Сыр-Дарья также всего более разводили просо, а кроме того — пшеницу, ячмень и бахчевые культуры¹.

Все эти культуры мы находим и у ферганских каракалпаков. Наконец, у хорезмских каракалпаков XIX века в числе ведущих сельскохозяйственных культур были просо, пшеница, джугара, рис, бахчевые, люцерна², т. е. все те же культуры, что и у ферганских каракалпаков (существенное отличие заключалось лишь в том, что у амударьинских каракалпаков значительно меньшее развитие получило хлопководство, так как русские капиталисты не стремились его там насаждать столь быстрыми темпами в силу менее благоприятных природных условий, а левобережье Аму-Дарьи продолжало оставаться под гнетом хивинских ханов).

Сельскохозяйственные орудия у ферганских каракалпаков не отличались от тех, которыми пользовалось окружающее узбекское население и какие бытовали по всей Ферганской долине. Орудия были довольно примитивные: деревянная соха (хамач) с чугунным сошником, запрягаемая лошадьми или быками; употребляемая для боронования тахта-мала, серп-орак, кетмень, широко используемый в сельскохозяйственных и строительных работах, лопата—бел, деревянная лопата, применяемая для веянья—курак и др.³

Помол производился обычно на водяных мельницах—суджирман. Ручные мельницы давно перестали здесь бытовать и в описываемый период употреблялись лишь изредка⁴ (в отличие от амударьинских каракалпаков, где ручные мельницы были широко распространены до недавнего времени и лишь в годы Советской власти стали постепенно вытесняться мельницами, работающими на электроэнергию).

Орошение. В период вхождения Ферганской области в состав России орошение оставалось, в основном, таким же, каким было во времена кокандских ханов. Царские власти за все время своего управления Ферганой не построили там ни одного крупного канала. Ограничивались они лишь некоторым расширением существующей ирригационной сети (так, был прорыт арык длиной в 13 километров, по которому сбросовые воды канала Улугнар отводились для орошения оазиса, ранее

¹ См. Гладышев. "Поездка из Орск в Хиву и обратно". С. Камалов. "Каракалпаки в Хивинском ханстве до присоединения к России".

² С. Камалов. "Каракалпаки в Хивинском ханстве до присоединения к России", стр. 7. Р. Косбергенов. "Положение каракалпакского населения в Хивинском ханстве в конце XIX—нач. XX вв.", стр. 72—73.

³ Сельскохозяйственные орудия амударьинских и ферганских каракалпаков отличались лишь некоторой разницей в деталях, так как вообще их формы по всей Ср. Азии довольно близки между собой.

⁴ Полев. зап. № 5 за 1953 г.

орошавшегося разрушенным позднее каналом Мусульман-кул, прорыт небольшой Балыкчинский канал и т. д.¹).

Само население по мере надобности отводило новые небольшие арыки от ранее существовавших каналов или выводило их из озер. Информаторы нам говорили: "Во время царствования Николая новых каналов не делали. Делали только более мелкие арыки. Если какому-нибудь кишлаку была нужна вода, то еллик-баши мобилизовал народ, и люди проводили воду в свой кишлак"².

В документах ЦГИА УзССР упоминается выведение арыка из озера Сары-Су жителями Мамаханского сельского общества Каракалпакской волости³.

Относительно большое место продолжали занимать посевы на каирных землях. Особенно много было их в Кокандском уезде. В "Материалах для статистического описания Ферганской области" сказано: "В дачах Кудук, Дагыстан, Иски, Уймаут, Митан, Шур и Аллахамак и в части (второй) дачи Майда-Юлгун посевы производятся в расчете исключительно на подпочвенную влагу..."⁴. Эти кишлаки, почти все входившие в Тайпакское сельское общество Каракалпакской волости, были в основном заселены каракалпаками. О каирном земледелии в низменных частях Ферганы пишет и Массальский в книге "Туркестанский край": "Местами разведение промышленных растений возможно без искусственного орошения, но для этого необходимы совершенно особые исключительные условия влажности в почве, встречающиеся лишь в немногих районах, притом на весьма ограниченном пространстве... Так, кое-где в центральной части Ферганской долины хлопчатник, джугара и даже дыни отлично растут без орошения, пользуясь лишь почвенной влагой"⁵.

О большой роли каирного земледелия в прошлом нам сообщали и информаторы во Фрунзенском и Яз-Яванском районах Ферганской области. Так, информатор Саккизбай Рыскулов, 83 лет, из колхоза "Сталинабад", Яз-Яванского района сообщил: "Раньше из озера текли 11 саев, зимой бывало половодье, наполнялись саи и текли через край в обе стороны — так орошали. Летом воды в озере и саях оставалось очень мало. На местах, орошенных зимой, мы сеяли (вода спадала). На озере вода оставалась на дне, по краям оставалась влажная земля (каир) — сеяли и там"⁶.

¹ Н. Петров. Об ирригации в Туркестанском крае. Стр. 73, 74, 79, 80. Обзор Ферганской области за 1895 г. Н. Маргелан, стр. 52.

² Полев. зап. № 49 за 1953 г.

³ ЦГИА УзССР, фонд 19, ед. хр. 564.

⁴ "Материалы для статистического описания Ферганской области" В. IV. стр. 63.

⁵ В. Массальский "Туркестанский край", стр. 433.

⁶ Полев. зап. № 28 за 1954 г.

Использовали для орошения и отработанную воду коллекторов (заур). Так, например, население Каракалпакской волости пользовалось водой заура Ески-Тайпак¹.

Орошение было самотечным. Водоподъемных сооружений — чигирей — здесь не было.

Устройство головных сооружений было чрезвычайно примитивным. Царской администрацией головные сооружения местного типа были оставлены даже на магистральных каналах.

Местные ирригационные сооружения из бревен, досок, камня, хвороста и земли (плотины, дамбы и др.) были очень непрочными и часто сносились во время паводков, что приводило к большим бедствиям населения. В 1886 году начальник Чустского уезда Ферганской области доносил: „Разливы р. Сыр-Дарьи с середины мая принимали все более и более угрожающие размеры, а с 30-го числа река стала выступать из берегов и, разливаясь постепенно, 4 июня залила в Бабадарханской волости кишлаки Ходжа-Эгане и Кум-Курак: в Аштской волости разлилась по посевам урочищ Калям и Каракалпак и залила большую часть прилегающих к ним курганчей кыпчаков и каракалпаков...“². В „Материалах для статистического описания Ферганской области“ сообщалось, что в кишлаках Урай, Иш-Бий, Якка-Тут, Мырза-Арал, Мирза-Арал-Курганча, Кош-Тепе, Биш-Сары, Найман, Хаузяк Хаузякского и Кенегесского сельских обществ Каракалпакской волости (населенных в основном каракалпаками) „в течение пятилетнего периода бывает такой один год, в который все посевы... заливаются водой р. Сыр-Дарьи и протока Сарыг-Су и гибнут, в другой же год того же периода погибает по той же причине не менее половины посевов“³. Там же сообщено, что озеро Дам-Куль периодически выходит из берегов и смывает посевы кишлаков Дам-Куль и Баграбад.

В ЦГИА УзССР содержится большое количество документов о наводнениях, ежегодно по нескольку раз повторяющихся в разных уездах области. В одном из таких документов (донесении, составленном в Ферганском областном правлении для отправки Туркестанскому губернатору) сообщается, что „наводнения в области имеют два вида:“

1) *Наводнения* во время сильной прибыли воды в *главных водных системах* от дождей и таяния снегов, причем вода, не умещающаяся в ложах арыков и промывая их берега, разливается по прилежащим местностям.

2) *Наводнения силевые*, происходящие во время особенно сильных дождей, причем масса воды, быстро скатываясь с гор,

несется к ущельям, разрушая на своем пути жилища, сады, поля и др.

Наводнения первого рода, возможные в целой области, особенно часто повторяются в Андижанском уезде. Наводнения же силевые почти каждый год повторяются в Наманганском и Чустском уездах. Наманганский уездный начальник указывает, что сили приносят убытку до 50 тыс. рублей⁴.

Последствия наводнений были чрезвычайно тяжелы для населения. Вода разрушала дома, другие постройки, уносила имущество и домашнюю утварь, смывала посевы, а кроме того, разрушив плотины, вода уходила из больших арыков в Сыр-Дарью или на незасаваемые земли, оставив значительные участки обрабатываемых земель на длительное время без орошения.

В донесениях уездных начальников отмечался ежегодный разлив Андижан-Сая — вследствие мелкого русла и недостаточной высоты берегов. В мае 1879 года „уровень реки Кара-Дарьи от дождей и таяния снегов в горах возвысился настолько, что вода арыка Мусульман-Кул... вышла из берегов и затопила часть полей 19 селений“⁵. В том же году вследствие прорыва берегов арыка Сауржан в Гандижараванской волости затоплены поля Гандижараванской, Каракалпакской и Кипчакской волостей⁶. В 1882 году „от большой прибыли воды в Шарихан-Сае затоплено в кишлаке Шарихан 30 сакель и в окрестных кишлаках — 200 домов“⁴. В 1883 году „вследствие прибыли воды в Мусульман-Куле вышел из берегов Чинабадский арык, затопив в разных селениях около 20 тыс. тапапов полей“, в том числе в Балыкчинской и Алтынкульской волостях⁵.

Даже эти несколько примеров показывают, насколько велики были бедствия, причиняемые населению наводнениями. Между тем, царские власти не заменяли местных ирригационных сооружений сооружениями инженерного типа (вследствие дешевизны первых), а принимаемые ими меры по защите от наводнений были настолько мизерны, что не приносили населению никакой реальной пользы. Например, в 1879—1881 гг. заведующий ирригацией области, получив подробные донесения от начальников уездов о всех бедствиях, ограничился исправлением некоторых плотин и устройством дамб, предохраняющих от наводнений лишь центр области — г. Н. Маргелан⁶.

Очень характерно донесение Чустского уездного начальни-

¹ ЦГИА УзССР, Ф. 19, ед. хр. 996 и др.

² Там же, Ф. 19, ед. хр. 291.

³ Там же, ед. хр. 353.

⁴ Там же, ед. хр. 996.

⁵ Там же.

⁶ ЦГИА УзССР, Ф. 19, ед. хр. 241.

¹ Полев. зап. №№ 5, 9 и др. за 1954 г.

² В. Непомнин. „К истории ирригации в Узбекистане“, стр. 26—27.

³ Материалы для статистического описания Ферган. обл. В. IV, стр. 65.

ка: он в нем заявил, что считает трудным принять какие-либо меры, „которые при значительных затратах соответствовали бы незначительной стоимости охраняемых полей“¹. В этих словах ярко выразилось отношение царской администрации к трудящимся массам местного населения. Население, пострадавшее от наводнений, не только не получало никакой помощи, но с него по-прежнему взыскивались налоги и сборы.

Царское правительство предоставило населению воду в пользование—„по обычаю“. Таким образом, система водопользования осталась, в основном, той же, какой она была во времена кокандских ханов².

Жители каждого кишлака пользовались определенными правами и обязанностями в отношении ирригационной сети, орошавшей территорию данного кишлака. Они совместно отводили от крупного канала (или от реки, из озера) небольшие арыки, орошавшие их земли, совместно защищали интересы своего кишлака в отношении водопользования от злоупотреблений жителей других кишлаков, расположенных ближе к голове магистрального канала.

Ежегодно производилась очистка каналов—чапыш: весной, перед началом полевых работ и, осенью. Продолжался чапыш в зависимости от размеров арыков и количества работающих—от 15 дней до месяца. В чапыш принимали участие все домохозяйства, имеющие землю. Обычно из каждой семьи выделяли по одному работнику. Однако члены семей баев не участвовали в чапыш: баи посылали вместо себя батраков (карал) или нанимали за деньги кого-нибудь из бедняков—дехан. Чапыш был тяжелой физической работой, так как очистка каналов производилась вручную—кетменями³.

Кроме периодической очистки каналов, в порядке натуральной повинности выполнялись работы по ликвидации последствий наводнений. Насколько тяжелы были условия этих работ, видно из рапорта помощника Кокандского уездного начальника (1886 г.), который сообщал, что „самые работы должны производиться при весьма неблагоприятных условиях, когда рабочие должны стоять почти по пояс в воде“⁴.

В местностях, имеющих достаточное количество воды для орошения, пуск её в арыки кишлаков был безочередным—пускали по мере надобности. Так, в материалах ЦГИА УзССР упоминается, что не было очередности в пользовании водой в Хан-Арыкской группе. В тех же местах, где воды нехватало,

¹ Там же.

² Порядок водопользования у ферганских каракалпаков не отличался от существовавшего у соседнего с ними узбекского населения. См. „Хозяйство сартов Ферганской области“, стр. 18—21; Кушелевский „Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области“, Т. 1, стр. 68—71 и др.

³ О чапыше см. Полев. зап. №№ 40, 49 и 52.

⁴ ЦГИА УзССР, Ф. 19, ед. хр. 21 к. 7.

соблюдалась строгая очередность (наубет) как между кишлаками, так и внутри их. Арык каждого кишлака получал определенное количество ташей воды (1—3; таш—такое количество воды, которое могло привести в движение водяную мельницу), в зависимости от количества обрабатываемых земель. Например, в Каракалпакской волости, из заура Ески-Тайпак, в порядке строгой очереди, брали воду кишлаки Ходжа-Кишлак, Ески-Кишлак, Оймаут, Шур-Кишлак, Муйтен, Мулькабад. (В каждом кишлаке был свой арык, выведенный из Ески-Тайпака)¹.

Жители каждого кишлака делились на—„топ“—группы хозяйств, одновременно орошавшие свои земли. Топ соответствовал приблизительно 20 хозяйствам (бывали топ больших и меньших размеров). Иногда все население небольшого кишлака составляло один топ: таковы были, например, кишлаки Муйтен и Оймаут, тогда как Шур-Кишлак состоял из 4 топ. Каждый топ орошал свои поля отдельным небольшим арыком в течение суток. Очередь каждого топ повторялась через неделю. Во главе такой группы стоял топ-баши, который следил за тем, чтобы его топ во-время получил воду, и распределял её внутри своего топа.

Во главе водного хозяйства кишлака стоял мираб (мураб). Иногда он ведал водным хозяйством двух-трех кишлаков. Так, например, в кишлаках Оймаут, Муйтен и Шур-Кишлак Каракалпакской волости был один общий мираб, тогда как в кишлаках Ходжа-Кишлак и Тайпак имелось по отдельному мирабу. Общее наблюдение за исправностью ирригационной сети в пределах уезда, руководство работой всех мирабов осуществлял уездный арык-аксакал, назначаемый уездным начальником. Мирабы и арык-аксакалы постоянно подкупались эксплуататорской верхушкой кишлаков. За взятки они давали воду в первую очередь богатым, а беднякам доставались лишь ее остатки, что в маловодные годы приводило последних к разорению².

Вследствие многочисленных злоупотреблений в распределении воды, часто возникали ссоры, драки, иногда доходившие до убийства. Нередки были и ссоры и недоразумения из-за воды и между жителями разных кишлаков. Вышележащие кишлаки, находящиеся в более выгодном положении, иногда захватывали больше воды в ущерб кишлакам, лежащим ниже по течению.

В документах ЦГИА УзССР неоднократно отмечаются такие ссоры, иногда возникавшие и между представителями разных национальностей. Так, например, в 1888 году кыпчаками

¹ Полев. зап. № 9 за 1954 г.

² Полев. зап. № 40 за 1953 г.

Чадакской волости Наманганского уезда было подано военному губернатору прошение, в котором они писали, что волостной управитель Каракалпакской волости не разрешает им пользоваться землями, орошенными новым арыком, прорытым ими в Кокандском уезде совместно с каракалпаками Каракалпакской волости¹. В 1889 году возник спор из-за воды арыка, выведенного из озера Минг-булак, между узбеками кишлака Гур-Тепе и каракалпаками соседних селений². Такие столкновения были на-руку царским властям, проводившим политику разжигания национальной розни, натравливания одного народа на другой.

Скотоводство. В период вхождения Ферганской области в состав России скотоводство у ферганских каракалпаков было оттеснено на задний план значительно выросшим земледелием. Однако в качестве подсобной отрасли хозяйства оно продолжало у них играть существенную роль. По сравнению с хозяйством узбеков скотоводство у каракалпаков имело большее значение³.

Основное место в скотоводстве каракалпаков по-прежнему занимало разведение крупного рогатого скота. Об этом нам сообщали информаторы⁴. Об этом же пишет В. Массальский в своей работе „Туркестанский край“: „Каракалпаки живут оседло, усердно занимаясь земледелием и скотоводством (крупный рогатый скот)“⁵. Кроме крупного рогатого скота каракалпаки разводили лошадей, овец, коз; совсем немного — ослов и верблюдов, а также домашнюю птицу — кур, уток и гусей⁶. Наглядное представление о пропорциональном соотношении разных видов скота у каракалпаков дают „Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 года“ по Каракалпакской волости, большинство населения которой составляли каракалпаки. Здесь было:

Крупного рогатого скота	49 $\frac{1}{2}$ °
Овец и баранов	32 $\frac{1}{2}$ °
Лошадей	14,7 $\frac{1}{2}$ °
Коз	3,8 $\frac{1}{2}$ °
Ослы и мулы	0,3 $\frac{1}{2}$ °
Верблюдов	0,2 $\frac{1}{2}$ °

Особый характер носило скотоводство каракалпакских баев. Они еще в большей степени, чем во времена кокандских

¹ ЦГИА УзССР, ф. 19, ед. хр. 2512.

² Там же, ед. хр. 2797.

³ Особенно в западных районах расселения каракалпаков.

⁴ Полев. зап. № 25, 55, за 1953 г.

⁵ В. Массальский. „Туркестанский край“, стр. 390—391.

⁶ Полев. зап. № 5, 7, 25 за 1953 г.

⁷ „Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 г.“.

Табл. 2, стр. 32—33.

ханов, разводили мелкий рогатый скот (овец), главным образом, с целью продажи, и выпасали этот скот летом на горных пастбищах. Нам сообщали информаторы: „У баев бывало свыше 500 голов скота... Баи гоняли свой скот в горы. Со скотом ходил бай или сын бая и несколько пастухов (койбагор)“¹. „Здесь был Яркул-мингбаши. Он летом гонял свой скот в горы, а зимой пас в кишлаке. У него было много скота, поэтому он гонял скот в горы. Остальные скот в горы не гоняли“². Об этом же отгонном скотоводстве каракалпакских баев пишут в своей работе В. и М. Наливкины, указывая, что семьи баев проводят около половины года в горах и предгорьях со скотом³.

Баи узбекского населения также занимались отгонным промыслом скотоводством, но они, в отличие от каракалпаков, сами со скотом в горы не ходили, а отдавали его на лето на выпас пастухам-киргизам⁴. Что касается бедняков и середняков — каракалпаков, то они летом скот в горы не гоняли, пасли его на близлежащих пастбищах около кишлака. Переселение на жазлау (даже находящееся в 1—3 километрах от кишлака) стало практиковаться реже. Обычно бедняцкие хозяйства совместно нанимали пастуха, пасшего их скот близ кишлака. Нам сообщали информаторы: „У бедняков были 1—2 барана или коровы: у многих вообще не было скота. Бедняки скот не гоняли в горы. Те, кто имел 10—20 голов скота, тоже не гоняли скот в горы — они пасли скот около кишлака или в других удобных местах. Бедняки сообща нанимали пастуха, который пас их скот недалеко от кишлака на удобных местах“⁵. „Летом бедняки совместно нанимали пастуха (падачи). Ночевал он по очереди в каждом доме. Каждый день ему давали 4 лепешки и ужин. За лето за пастбу одной коровы давали $\frac{1}{2}$ пуда зерна (джугары), за козу или овцу — по $\frac{1}{4}$ пуда⁶. Зимой скот содержали в хлевах: малхана, атхана, бастырма. Это были постройки из гуая. Для мелкого рогатого скота делали кора: остов кора делали из согнутых жердей, покрывали камышом“⁷.

Для скота на зиму запасали корм: сено (пшен, пая, кашак), стебли кукурузы и джугары, солому риса (пахал), а также мелкорубленную солому пшеницы и других зерновых культур — саман; для лошадей заготавливали также люцерну (беде) и джугару. Однако по возможности мелкий рогатый скот, а

¹ Полев. зап. № 25 за 1953 г.

² Полев. зап. № 4 за 1953 г.

³ В. и М. Наливкины. Очерк быта женщины оседлого населения Ферганы, стр. 255.

⁴ О. А. Сухарева и М. А. Бикжанова. Прошлое и настоящее селения Айкыран, стр. 3.

⁵ Полев. зап. № 25 за 1953 г.

⁶ Полев. зап. № 53 за 1953 г.

⁷ Полев. зап. № 25 за 1953 г.

иногда и коров, старались держать на подножном корму, выпасая их около кишлака. Пастухов на зиму не нанимали, скот пасся сам¹. Таким образом, скотоводство основной массы каракалпаков Ферганы в данный период было связано с вполне оседлым образом жизни, что и подтверждается некоторыми высказываниями в литературе².

Скот, так же, как и продукты скотоводства, и в описываемый период играли существенную роль в хозяйстве и быту каракалпаков: скот использовали в качестве тягловой силы (быков и лошадей), транспортных средств (лошадей и ослов). Широко использовалось в хозяйстве молоко (коровье, а также овечье и козье), из которого изготавливали многочисленные молочные продукты; мясо же могли употреблять лишь в байских семьях (бедняки ели его только по большим праздникам). Использовалась каракалпаками и шерсть (прежде всего овечья). Из овечьей шерсти валяли кошмы (кигиз), ткали паласы (алача), ковры (глем) и грубую шерстяную материю (чекмен). Из бараньей шкуры делали тулупы (постын); козьим мехом оторачивали тельпек (шапку) маленьких детей, а бараньим — тельпек взрослых мужчин³.

В хозяйстве ферганских каракалпаков скотоводство имело большее значение, чем у узбеков. Сравнивая же скотоводство ферганских каракалпаков с этой же отраслью хозяйства хорезмских каракалпаков, мы видим, что оно, в основном, носило одинаковый характер. Хорезмские каракалпаки разводили те же породы скота (преобладал крупный рогатый скот). Одинаковый характер имело содержание скота и его использование в качестве ездовой и рабочей силы, одинаковым было и использование продуктов скотоводства: изготавливались в основном масло, катык, айран, курт; в некоторых случаях употребляли и мясо домашних животных (баранье, говяжье, а также конину), особенно в богатых семьях. Навоз использовали в качестве топлива и удобрения. Широко использовалась верблюжья, козья и баранья шерсть для выделки кошем, паласов, ковров, шерстяных тканей; из овчин делали тулупы (постын) и головные уборы (шогирме)⁴.

Рыболовство. В описываемый период рыболовство в хозяйстве восточных групп ферганских каракалпаков (Андижанского и Наманганского уездов) перестало играть сколько-нибудь

существенную роль. Им занимались не регулярно, а от случая к случаю, не возлагая на него в хозяйстве особых надежд. Нам сообщали информаторы: „Здесь раньше ловили рыбу мало, если приходили гости или еще в каком-нибудь случае“¹. У западной же части каракалпаков Ферганы, расселенной в Каракалпакской волости Кокандского уезда, рыболовство продолжало занимать видное место в хозяйстве².

Ловили по-прежнему в озерах и реке сазанов, щук, сомов и другую рыбу. Сети (ау, илашма) у восточных групп все более выходили из употребления, однако у западных сохранились и до наших дней. Для ловли рыбы употребляли также острогу (шанышкы), удочку (кармак), загородку из камыша (газа), и следующие снасти: сават, сплетенный из прутьев; тор—снасть, похожая на вентерь, и др.

Рыболовство ферганских каракалпаков обнаруживает ряд общих черт с рыболовством хорезмских каракалпаков, в частности, употребление как той, так и другой группами одинаковых снастей (сети; вентеря, остроги удочки, газа). Однако, у хорезмских каракалпаков рыболовство играло большую роль в хозяйстве, особенно у их северных групп, где оно являлось ведущей отраслью хозяйства; вследствие этого у них имеется ряд снастей, не употребляемых ферганскими каракалпаками.

Домашние промыслы. В описываемый период домашние промыслы (пряление, ткачество, ковроткачество, выделка паласов, кошмовалание, изготовление из камыша цыновок (бойра, чий) и корзин (сават) продолжали играть важную роль в хозяйстве ферганских каракалпаков, обеспечивая их многими необходимыми предметами домашнего обихода. Некоторые из этих предметов (ковры, бойра) изготавливались и для продажи.

Шерстяные нитки, а также грубые хлопчатобумажные для мешковины пряли при помощи верегена-урчик. Более тонкие нитки из хлопка изготавливались на прядильном станке—чарк. На ткацком станке—ормек ткали грубую хлопчатобумажную материю—боз (мата), служившую основным материалом для одежды каракалпаков, особенно их беднейших слоев. Кроме того, из толстых хлопчатобумажных и шерстяных ниток ткали мешковину, из шерстяных—шерстяную материю (чекмен), употребляемую для изготовления теплых халатов³. Ткачеством в каракалпакских семьях занимались женщины, в отличие от узбекских, где этим исключительно занимались мужчины⁴.

¹ Полев. зап. № 10, 25 и 53 за 1953 год.

² В. Массальский. „Туркестанский край“, стр. 390—391.

³ В настоящее время в личном хозяйстве колхозников по-прежнему широко практикуется изготовление молочных продуктов. Ковроткачеством же и кошмоваланием каракалпаки сейчас не занимаются, предпочитая покупать готовые вещи на базаре и в магазине. Однако старинные кошмы, паласы и ковры еще довольно часто можно встретить в каракалпакских домах.

⁴ О скотоводстве у хорезмских каракалпаков см. диссертацию С. Камалова, стр. 76—79, 84, 138—139; диссертацию Р. Кошбергенова, стр. 97—100, 108—109.

¹ Полев. зап. за 1953 г.

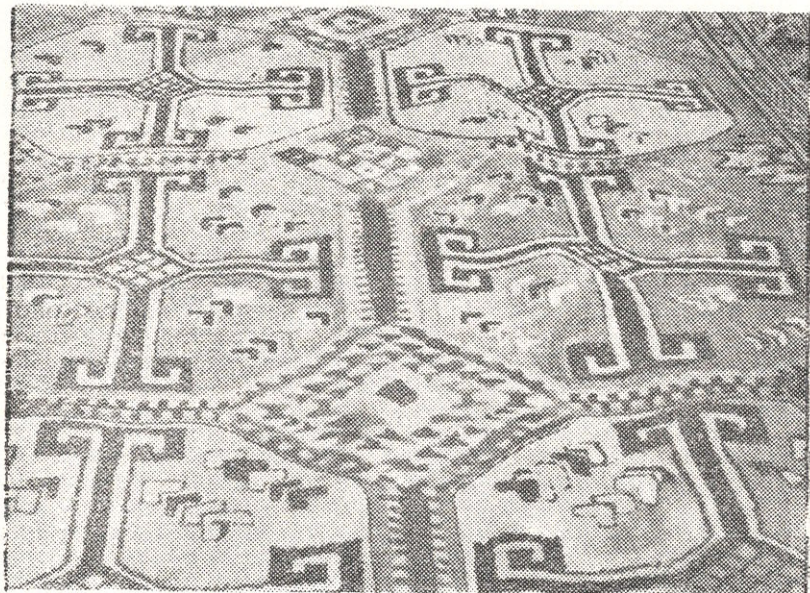
² Полев. зап. № 7, 28, 32, 33 за 1954 г. В каракалпакской артели по выделке цыновок „Промкомбинат“ кишлака Ак-баш, Яз-Янганского района, Ферганской области нам сообщили, что еще в 1936—1939 гг. они в соседних озерах ловили много рыбы, которую славали в атель.

³ Полев. зап. № 5, 6, 44 за 1953 г.

⁴ В. и М. Наливкины. Очерк быта женщины оседлого населения Ферганы, стр. 113.

Вообще ткачество у каракалпаков было развито значительно меньше, чем у узбеков. Каракалпаки изготавливали только вышеуказанную хлопчатобумажную и шерстяную материю, при этом исключительно для потребностей своей семьи (типичные домашние промыслы), тогда как у узбеков ткачество издавна носило характер ремесла. Они изготавливали на продажу значительное количество хлопчатобумажных, полшелковых и шелковых тканей.

Ковер ферганских каракалпаков (лом Б. Ходжанкулова с. Чинабад Андижанской области).

Заметное место среди домашних промыслов каракалпаков занимало ковроткачество, а также выделка алача (паласов—безворсовых ковров). Алача и ковры (глем) служили для убранства жилищ каракалпаков (особенно в зажиточных семьях). Как нам сообщали информаторы, «в приданное девушке считалось обязательным давать ковер и алача»¹.

Мы уже упоминали, что ковроткачество ферганских каракалпаков привлекало внимание русских путешественников еще во времена Кокандского ханства. Не потеряло оно известности и в описываемый период. Видный исследователь этнографии народов Средней Азии—А. Семенов—в статье «Ковры Русского Туркестана» писал: «В этой (Ферганской—Л. Т.) области

ковровые изделия ткются преимущественно в трех уездах киргизским населением и отчасти каракалпаками: в Кокандском уезде (в Найгут-Кипчакской, Ляйлякской и Каракалпакской, кишлак Калган-Дарья, волостях); в Андижанском уезде (в Аимской и Джалайлудукской волостях) и в Ошском уезде (в Хакентской волости, алайские киргизы)¹.

В коврах ферганских каракалпаков преобладали разные оттенки красного, розового и малинового цветов. Композиция обычно состояла из многократного повторения одного рисунка (с некоторыми вариантами в расцветке), с широкой каймой по краям ковра, состоящей также из повторяющихся элементов. Обычным элементом рисунка являлись бараньи рога. В наиболее интересном встреченном нами старинном каракалпакском ковре основным повторяющимся рисунком служит крест, заканчивающийся бараньими рогами.

Изготовление больших ковров получило у ферганских каракалпаков более широкое распространение, чем у хорезмских. Но что касается многочисленных ковровых изделий, украшающих юрту хорезмских каракалпаков (жамбау, есикас, каршин)², то у ферганских каракалпаков в связи с ранним изживанием юрты, они давно исчезли и до наших дней не сохранились даже в сундуках.

Каракалпаки изготавливали также большое количество орнаментированных кошем (кигиз). Преобладающим орнаментом на коше был муйиз (бараньи рога). Кошмаслужила обычной подстилкой на полу в домах ферганских каракалпаков.

Большую роль продолжало играть изготовление изделий из камыша—цыновок (бойра, чий) и корзин (сават). Формы и назначение корзин разнообразны: изготавливались плоские корзины для лепешек—нан-сават, более глубокие—для ложек—кашык-сават, для фруктов—миуа-сават, для ловли рыбы—басма-сават и др., имевшие широкое применение в домашнем быту каракалпаков, а также шедшие в продажу. Каракалпаки были известны в Ферганской долине как специалисты по выделке изделий из камыша.

Таковы, в основном, были домашние промыслы каракалпаков; указанные предметы изготавливались во всех каракалпакских семьях в свободное от сельскохозяйственных работ время и удовлетворяли в основном нужды самой семьи. Но среди каракалпаков в описываемый период начался уже и процесс выделения профессионалов-ремесленников. По данным «Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.» из 11.056 каракалпаков, зарегистрированных в Ферганской области, 615 человек, т. е. приблизительно 5,6 процента добы-

¹ А. А. Семенов. Ковры Русского Туркестана. Этнограф. обозрение 1911 г., стр. 153—154.

² Т. А. Жданко. «Каракалпаки Хорезмского оазиса», стр. 562—564.

вали себе средства к существованию теми или иными ремеслами. Основными из этих ремесел были обработка дерева (т. е. изготовление арб, бешиков—детских люлек, сундуков, деревянной посуды для домашнего обихода и др.)¹.

Другие же виды ремесел у ферганских каракалпаков сколько-нибудь широкого распространения не получили².

Сравнивая домашние промыслы ферганских и хорезмских каракалпаков конца XIX—начала XX веков, мы видим, что, в основном, они носили одинаковый характер. У хорезмских каракалпаков домашние промыслы также были представлены прядением, ткачеством (хлопчатобумажной ткани—боз и шерстяной—чекмен), изготовлением паласов (алача), ковроткачеством, кошмовалянием, изготовлением одежды, плетением из камыша цыновок (бойра, чий, шипта) и кулей (мардан) для зерна и рыбы. Кроме этого, хорезмские каракалпаки занимались выделыванием кож и изготовлением обуви и сельскохозяйственного инвентаря. У хорезмских каракалпаков, в отличие от ферганских, в это время большое развитие получили профессиональные ремесла: кроме специалистов по обработке дерева и изготовления различных деревянных изделий (частей юрты, арб, бесыков, сундуков, посуды) здесь были представлены также и некоторые другие профессии (кузнецы, горшечники, сапожники, ювелиры и т. д.)³.

Однако, несмотря на некоторые различия, основные и, по-видимому, наиболее старые домашние промыслы у ферганских и хорезмских каракалпаков были одинаковы. Значительное сходство с вышеуказанными наблюдается также в домашних промыслах и ремеслах у каракалпаков зеравшанской группы. Как указывал А. Д. Гребенкин, каракалпаки бассейна реки Зеравшан занимаются обработкой дерева, ковроткачеством, ткачеством (чекменя и хлопчатобумажных тканей) и кошмовалянием⁴.

Заканчивая обзор хозяйства каракалпаков в период вхождения Ферганской области в состав России, нам следует сказать несколько слов и о развитии у них торговли. Как мы уже видели, хозяйство каракалпаков в данный период получило, в основном, денежный характер, главным образом вследствие быстрого развития хлопководства. Каракалпаки были вынуж-

дены покупать на базаре значительную часть продовольственных культур, кроме того, как и прежде, те предметы ремесленного производства узбеков, которые не производились в их собственном хозяйстве (обувь, украшения, упряжь, металлическую и гончарную посуду и т. д.) Продавали же они прежде всего хлопок, а кроме того, некоторые другие сельскохозяйственные продукты, например, дыни, картофель (последний разводился специально для продажи), продавали также скот, продукты животноводства и изделия своих домашних промыслов. Кроме того они продавали камыш, шедший на топливо и корм для скота. Среди каракалпаков начали выделяться и торговцы-профессионалы, хотя количество их было очень незначительно. По материалам "Первой Всероссийской переписи населения 1897 г." среди 11.056 зарегистрированных переписью каракалпаков 133 человека¹, т. е. около 1 процента, жили за счет торговли. Большинство из них были мелкими торговцами, и только наиболее богатые баи наживали крупные капиталы за счет скупки хлопка у населения (выступая посредниками между русскими хлопкозаготовительными фирмами и населением) или за счет массовой продажи баранов, пригоняемых осенью с горных пастбищ.

* *

Подводя итоги рассмотрению хозяйства ферганских каракалпаков в период вхождения Ферганской области в состав России, мы можем сделать вывод, что в это время их хозяйство сохранило еще некоторую специфику, сближающую его с хозяйством каракалпаков низовой Сыр-Дарьи первой половины XVIII века, а также с хозяйством хорезмских каракалпаков конца XIX—начала XX веков и отличающую его от хозяйства узбеков Ферганы. При ведущем значении земледелия у них сохранилась известная комплексность хозяйства (особенно в западной части Ферганской долины—Каракалпакской волости Кокандского уезда), а именно: большее развитие скотоводства, чем у узбеков Ферганы, и некоторая роль рыболовства. В составе сельскохозяйственных культур большое значение продолжали иметь такие, как дыни и просо. В составе скота, его содержании, использовании продуктов животноводства наблюдается большое сходство со скотоводством хорезмских каракалпаков конца XIX века. Рыболовные снасти ферганских каракалпаков сохранили значительное сходство со снастями хорезмских каракалпаков (газа, шонышка). Примерно одинаковый характер носили и домашние промыслы хорезмских и ферганских каракалпаков. В отличие от узбеков среди кара-

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 89 СИБ, 1905 г., табл. XXII, стр. 12—123

² См. там же, а так же полв. зап. № 10 за 1953 г. Этим занятия каракалпаков Ферганы резко отличались от занятий соседних узбеков, у которых издавна получили широкое развитие различные виды профессиональных ремесел (ткачество, гончарство, ремесла, связанные с обработкой кожи: кузнечное, ювелирное дело и многие другие). См. В. и М. Наливкины. Очерк быта женщины оседлого населения Ферганы. стр. 26.

³ См. ук. работу Р. Косбергенова. стр. 107—10

⁴ А. Д. Гребенкин. "Узбеки", Русский Туркестан. (Сборник) Вып. II. М. 1872 г., стр. 98.

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. табл. XIX, стр. 122—123.

калпаков процент профессионалов-ремесленников был очень незначительным.

Однако в хозяйстве каракалпаков Ферганы данного периода наблюдались уже заметные отличия от хозяйства каракалпаков низовой Сыр-Дарьи первой половины XVIII века, а также от хозяйства каракалпаков низовой Аму-Дарьи конца XIX — начала XX веков, у которых лучше сохранились многие черты хозяйства их предков. В связи с бурным развитием хлопководства в Фергане у ферганских каракалпаков значительно изменился состав сельскохозяйственных культур. Хлопок стал ведущей культурой. Орошение у ферганских каракалпаков было самотечным в отличие от хорезмских, где наряду с самотечным широко было распространено чигирное орошение. Скотоводство у основной массы ферганских каракалпаков стало оседлым. Значительно уменьшилось значение рыболовства, был утрачен ряд рыболовных снастей, взамен которых возникли некоторые новые и др. Эти изменения были обусловлены частично иными природными условиями (например, самотечное орошение), частично влиянием окружающих узбеков, частично общими изменениями в области в связи с присоединением к России (развитие хлопководства), а иногда и всеми этими обстоятельствами, вместе взятыми.

2. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

а. Социально-экономическая характеристика

Общественные отношения ферганских каракалпаков, как и их соседей узбеков, накануне Великой Октябрьской социалистической революции характеризовались сложным переплетением развивающихся капиталистических отношений с еще сохранившимися и накладывающими значительный отпечаток на всю общественную жизнь феодальными формами эксплуатации. Занятие все больших территорий под хлопок приводило к сокращению посевов зерновых культур. Значительную часть продуктов, необходимых для питания населения, приходилось покупать на базаре, что приводило к разрушению натурального хозяйства. Разведение культуры хлопка, в свою очередь, требовало больших денежных затрат, причем деньги были нужны в самое трудное для дехканина время года — весной. Нуждой дехканина в деньгах пользовались байы — ростовщики, ссужавшие дехканину деньги под огромные проценты — от 25 до 100 процентов годовых. Ростовщичество называлось „осимге бериш“. Нам рассказывали информаторы: „Если бедняк занимал у бая 20 рублей, то через год он должен был вернуть 25 или 30 или 40 рублей“¹. Б. Ходжанкулов рассказывал, что если бедняк

занимал у бая 500 рублей, то через год он должен был отдать 625 рублей. Бай не давал бедняку сразу 500 рублей. Давал сначала 100 рублей, причем из них лишь половину деньгами, а другую половину мукой, старой одеждой и т. п. (значительно меньше стоящей, чем 50 рублей). На таких же условиях ссужались и остальные деньги. Если бедняк не мог вернуть долг, у него отбирали землю, дом, все имущество, а если и этого не было — заставляли работать на бая¹. Выдача денег под ростовщические проценты и под земли заклад была широко распространена и приводила ко все большему обезземеливанию дехканства и сосредоточению земель в руках баев. Некоторые байы свои ростовщические операции вели самостоятельно, но значительная часть их (так называемые посредники) была связана с русскими хлопкозаготовительными фирмами, получая от них ссуды под небольшие проценты (6—8) с обязательством вернуть долг хлопком. Посредники, как мы уже указывали выше, давали полученные деньги дехканам небольшими суммами под огромные проценты. Причем, дехканин обязан был отдать посреднику свой урожай хлопка. Если же урожай был недостаточен, чтобы оплатить и долг, и проценты, земля бедняка переходила баю-посреднику².

Дифференциация крестьянства, обезземеливание его беднейших слоев и концентрация земли в руках баев происходили очень быстрыми темпами.

В данный период в каракалпакском кишлаке можно было выделить следующие группы: Эксплуататорская верхушка была представлена прежде всего баями. Характер этой группы населения чрезвычайно сложен. Мы знаем, что байы, как представители торгово-ростовщического капитала, появились уже в Кокандском ханстве. После включения Ферганской области в состав России и особенно в связи с развитием хлопководства роль их сильно возросла. Байы сосредоточили в своих руках большие участки земли³. Земельные участки у крупных баев занимали сотни, а иногда и тысячи танавов. С. Кошкарров называл нам самого крупного землевладельца Андижанского уезда Мир-Камиль-бая (узбека по национальности), владевшего тысячами танавов земли⁴.

В кишлаке Бессары (входящем теперь в колхоз имени К. Маркса, Задарьинского района, Наманганской области) нам

¹ Полев. зап. № 8 за 1953 г., № 18 за 1954 г.

² Н. Корытов. О денежном кредите у туземцев. Ежегодник Ферган. области. Вып. III. П. Резник. Хлопководство в Наманганском уезде. То же — Вып. II.

³ Уничтожение после образов. Ферганской области на территории быв. Кокандского ханства крупного феодального мюлького землевладения способствовало концентрации земель в руках баев.

⁴ Полев. зап. № 4 за 1953 г. Этот же бай упоминается в работе В. Я. Непомнина. К истории ирригации в Узбекистане, 1940 г. ст. 24.

¹ Полев. зап. № 24 за 1953 г.

называли бая Абдуллу Исматуллаева, у которого было 100 танапов пахотной земли и 100 танапов—поросшей камышом и кустарником. Если кто-нибудь срезал на его земле 5 снопов камыша, то он требовал себе 3 снопа и лишь 2 отдавал работавшему. У этого бая было около 30 голов скота. Земли его обрабатывались батраками, издольщиками, поденщиками¹.

В кишлаке Курганча (входящем в то время в Каракалпакскую волость, Кокандского уезда) был Осербай, количество земель которого доходило до 200 танапов. На его землях работали 5—10 батраков, издольщики, поденщики².

В „Материалах Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 г.“ указывается, что в Каракалпакской волости (подавляющее большинство населения которой составляли каракалпаки) 0,6 процента населения имело земельные участки свыше 15 десятин (90 танапов), причем 0,2 процента владело землями свыше 25 десятин (150 танапов)³.

Изменилась в этот период и социальная сущность бая. Правда, феодальные формы эксплуатации продолжали играть ведущую роль. Значительную часть своих земель бай сдавали в издольную аренду (см. ниже), что являлось типично феодальным способом эксплуатации. Одним из основных способов эксплуатации байской верхушкой трудящихся масс также была, как мы уже говорили, выдача ссуд под ростовщические проценты. Как указывал К. Маркс, ростовщический капитал, высасывая все соки из эксплуатируемого хозяйства, в то же время не затрагивает самого способа производства. Он лишь „заставляет воспроизводство совершаться при все более жалких условиях“⁴.

Но эксплуатация баями трудящихся масс уже не ограничивается феодальными формами. Капиталистические отношения получали все более широкое распространение в каракалпакском кишлаке. Часть земель эксплуататорская верхушка обрабатывает уже при помощи труда наемных рабочих. Некоторые представители сельской буржуазии становятся хозяевами хлопкоочистительных заводов⁵. Так, вышеназванный Мир-Камилбай был владельцем нескольких хлопкоочистительных заводов. Многие бай имели большое количество голов скота. Так, у Мамин-серкера из кишлака Кема-Баши было больше сотни голов скота (он же был крупным землевладельцем—у него было около 100 танапов земли)⁶. У Мулла-Журабая из кишлака Катта-Ак-Тепе было 50 голов скота (его зе-

мельные участки составляли около 40 танапов, на него работало 4—5 батраков, 2—3 издольщика, для сезонных работ нанимались поденщики)¹. Оседлому земледельческому населению для собственных потребностей такое количество скота, конечно, не нужно, и разводили каракалпакские бай его в большом количестве для продажи, когда цены были наиболее высоки. Нам рассказывал Дихканбай Гаиров, 75 лет, из кишлака Жабы (Фрунзенский район, Ферганской области), работавший в прошлом батраком у бая Нышан-бая: „Бай продал кому-то хлопок за 800 рублей и купил на эти деньги 50 голов овец. Я пас этих овец. Когда овцы стали жирными, бай их опять продал и купил 55 голов овец“². Благодаря подобным торговым операциям со скотом бай наживали крупные состояния.

Таким образом, мы видим, что социальное содержание каракалпакского байства было весьма сложным. В способах эксплуатации населения и обогащения сочетались феодальные и капиталистические элементы (причем иногда те или иные бай отдавали предпочтение феодальным или капиталистическим способам эксплуатации, но обычно каждый бай прибегал и к тому и к другому способу).

Из среды баев обычно избирались и представители местной администрации (волостные—мингбаши, старосты—амины, пятидесятники—елликбаши). Они пользовались своим служебным положением для обогащения за счет населения (см. ниже).

Скажем несколько слов и о других представителях эксплуататорской верхушки в каракалпакском кишлаке. Родовая знать утратила свое значение в связи с общим изживанием пережитков родового строя. Частично представители родовой знати влились в состав байской верхушки.

Среди эксплуататоров большую роль продолжало играть мусульманское духовенство (дамулла, казии, ишаны). При проведении земельно-податных работ значительная часть вакуфных земель была сохранена. Например, в Балыкчинской волости было оставлено за мечетями, медресе, мазарами и т. п. 8 владений с общей площадью 338,2 десятины, в Алтынкульской—12 владений с площадью 171 десятина³, в Каракалпакской—4 владения⁴. За конфессиональными учреждениями оставались чаще ненаселенные вакуфы, т. е. такие, на которых не было постоянного населения, а обрабатывались они трудом краткосрочных арендаторов. Населенные вакуфы, т. е. вакуфы, на которых постоянно жило население (имеющее там дома и дру-

¹ Полев. зап. № 3 за 1954 г.

² Полев. зап. № 9 за 1954 г.

³ Материалы Всероссийск. к. сельхоз. переписей 1917 г., вып. II „Поволостные итоги Ферганск. обл.“, табл. 2, стр. 34—35.

⁴ К. Маркс. „Капитал“, т. III, 1938 г., стр. 527.

⁵ Полев. зап. № 4 за 1953 г.

⁶ Полев. зап. № 40 за 1953 г.

¹ Полев. зап. № 26 за 1954 г.

² Полев. зап. № 26 за 1954 г.

³ Материалы для статист. описания Ферганской обл. Вып. I, стр. 160.

⁴ Там же. Вып. IV, стр. 58—59.

тие постройки), которое при ханах платило налоги в пользу вакуфного учреждения, после присоединения Ферганской области к России обычно передавались во владение населяющих их дехкан с уплатой налогов в пользу казны¹. Основным способом эксплуатации населения духовенством была сдача в аренду вакуфных земель (территории вакуфных земель, как мы видели выше, были довольно велики). Кроме того, духовенство собирало в свою пользу различные обязательные подношения: так, например, ишанам население должно было платить назир (определенную часть урожая и деньги)². Такова была зажиточная эксплуататорская верхушка каракалпакского кишлака. На другом полюсе сосредоточивались беднейшие слои дехканства. Минимумом земли, необходимым для самостоятельного ведения хозяйства, было 6—10 танапов в разных районах Ферганской долины³. По данным „Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 г.“ число хозяйств с наделом менее 6 танапов (т. е. наделом, который не обеспечивал прожиточного минимума семьи) в Балыкчинской волости достигало 47,4 процента, в Нарынской—41,9 процента, в Каракалпакской—36,8 процента. Выходило, что прожиточного минимума не имела почти половина хозяйств⁴. Причем из этих хозяйств в Балыкчинской волости 9 процентов, в Нарынской—9,8 и в Каракалпакской—3,2 процента имели надел менее 1 танапа⁵. Естественно, что все эти хозяйства были вынуждены в той или иной мере прибегать к посторонним заработкам. Процент безземельных в ряде волостей Ферганской области был довольно высок. Так, в кишляках, в которых преобладающей национальностью являлись каракалпаки,—в Нарынской, Алтынкульской и Балыкчинской волостях—безземельных в среднем было 10—15 процентов, в Кепинской и Киргиз-Курганской волостях Наманганского уезда—10—20 процентов, а в Каракалпакской волости Кокандского уезда этот процент был значительно ниже—около 3⁶. (В Каракалпакской волости в силу неблагоприятных природных условий хлопководство получило меньшее развитие; поэтому и процессы расслоения крестьянства, обезземеливания происходили более медленными тем-
пами).

ямства, обезземеливания происходили более медленными тем-
пами).

Значительное количество хозяйств не имело рабочего скота, а иногда и вообще было лишено домашних животных. Естественно, что такие хозяйства не могли самостоятельно заниматься земледелием. Так, по Каракалпакской волости количество хозяйств без всякого скота составляло 19,1 процента, без рабочего скота—27,9 процента¹. Вся эта беднейшая группа хозяйств вынуждена была прибегать к посторонним заработкам. По данным „Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.“, число хозяйств, занимавшихся теми или иными промыслами, составляло в Балыкчинской волости 57,7 процента, а в Каракалпакской—32,5 процента².

Процент же середняцких хозяйств (имеющих от 9 до 18 танапов земли) был невелик—по волостям, населенным каракалпаками, он колебался в пределах 20—25³, сокращаясь с каждым годом. При этом менее обеспеченные слои среднего крестьянства не всегда могли свести концы с концами и часто вынуждены были прибегать к посторонним заработкам. Это показывает, как далеко зашел процесс дифференциации крестьянства.

Остановимся теперь подробнее на формах эксплуатации, бытовавших в каракалпакском кишляке. Значительная часть беднейшего дехканства арендовала землю издольно. Издольщик—чаракар-кошчи—получал у бая землю, орудия производства, скот и семена. Условия аренды были различные. Обычно арендовали из доли урожая—от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{2}$, в зависимости от различных условий. Из $\frac{1}{2}$ доли урожая бай сдавали землю дехканам, имеющим свой кош, т. е. пару быков с омачом, при помощи которых издольщик вел обработку⁴. Если же издольщик обрабатывал землю байскими сельскохозяйственными орудиями, то доля его при дележе урожая значительно понижалась.

Нам сообщали информаторы: „Если у бедняка не было земли, быков, сельскохозяйственных орудий, то они шли к баю и брали у него землю, зерно, быков, сельскохозяйственные орудия. Такой бедняк назывался чаракар-кошчи. Иногда чаракар-кошчи питался у бая. Тогда он получал $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$ долю урожая. Если он питался дома, он получал $\frac{1}{3}$ долю урожая“⁵. Те же сведения мы находим и в „Материалах Всероссийской сельскохозяйственной переписи населения 1917 г.“⁶. Таким об-

¹ Эти перемены производились в результате ликвидации после присоединения Ферган. области к России крупного мулькового и отчасти вакуфного земледелия.

² Полев. зап. № 4 за 1953 г.

³ В. И. Юферов. Хозяйство сартов Ферганской области. Россия. Переселенческое управление. Ташкент. 1911 г., стр. 21. О. А. Сухарева и М. А. Бижанова—Прошлое и настоящее селения Айкыран., стр. 41.

⁴ Материалы Всероссийск. сельхозпереписей 1917 г. Вып. II. Повол. итого Ферг. обл., стр. 50—51. Если к нижней группе отнесем хозяйства с наделом менее 9 танапов, то эти цифры соотв. составят: 62,40%, 54,30%, 51,10%, т. е. более половины хозяйств.

⁵ Там же.

⁶ Список населенных мест Ферганской области. Скобелев. 1909 г. Фер. обласной статкомитет. Стр. 9, 21, 23, 35, 37, 113, 118.

¹ Мат. Всероссийск. сельхозпереписей 1917 г. Вып. II, стр. 32—33.

² Там же.

³ Там же, табл. 3 стр. 50—51.

⁴ Полев. зап. № 26 за 1954 г.

⁵ Полев. зап. №№ 24, 4 и 8 за 1953 г.

⁶ Мат. Всероссийск. сельхоз. переписей 1917 г. Вып. II, стр. 34—35.

разом, феодальная форма эксплуатации — издольщина — по-прежнему являлась ведущей формой эксплуатации.

Но распространились и другие, капиталистические формы эксплуатации. Все шире применялся наемный труд. Условия найма были различны. Безземельные дехкане часто шли к баям в батраки-карал. Батрачество было наиболее тяжелым видом эксплуатации. Батрак нанимался обычно на год. За работу он получал 60—100 рублей в год, одежду и пищу¹. Но бывали случаи и несравненно более тяжелых условий эксплуатации. Информатор Аскар Таджибаев, 70 лет, из колхоза имени Сталина, сельсовета Етти-Кашка, Чинабадского района Андижанской области нам рассказывал: „Когда мне было 3 года, умерли отец и мать. Я остался сиротой и работал у бая. Положение было тяжелым. Я работал у одного бая за 17 рублей в год. Моя жена и сын тоже работали у бая (в счет той же платы). Иногда бай давал жене и сыну старую одежду. Такие работающие у бая семьями бедняки назывались малай“². Д. Гаибов из кишлака Жабы Фрунзенского района Ферганской области, сам работавший в прошлом батраком у бая, рассказывал, что особенно мизерную плату получали батраки-подростки, помогавшие в домашнем хозяйстве бая или пасшие байский скот (взрослые же батраки обычно работали в поле). Подростки в основном работали за одежду и пищу, а денежная плата им сводилась к нескольким рублям в год. Так, например, работавший у бая Досбая из этого кишлака батрак Султан, будучи подростком, получал от 3 до 10 рублей в год³. Батраки иногда попадали в полную зависимость от бая, занимая у него деньги или продукты и не имея возможности отдать. Мы видим, что в таких условиях батрачество носило еще полуфеодальный характер.

Несколько лучше было положение поденных рабочих (мардикер) и помесячных — айлык. Поденщики получали в день от 1 до 5 теньга (т. е. от 20 копеек до 1 рубля) — в зависимости от рода работы и от количества выполненной работы. Айлык нанимались на один или несколько месяцев (3—4). Они получали в месяц 10—15—20 рублей⁴. Поденный и помесячный наем — это были уже чисто капиталистические формы эксплуатации.

Таким образом, перед Октябрьской революцией у ферганских каракалпаков мы видим сложное переплетение феодальной и капиталистической систем эксплуатации. И, наряду с

этим, феодальной верхушкой использовались для эксплуатации сородичей и односельчан и пережитки патриархальных отношений. Такими формами эксплуатации были, например, следующие: бай давал бедному родственнику корову для пользования молоком; за это жена бедняка и его дети должны были помогать в хозяйстве бая; корова же и теленок считались принадлежащими бая, и он мог в любое время их вернуть; это называлось „ярдам беру“ („оказывать помощь“). Такой же формой эксплуатации было асырау — воспитание баями детей бедных родственников или соседей; хошар (помочи) — использование труда сородичей или односельчан при строительстве дома или уборке урожая бесплатно, за одно лишь угощение¹. Особенно в широких размерах эксплуатация населения под видом старого обычая помочей происходила со стороны должностных лиц — волостных и др. В документах ЦГИА УзССР упоминается о том, что волостной Каракалпакской волости Кокандского уезда Арсланкул при строительстве курганчи в Сары-Кургане в 1877 году „по существующему обычаю созвал помочь“, в которой участвовали и жители других каракалпакских кишлаков. Участвовавшие в помочи не только строили курганчу, но и возили на место постройки камни и лес, за что им тоже не было заплачено. На волостного была подана жалоба, в которой упоминается, в частности, и то, что он не платил жителям кишлака Ак-Тепе за перевозку камней. Это свидетельствует о том, что и сами жители считали такой вид „помочей“ эксплуатацией их со стороны волостного².

* * *

Но при этом следует отметить, что значительное развитие капиталистических отношений в хлопководческой Фергане привело к быстрому изживанию пережитков родовых отношений у ферганских каракалпаков. Этот процесс у них начался еще во времена кокандских ханов. Ферганские каракалпаки были все же сравнительно небольшой группой, окруженной узбекским населением, не сохранившим родовых делений. Под влиянием окружающего узбекского населения ослабевали родовые связи и у ферганских каракалпаков. Ферганские каракалпаки жили в довольно неблагоприятных природных условиях. Отдельные хозяйства или группы их вынуждены были переселяться на другие земли в поисках удобных мест для пашен и пастбищ³, что привело к смешанному родовому составу в ряде

¹ Полев. зап. № 8 за 1953 г.

² Полев. зап. № 24 за 1953 г.

³ Полев. зап. № 9 и 24 за 1953 г.

⁴ Полев. зап. № 26 за 1954 г.

¹ Полев. зап. № 9 и 24 за 1953 г.

² ЦГИА УзССР, Фонд 19. Ферг. обл. правление. Ед: зр. 517.

³ Полев. зап. № 16 и 20 за 1953 г.

каракалпакских кишлаков¹. После присоединения области к России и особенно в период бурного развития хлопководства, приведшего к быстрому процессу обезземеливания дехканства, вызывавшего необходимость посторонних заработков, движение населения в области еще более усилилось. В этот период окончательно складываются смешанные по родовому составу каракалпакские кишлаки (в большинстве современных каракалпакских кишлаков население принадлежало в прошлом к разным родовым подразделениям)².

У ферганских каракалпаков в описываемый период не сохранилось даже какой-либо видимости родовой собственности на землю и воду. Владение землей у них, как и у всех оседлых жителей Ферганской долины, было подворно-наследственным, а водой арыков пользовались все жители данного кишлака или группы кишлаков (независимо от родовой принадлежности). К настоящему времени у наших информаторов — стариков не сохранилось никаких воспоминаний или преданий, говорящих об общинной собственности на землю и воду. Мероприятия русских властей в области административного управления и землеустройства способствовали изживанию пережитков родového строя у ферганских каракалпаков: при делении на волости и сельские общества, конечно, совершенно не учитывался родовой признак. Волостные управители и сельские старосты избирались обычно из представителей торгово-ростовщической верхушки, а родовая знать — бии — утратили свое значение. В связи с отсутствием какой-либо экономической базы для сохранения пережитков родového строя, у ферганских каракалпаков исчезли и другие пережитки родовых отношений: у них совсем не сохранилось воспоминаний о родовой экзогамии³, и представители одного родového подразделения могли вступать в брак между собою. Например, юноша из рода ак-мангыт мог жениться на девушке ак-мангыт⁴. Даже сами родовые деления (особенно мелкие) постепенно забывались. Сохранялось лишь сознание принадлежности к тем или иным крупным родоплеменным группам (конграт, мангыт, кыпчак, кенегес и др.) и лишь иногда — деление на более мелкие родовые группы (ак-мангыт, кара-мангыт и др.)⁵. Таким образом,

¹ Однако подтверждением того, что во времена кокандских ханов пережитки родовых отношений все же играли существенную роль в жизни ферганских каракалпаков, является тот факт, что в первые годы после присоединения Ферганы к России между представителями разных родовых подразделений каракалпаков велась борьба за должность волостного управителя. Сведения об этом содержатся в документах ЦГИА УзССР.

² Полев. зап. за 1953 г.

³ Экзогамия — запрет вступать в брак внутри своего рода.

⁴ Полное отсутствие экзогамии подтверждается тем фактом, что даже дети двух родных братьев могли вступать в брак между собой.

⁵ О пережитках родовых отношений см. Полев. записи №№ 6, 9, 16, 17, 20 и др. за 1953 г.

у ферганских каракалпаков разложение пережитков родového строя к началу XX века зашло значительно дальше, чем у каракалпаков Хорезмского оазиса. Аму-Дарьинский отдел Сыр-Дарьинской области представлял собой отдаленную окраину, намного слабее связанную с центром и не имеющую тех благоприятных природных условий для развития хлопководства, какие были в Ферганской долине. Вследствие этого и развитие капиталистических отношений шло там более медленными темпами. Это создавало условия для более продолжительной сохранности пережитков родového строя, особенно же это относилось к левобережной части Хорезмского оазиса, входившей в состав Хивинского ханства. У хорезмских каракалпаков в начале XX века сельская община сохраняла еще родовую оболочку и состояла в основном из родственников¹... „родоплеменное деление, устойчиво сохранившееся у каракалпаков в дореволюционном ауле, было характерной чертой их полупатриархального — полуфеодалного быта; оно имело до известной степени реальное значение в экономической (расселение, земле- и водопользование), политической (административная система) и семейной (экзогамия) жизни, являясь вредным архаизмом, тормозившим развитие каракалпакского народа, способствовавшим его раздробленности, замкнутости и разобщенности“². У ферганских каракалпаков мы всего этого не находим.

б. Административное управление и налоги

Рассмотрим теперь подробнее, каким было „военно-народное управление“ на территории, населенной ферганскими каракалпаками.

Туркестанское генерал-губернаторство делилось на 5 областей, одной из которых была и Ферганская область. Во главе каждой области стоял военный губернатор и при нем было областное управление. Ферганская область делилась на пять уездов: Андижанский, Наманганский, Кокандский, Маргеланский и Ошский. Каракалпаки были расселены в первых четырех уездах³. Уезды возглавлялись уездными начальниками, которых население по старой привычке называло „хакимами“⁴. Такова была русская военная администрация, в руках которой сосредоточивалась вся полнота власти в области. Уезды делились на волости. Ферганские каракалпаки были расселены, в основном, в следующих волостях: Нарынской, Алтынкүльской

¹ Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков. М.—Л. 1950 г. стр. 66.

² Там же, стр. 95.

³ См. „Список населенных мест Ферганской области“. г. Скобелев, 1909 г.

⁴ Полев. зап. №№ 4, 11, 24, и др. за 1953 г.

и Балыкчинской Андижанского уезда, Каракалпакской (в которой каракалпаки составляли большинство населения) и Кипчакской—Кокандского уезда, Шариханской и Яз-Яванской—Маргеланского уезда, Кепинской и Киргиз-Курганской—Наманганского уезда¹. Волости делились на сельские общества. Обычно сельские общества состояли из нескольких рядом расположенных кишлаков.

Волостями и сельскими обществами управляла низовая „выборная“ администрация из представителей зажиточных слоев местного населения, на которую и опиралась русская военная администрация.

Во главе волости стоял волостной управитель—местное население его называло мингбашчи. Волостные находили множество способов обогащаться за счет подвластного им населения, собирая с него многочисленные незаконные поборы.

Документы ЦГИА УзССР содержат обширный и очень яркий материал относительно злоупотреблений, допускаемых местной администрацией, особенно волостными. Значительный процент документов фонда „Ферганское областное правление“ посвящен разбору дел о злоупотреблениях волостных управителей и сельских старшин при сборе налогов, о незаконных вторичных их взываниях, о растрате собранных налогов и др. Но волостные управители не ограничивались присвоением части собранных налогов. Они пользовались любым удобным случаем для вымогательства с населения взяток в виде денег, продуктов, вещей, использовали труд населения своей волости для обслуживания собственного хозяйства, и даже иногда насильно отбирали у тех или иных дехкан земельные участки. В этом отношении достаточно привести хотя бы один пример. В 1882 году в гг. Н. Маргелане и Коканде разбиралось дело волостного управителя Каракалпакской волости Кокандского уезда Арсланкула Уста-Нурманова. На Арсланкула поступил целый ряд жалоб со стороны населения. Из этих жалоб, а также из всего разбора дела Арсланкула видно, что этот представитель местной эксплуататорской верхушки не останавливался ни перед какими средствами для личной наживы и буквально обирал население своей волости, присваивая, повидимому, значительно больше той суммы, которая в виде официального налога сдавалась им русским властям. В одной из жалоб, поданных на волостного управителя, указывается, что в выданных Арсланкулом жителям официальных квитанциях о сборе налогов значится только половина того, сколько было им с нас взымано. Сдал он деньги казенные, по дефтеру, в котором записано столько, сколько значится в выданных жителям квитанциях, а

остальные деньги оставил у себя „1. „ Кроме того, он скрыл от казны земли, засеянные дыней, принадлежащие кишлаку Текелик, и два года брал по 300 рублей с означенных земель. Когда приезжал тапачий записывать эти земли, то волостной управитель не приказывал ему записывать, говоря, что они принадлежат Яз-Яванской волости². Многие жители обвиняли Арсланкула в вымогательстве взяток в виде денег, вещей (шубы, халаты, седельный прибор и др.), зерна, арбузов, баранов, дров и др., некоторые из этих предметов были отобраны у населения силой. Тот же волостной в 1876 году заставил жителей кишлака Хаузяк собрать 108 тиллей якобы для передачи уездному начальнику, чтобы тот закрепил за ними озеро Яр-Куль и землю, прилегающую к озеру. Эти деньги были также им присвоены³. Для постройки курганчи в Сары-Кургане он отобрал землю у двух дехкан⁴. Мы уже упоминали, как Арсланкул эксплуатировал население под видом помочей. Это далеко не полный список способов эксплуатации волостным Арсланкулом населения Каракалпакской волости. Многочисленны жалобы населения и на злоупотребления других волостных управителей и сельских старшин⁵.

Во время выборов волостных между претендентами разворачивалась ожесточенная борьба, нередко доходившая до драк между сторонниками того и другого из них. Иногда столкновения между двумя партиями принимали такой ожесточенный характер, что для восстановления порядка уездными властями высылались роты солдат. Широко была распространена система подкупов. Жители, писавшие жалобы на Арсланкула, заканчивают их так: „Денег у него много, боимся также и от того, чтобы он при выборе не подкупил пятидесятников для выбора его снова, но если он останется опять на настоящей должности, то мы готовы даже оставить наши жительства в этой волости—до такой степени он нам надоел“. В документах 1893 года упоминается, что подкупы при выборах местной администрации на предстоящее трехлетие „принимают уже грандиозные размеры“⁶.

В волостные при таких условиях могли попасть только наиболее богатые жители, имевшие возможность подкупать своих избирателей и при этом удобные царским властям. При смешанном расселении каракалпаков с узбеками и другими национальностями волостные управители иногда бывали из узбеков, а иногда из каракалпаков. Нам называли волостных управителей

¹ ЦГИА УзССР, Фонд 19, Ферган. обл. правление. Опись 1. Ед. хр. 517

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Ед. хр. 746, 753, 813, 1030, 1669, 3114, 3591, 4592, 9156 и др.

⁶ ЦГИА УзССР, Фонд 19. Ферган. обл. правление. Опись 1 Ед. хр. 517.

⁷ Там же, Ед. хр. 3613.

¹ „Список населенных мест Ферганской области“, стр. 9, 21, 23, 35—37, 46—47, 83—84, 98, 113, 115.

—по национальности каракалпаков: Камбар-мингбаши, Арслан-мингбаши, Максета-мингбаши и др.¹

Представителями местной администрации были также сельские старосты (амины или аксакалы) и пятидесятники (елликбаши); для регулирования водного хозяйства кишлака населением избирались мирабы и топ-баши. Все эти представители низовой администрации злоупотребляли своим положением, вымогая из населения взятки и приношения. Во время выборов этих должностных лиц тоже разворачивалась ожесточенная борьба.

Нам сообщали информаторы: „Аминов выбирали из баев. Бедняки даже не присутствовали на выборах. Во время выборов лица, которые хотели стать аминами, устраивали угощение для богатых людей, которые принимали участие в выборах. Поэтому эти лица бросали саха, (кость) в пользу того, кто их угостил“². Волостные управители и другие представители местной администрации были верными слугами русского царизма, помогавшими царизму эксплуатировать местное население. Взяв с населения многочисленные поборы и обогащаясь за счет его, они также защищали интересы эксплуататорской верхушки кишлака. Мирабы и топ-баши, целиком завися от байской верхушки кишлака, пускали воду в первую очередь на байские участки, в ущерб бедняцкой части населения.

Жестокое эксплоатации население подвергалось и со стороны так называемых „народных судей“—казы.

„Народные судьи“³ избирались на волостных сходах пятидесятниками (елликбаши) одновременно с волостными управителями⁴. Казы—решали главным образом гражданские дела, а также наименее важные уголовные⁵. Судили они по мусульманскому религиозному праву—шариату. Выбирали на должность народных судей обычно также наиболее богатых людей—в силу все той же системы подкупов, которая господствовала во время выборов должностных лиц. Для них судопроизводство было лишь источником наживы. Формально народные судьи не получали вознаграждения, но фактически было широко развито взяточничество, причем, тот, кто давал большую взятку, обычно выигрывал дело. Нам говорили информаторы: „Вопросы казы решали несправедливо, брали много взяток—кто больше давал, в пользу того решали дело. Поэтому баи всегда оказывались правы“⁶.

Нам рассказывали одну сказку, в которой остроумно высмеивается взяточничество казы. „Поссорились два человека.

Один дал судье взятку в 40 рублей, а другой—в 100 рублей. Судья стал разбирать их дело. Первый сказал: „Казы гапты кыркын-кыркын айтсангыз жақсы болар еди“.—Сказка построена на игре слов. Кырк—40, кыркын—справедливо. Т. е. буквально: „Судья, если бы Вы решили справедливо, было бы хорошо“. Иносказательный смысл: „Судья, если бы Вы решили в пользу 40 рублей, было бы хорошо“. Судья сказал: „Кыркын-кыркын айтар едим онынг жузине карап турман ау екен“ (жуз—имеет два значения—100 и лицо), т. е. буквально: судья сказал: „Я бы решил справедливо, но меня смущает его лицо“. Иносказательный смысл: „Я бы решил в пользу 40, но меня смущают его 100“. Таким образом, он решил дело в пользу давшего 100 рублей“¹.

Из этого следует вывод, что вся административная система сверху донизу была основана на подкупах, в интересах власти имущих.

После присоединения области к России налоговое обложение было значительно облегчено. Вместо хераджа (составлявшего при Худояр-хане² часть урожая), закята и многих других налогов, в первые годы стали взимать с населения денежную оброчную подать, составлявшую 1/10 валового дохода (который в то время определялся приблизительно).

Впоследствии, в 1890-1900 годах в области проводились поземельно—податные работы, в ходе которых уточнялась валовая доходность земельных участков и исчислялся новый поземельный налог. В результате, всех этих „уточнений“ валовой доходности участков, поземельный налог по сравнению с прежней оброчной податью значительно вырос. Так, в Балыкчинской волости вместо 36221 рубля 11 копеек стали взимать 62182 рубля 42 копейки в Нарынской волости вместо 33649 рублей 93 копеек—55813 рублей 43 копейки³, по Каракалпакской волости—вместо 9315 рублей 90 копеек—25021 рубль 51 копейку⁴.

В результате такого значительного повышения налогов ухудшилось положение беднейшего дехканства, что приводило к ускорению его обезземеливания.

Податной единицей было утверждено селение. Селение было связано круговой порукой в отношении сбора подати⁵. Внутри кишлака налоги распределяли елликбаши. Величина налога на отдельного землевладельца была различна в зависимости от количества и качества земли и основных культур, посеянных на данном участке. По данным „Материалов для статистического описания Ферганской области“ на одного землевладельца

¹ Полев. зап. № № 4, 8, 24 и др. за 1954 г.

² Полев. зап. № 9 за 1954 г.

³ Как стали официально называться с 1886 г. казы.

⁴ Ревизия Палена. Сельское управление, русское и туземное, стр. 42.

⁵ Наиболее важные судебные дела вели в этот период русские судебные учреждения—мировые судьи и окружной суд

⁶ Полев. зап. № 28 за 1953 г.

¹ Полев. зап. №28 за 1953 г.

² Материалы для статистического описания Ферганской области. Вып. I, приложение III.

³ Там же. Вып. IV, приложение IV.

⁴ Там же. Вып. I, стр 5

в среднем приходилось: в Балыкчинской волости—28 р. 06 к., в Нарынской волости—14 р. 52 к¹, в Каракалпакской волости, где были наиболее неблагоприятные условия для земледелия,—5 р. 31 к. (или по 3 р. 06 к. на 1 десятину обработанной земли)². Наши информаторы также сообщали, что налог колебался в среднем от 50 коп. до 1 руб. с танапа, т. е. от 3 руб. до 6 руб. с десятины³.

Собирали налоги сельский староста—амин. Он был ответственным перед волостным за полное их поступление с данного кишлака. Иногда сбор налогов поручался елликбаши. При распределении и сборе налогов с каждого кишлака допускались значительные злоупотребления—увеличение налогов на бедные хозяйства по сравнению с богатыми, присвоение аминами части налогов и др.

Нам информаторы рассказывали: „Елликбаши распределяли этот налог между отдельными хозяйствами, они могли на одно хозяйство начислить больше налогов, на другое—меньше. Много налогов распределяли на бедные хозяйства; таким образом, количество безземельных с каждым годом увеличивалось“⁴. Наибольшие злоупотребления допускали при сборе налогов волостные управители (о чем мы говорили выше).

Кроме основного поземельного налога население должно было также платить земский сбор, сбор на содержание местной администрации (волостных и сельских старост). В каждом кишлаке с населения собирали определенную долю урожая (кепсен) в пользу елликбаши, мирабов и сторожей. Были также различные сборы в пользу духовенства.

Таким образом, хотя налоговое обложение после включения Ферганской области в состав России заметно сократилось по сравнению с периодом власти кокандских ханов, все же оно лежало тяжелым бременем на плечах трудящегося дехканства. Злоупотребления местной администрации при взимании и распределении налогов, а также многочисленные местные поборы усугубляли тяжесть налогового гнета.

Что касается натуральных повинностей, то они в описываемый период были значительно облегчены по сравнению с повинностями времен кокандских ханов. Основное значение имело то, что отпали многочисленные повинности военного порядка. В описываемый период население должно было нести две натуральные повинности—дорожную и ирригационную⁵, т. е. поддержание в порядке дорог и ирригационных сооружений, а также строительство новых ирригационных объектов.

Подводя итоги, мы можем сказать, что после включения

¹ Там же. Вып. I, стр. 77.

² Там же. Вып. IV, с. р., 155

³ Полев. зап., №4, 8, 11 и др. за 1953 г.

⁴ Полев. зап., №42 за 1953 г.

⁵ См. Обзоры Ферганской области—за 1884/19. 0 г.

Ферганской области в состав России положение ферганских каракалпаков несколько улучшилось по сравнению с тем, в каком они находились в Кокандском ханстве (это отмечали и наши информаторы)¹. Однако оно все же продолжало оставаться очень тяжелым. Это отмечается и в литературе. Так, Кушелевский в „Материалах для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области“ пишет, что „каракалпаки... в Фергане... живут очень бедно“². Кауфман в „Проекте всеподданейшего отчета“ отмечает, что „Русское завоевание застало этот мирный и в высшей степени трудолюбивый народ в самом бедственном состоянии“³ и далее говорит о „бесплодии берегов Сыра, дающих крайне скудное пропитание населяющему их каракалпакскому населению“⁴. Естественно, что буржуазные авторы не затрагивали вопроса о социальных источниках бедственного положения большей части каракалпакского населения, рассматривали ферганских каракалпаков как единое целое, без дифференциации их на классы, и источник их разорения видели лишь в неблагоприятных природных условиях или неудачно складывающихся исторических судьбах⁵.

Мы же видели, как далеко зашло социальное расслоение внутри ферганских каракалпаков, видели тяжелое положение беднейших их слоев и видели, что трудящихся дехкан эксплуатировали совместно эксплуататоры и из узбеков, и из каракалпаков; что угнетение трудящегося дехканства было двойным—и со стороны местных эксплуататоров, закабалявших дехкан посредством ростовщических ссуд, сдававших землю в аренду на чрезвычайно тяжелых условиях и другими способами эксплуатировавших дехкан, и со стороны русского капитализма, превратившего Ферганскую область в колонию Российской империи, в область хлопководства, поставляющую сырье для текстильных фабрик России; капитализма, стеснявшего развитие местной промышленности и давившего на население области посредством налогового гнета.

Население Ферганской области отвечало на реакционную колониальную политику царизма и на эксплуатацию со стороны местной феодально-байской верхушки недовольством, неоднократно приводившим к открытому движению против эксплуататоров.

Большое влияние на трудовое дехканство Ферганы оказала революция 1905 года. Аграрные волнения развернулись в ряде

¹ Полев. зап., №№ 8 и 12 за 1953 г.

² В. Н. Кушелевский. Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области., т. II, Маргелан, 1891 г. стр. 147.

³ Проект всеподданейшего отчета генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана по граждан. управлению и устройству в о.л. СПб. 1885 г., стр. 2.

⁴ Там же стр. 55.

⁵ См. В. Массальский. Туркестанский к ай. Стр. 390—391.

районов Ферганской области. В ряде кишлаков произошли выступления дехкан против представителей царской администрации (и русской военной, и местной „выборной“); дехкане отказывались от уплаты налогов и выполнения натуральных повинностей. Выступления зачастую были направлены и против местных феодально-байских элементов: беднота отказывалась платить баям долги, захватывала их земли, избивала баев; кое-где беднейшие дехкане отбирали и вакуфные земли.

Но особенно широкий размах получило восстание 1916 года, развернувшееся по всему Туркестанскому генерал-губернаторству. Это восстание было вызвано ухудшением положения трудящегося дехканства в годы первой мировой империалистической войны, дороговизной цен, ростом налогов и особенно — мобилизацией на тыловые работы, объявленной в самый разгар сельскохозяйственных работ. Основными силами восставших были беднейшие и средние слои дехканства; принимали участие в восстании и трудящиеся массы городов. Восстание носило характер антиколониальный, т. е. было направлено против русских властей и их местной опоры — волостных управителей, сельских старшин и т. д. Но-начавшись как антиколониальное движение, оно постепенно начало перерастать в антифеодальное движение крестьянских масс, направленное против феодалов и баев¹. Известен ряд нападений на имения крупных землевладельцев, ликвидация долговых и земельных документов. Ферганская область, где были наиболее сильны классовые противоречия, явилась одним из основных районов восстания. В ней произошло 59 выступлений, т. е. почти в три раза больше, чем в Самаркандской и Сыр-Дарьинской областях². Восстание 1916 года окончилось поражением, но оно имело огромное значение, так как явилось большим вкладом в дело борьбы трудящихся России против царизма. В ходе восстания трудящиеся Туркестанского края учились борьбе против своих классовых врагов, что помогло им прийти к победе во время Октябрьской революции под руководством русского рабочего класса и Коммунистической партии. Только Великая Октябрьская социалистическая революция привела к освобождению от всякого гнета всех трудящихся Туркестанского края, в том числе и ферганских каракалпаков.

3. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

а. Селение, жилище и утварь

После присоединения к России в материальной культуре ферганских каракалпаков произошли также значительные изме-

¹ Х. Т. Турсунов. О характере восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Материалы научной сессии по истории народов Ср. Азии и Казахстана. 1954 г.

² Там же, стр. 15.

нения. Каракалпаки представляли собой сравнительно небольшую группу, расселенную к тому же вдоль речной береговой полосы на протяжении всей Ферганской долины. Со всех сторон они были окружены численно преобладающим узбекским населением. Естественно поэтому, что влияние узбеков сказалось на всех областях их жизни. В этот период, когда несколько изменился тип хозяйства каракалпаков и когда была устранена опасность постоянных войн и междоусобиц, хуторской тип расселения (за высокими стенами) постепенно заменялся кишлачным. Здесь сказывалось влияние узбекского населения, издавна жившего большими кишлаками. Возник и ряд смешанных по национальному составу кишлаков, заселенных узбеками, каракалпаками, кыпчаками и другими народностями и этнографическими группами Ферганской долины. И чем теснее был контакт с узбеками, тем более концентрированными были поселения каракалпаков, четче выявлялась в их кишлаках система улиц и переулков, теснее была застройка и чаще жилые участки бывали огорожены глухими заборами из гуаля или пахсы.

В данный период каракалпаки начали чаще строить дома постоянного типа. Как мы уже упоминали, первые дома постоянного типа у каракалпаков Ферганы появились еще во времена Худояр-хана. Однако они были чрезвычайно неблагоустроены¹ вследствие отсутствия строительного опыта и чрезмерной бедности этой группы населения. С течением времени жилой дом ферганских каракалпаков был несколько усовершенствован и получил больше сходства как в технике постройки, так и — до известной степени — в планировке с домами коренного оседлого узбекского населения. Какова была техника строительства каракалпакских домов накануне Октябрьской революции, нам рассказал мастер-столяр Раимкул Тореев². (Многие описанные ниже строительные приемы бытуют и в настоящее время — безусловно, при значительных изменениях и улучшениях других черт постройки и большом изменении общего облика жилого дома.).

Дома строились обычно без фундамента, с небольшим цоколем. В основании стен обязательно клалась прокладка из цыновки-бойра или чий. Этот прием вообще широко известен для местностей с высоким уровнем грунтовых вод. Применением его преследовалась цель предохранения основания стен от разрушения³. На изолирующую прокладку клался слой булыжника и 1—3 слоя обожженного кирпича (это и составляло

¹ См. выше, стр. 50.

² Полев. зап. № 28 за 1953 г. Ниже приводится описание строительной техники по рассказам Р. Тореева и по нашим наблюдениям (в отношении домов, построенных до революции).

³ А. К. Писарчик. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XI—XX вв. Среднеазиатский этнографич. сборник. I. М. 1954 г. стр. 254.

цоколь). В бедных семьях ограничивались лишь слоем булыжника, а иногда и вообще строили дом без цоколя.

Преобладающими являлись каркасные постройки (сынч) с заполнением из гуаля. Если была возможность, каркас делали двойной—вдоль внутренней и наружной сторон стены; когда нехватало дерева, ставили стойки лишь с внутренней стороны стены. При недостатке дерева дома иногда строили просто из гуаля без деревянных креплений. В наиболее сырых местах продолжали возводить постройки из дерновых кирпичей (чим). Сырцовые кирпичи (гышт) до революции сколько-нибудь существенного значения в жилищном строительстве не получили. Из пахсы делались лишь заборы и—в редких случаях—хозяйственные постройки. Стены покрывались слоем глино-саманной обмазки—обычно как снаружи, так и внутри.

Стены домов изнутри были изрезаны нишами (дагча). В западной стене устраивалась большая ниша почти во всю высоту стены и шириной, приблизительно, в 130 сантиметров. Иногда таких ниш было две. Вдоль остальных стен располагались ниши меньших размеров (приблизительно 60—80 см. × 130 см.); вдоль одной стены располагалось от 3 до 5 ниш. В больших нишах ставили сундуки, на которых аккуратно складывали одеяла и подушки. Обычно все стены бывали толстые—60—80 сантиметров толщиной. Толстые стены имеют большое значение не только для предохранения помещений от зимних холодов. Толстые, и притом изрезанные нишами стены по наблюдениям архитекторов¹ лучше противостоят колебаниям почвы во время землетрясений, нередких в Ферганской долине.

Окна в домах имели деревянные ставни—дарча, открывавшиеся, в отличие от дверей, наружу. Кроме того, над дверями делалось небольшое отверстие, защищенное деревянной решеткой—табагадан (или тавадан), по узбекски—табадон², которое одно при закрытых ставнях пропускало свет в комнату. Застекленные окна до революции делались лишь в домах баев и широкого распространения не получили.

Крыши домов ферганских каракалпаков делались следующим образом: на стены клались основные прогоны—хары. Сверху них клали балки—тусун (тусим). На балки укладывались васа—распиленные вдоль тонкие жердочки, округлой стороной вниз. Сверху на васа клали цыновку—бойра, потом слой камыша, далее слой земли, и сверху все это смазывалось глиносаманной обмазкой. Толщина кровли равнялась, приблизительно, 30 сантиметрам.

Пол в домах был глинобитным. В углу устраивалось отверстие для слива воды—ауриз. На полу расстилались цыновки, сверху которых клались комшы, паласы или ковры.

¹ В. Л. Воронина. Узбекское народное жилище. Ж. „Советская этнография“. 1949 г. № 2, стр. 72.

² Полев. зап. № 32 за 1953 г. См. также Воронина, цит. соч. стр. 61.

Для отопления комнаты служил распространенный всюду в Ферганской долине камин (мори). На нем же зимой готовили пищу. Обогревались также при помощи сандала. Зимой темпе-

Утварь ферганских каракалпаков и камин.

ратура в комнате мало отличалась от внешней температуры, так как у камина не было никаких заслонок, а окна не были застеклены и лишь в лучшем случае заклеивались промасленной бумагой.

Таким образом, условия жизни в этих, хотя и усовершенствованных несколько по сравнению с прежними жилищами, домах все же оставались довольно тяжелыми.

Познакомившись со строительной техникой ферганских каракалпаков как путем расспросов, так и путем непосредственного наблюдения (так как и в настоящее время еще немало домов, выстроенных до революции), мы убедились, что строи-

тельная техника заимствована ими от узбеков (эта же строительная техника распространена у всех народов Ферганской долины) и ничем существенным от узбекской техники строительства не отличается: те же каркасные стены многочисленными нишами, то же устройство крыши, камин, дича и т. д. Эта строительная техника неоднократно описывалась в литературе¹. Однако каракалпаки, лишь сравнительно незадолго перед этим начавшие строить дома, строили их менее умело, дома были ниже, каракасные конструкции примитивнее, иногда дома не обмазывались снаружи и т. п. Кое-где сохранились еще вышеописанные каракалпакские дома—без дича и с отверстием сверху.

В планировке жилого участка узбеков и каракалпаков была существенная разница, вызванная различиями в их семейном укладе. Хотя на семейный быт ферганских каракалпаков узбеки оказали сильное влияние (см. ниже, но все же затворничество женщины у них не приняло такого характера, как у узбеков, что и сказалось на планировке жилого участка.

У узбеков, как известно, жилой участок обычно делился на внешний и внутренний двор—ташкари и ичкари.

„В первой протекала деловая жизнь владельца, здесь он занимался обычно своим ремеслом, принимал гостей и посетителей. На женской половине сосредоточивалась жизнь семьи в общем смысле слова и здесь же была замкнута жизнь женщины“². В семьях бедняков, особенно в кишлаках, деления на ташкари и ичкари не было, но в этих случаях перед калиткой, на некотором расстоянии от неё, ставилась небольшая стенка, которая закрывала от посторонних глаз двор; в этом случае и при открытой калитке нельзя было видеть женщин, работающих во дворе³.

Далее, в узбекских домах двор всегда окружался со всех сторон глухими стенами, построенными из гуаля или пахсы, и окна жилых домов никогда не выходили на улицу.

У каракалпаков же наблюдалась совершенно иная картина: деления на ташкари и ичкари не было. Старались, правда, для гостей устроить отдельное помещение—михман-хана, но обычно это была лишь комната в составе жилого дома. И только у наиболее богатых баев строился отдельный дом⁴. В бедных хозяйствах михман-ханы вовсе не было. Далее, жилые участки каракалпаков часто вовсе не огораживались или огораживались

лишь легкой загородкой из камыша или кустарника. Это наблюдалось (и теперь наблюдается) в большинстве каракалпакских кишлаков, особенно более изолированных от узбекского влияния (например, кишлак Кенегес, кишлак Кема-Баши). Глухие же заборы из гуаля или пахсы строились лишь там, где было наиболее сильно узбекское влияние, обычно в смешанных узбекско-каракалпакских кишлаках. Там же в редких, единичных случаях устраивались и стенки перед входом, заслоняющие внутренность двора (например, кишлак Ходжават).

Арба ферганских каракалпаков

Остановимся на планировке жилого дома. В наиболее бедных семьях дом состоял из одной комнаты (уй) и передней (дализ), перед которыми располагалась крытая терраса—айван. Ориентация дома была почти всегда южной, причем айван располагался перед фасадом. Южная ориентация с айваном перед фасадом вообще характерна для жилого дома Ферганской долины¹. Крыша айвана поддерживалась несколькими столбами-устун, на которых лежал прогон-пешханы. Крыша айвана обычно устраивалась так же, как крыша жилого дома, и составляла единое с ней целое. Но в наиболее отдаленных каракалпакских кишлаках (например Кызыл-Тал), меньше

¹ В. Л. Воронина. Узбекское народное жилище. Стр. 64.

¹ В. и М. Наливкины. Очерк быта женщины оседлого населения Ферганы. В. Л. Воронина—Узбекск. народное жилище. Народ. традиции архитектуры Узбекистана. А. К. Писарчик—Стр. материалы и констр. приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX—XX вв.

² В. Л. Воронина. Узбекское народное жилище. Стр. 59—60.

³ В. и М. Наливкины. Очерк быта женщины. Стр. 74—75.

⁴ Полев. зап. № 27 за 1953 г. и № 7 за 1954 г.

подвергшихся узбекскому влиянию, айваны имели скорее вид легких навесов (хотя и назывались айван).

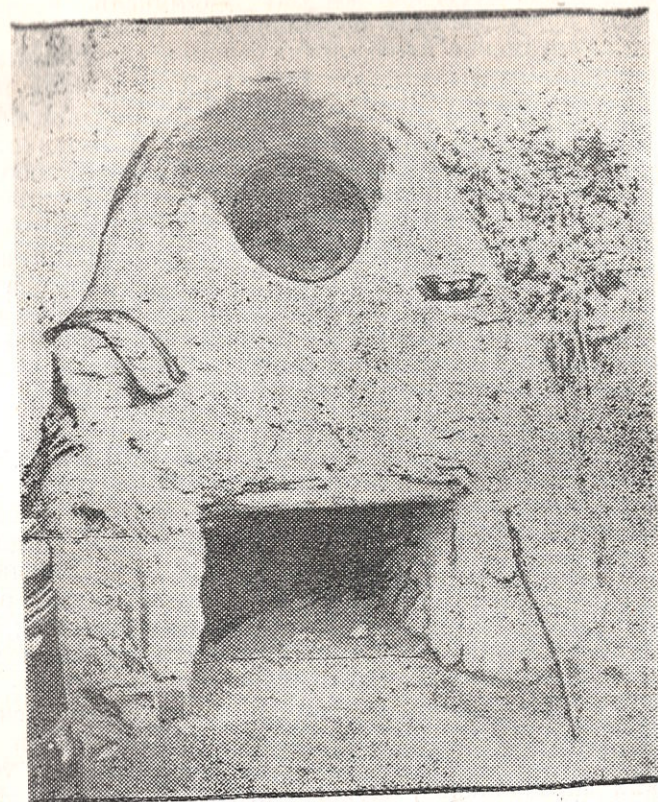
Часто дом состоял из двух комнат (уй, михман-хана), дализа и айвана. В таком случае дализ обычно располагался между двумя комнатами. В зажиточных домах число комнат увеличивалось и, кроме, жилых, имелись следующие помещения: михман-хана, кладовая (амбар), кухня (ашхана), дализ и айван. Интересен также дом, в котором ныне живут столяр Раимкул Тореев и учитель Сайфутдин Маулянов. Дом в прошлом принадлежал баю Молле Камилу, впоследствии раскулаченному. Этот дом состоит из вытянутых в одну линию четырех ячеек, состоящих, в свою очередь, из комнаты и дализа (всего 4 комнаты и 4 дализа) и расположенного перед ними общего айвана. У бая было 3 жены и два младших брата; в двух комнатах жили жены бая (третья жила в Намангане), в двух—младшие братья. В других случаях планировка была иная¹.

Несколько по-разному в жилых домах бывал оформлен и айван. Чаще всего айван строили вдоль передней стороны дома. Иногда встречался и внутренний айван, расположенный между двумя комнатами. Перед внутренним айваном был расположен обычно еще внешний айван. В одной из стенок айванов часто устраивали камин, где летом готовили пищу. Под айваном обычно располагался деревянный топчан-суре (или реже—глинобитная суфа), где летом проходила, в основном, жизнь семьи—здесь ели, спали, отдыхали, принимали гостей.

Перед айваном значительную часть усадьбы обычно занимал (и теперь занимает) легкий навес—сертек, крыша которого образована естественно вьющимися ветвями виноградника, поддерживаемого жердями, укрепленными горизонтально на стойках на высоте крыши айвана. Сертек очень украшает жилой участок, затеняя и озеленяя его.

Хозяйственные помещения располагались большей частью с одной или двух сторон участка вдоль забора (или вдоль края участка, если забора нет). Хлева—малхана, бастырма—представляли собой постройки из гуаля, сделанные без фундамента и не обмазанные. Где-либо близ айвана располагалась печь—тандыр, укрепленная на специальном помосте на высоте несколько выше пояса, узкой открытой стороной вбок. Эта форма тандыра распространена повсеместно в Ферганской долине и значительно более удобна для работающей женщины, чем бытующая в Хорезмском оазисе (в том числе и у хорезмских

¹ Иногда дом изгибали под углом, причем второй фасад обращен был обычно на восток (таков, например, построенный 50 лет назад дом Маме—саяды Оскарова, колхоз имени Сталина, сельсовет Ходжават, Чинабадского района, Наманганской области).

Хлебная печь (тандыр)

каракалпаков) форма тандыра, когда он стоит широкой частью на земле, а горловиной вверх, и женщине во время выпечки лепешек приходится нагибаться над ним.

* *

Подводя итоги, мы можем повторить, что, безусловно, ферганские каракалпаки заимствовали как технику постройки жилищ, так до известной степени и планировку, у соседних узбеков (та же строительная техника распространена и у других народов Ферганской долины), хотя прослеживаются и некоторые различия в каракалпакских и узбекских домах.

Следует отметить, что у ферганских каракалпаков, наряду с домами постоянного типа, до самой революции большое распространение имели и временные жилища, особенно кепе. В технике же постройки домов постоянного типа между ферганскими и хорезмскими каракалпаками мы не обнаруживаем сходства. Строительство домов постоянного типа у хорезмских

каракалпаков началось, как мы уже упоминали, в основном, лишь после присоединения правобережья Хивинского ханства к России. Хорезмские каракалпаки строили глинобитные постройки (техника пахсы, которая была распространена повсюду в сельских местностях Хорезмского оазиса). Вот описание старого каракалпакского дома, приведенное Т. А. Жданко: „Каракалпакский дом (там) старого типа... представляет собой невысокое (4 слоя пахсы) прямоугольное сооружение около 2 метров длиной и 12—15 метров шириной, с единственным входом, закрытым воротами—даруаза, створки которых состоят из грубо сколоченных рам с перекладинами. Прямо от ворот в глубь дома идет коридор—дализ, соединяющий все внутренние помещения: жилые ожре (обычно 2), уйжай, кладовую и хлев—сеис-хана, который занимает обычно около $\frac{1}{3}$ тама и расположен во всю ширину задней стены дома, отделяясь от упирающегося в него дализа легкой калиткой из палок и ветвей“¹. Такой планировки дома у ферганских каракалпаков не было. Вместо ферганского камина здесь мы видим очаг, вместо оконных проемов, защищенных ставнями (дарча)—небольшие отверстия в верхнем слое пахсы, прикрываемые цыновками, ниши в стенах малы и немногочисленны и т. д. Значительно большую роль у хорезмских каракалпаков до самой революции играли юрты, часто служа единственным жилищем, а иногда выступая в качестве летней постройки. Современное жилище хорезмских каракалпаков, претерпевшее значительные изменения после революции, сохранило в качестве основного приема возведения стен технику пахсы; юрта и теперь почти повсеместно является обязательной принадлежностью усадьбы хорезмских каракалпаков, служа в качестве летнего жилища.

Таким образом, в описываемый период в жилищах (постоянного типа) ферганских и хорезмских каракалпаков мы не обнаруживаем сходства. Сходство было в прошлом, в первой половине XIX века, когда и у ферганских и у хорезмских каракалпаков основным типом жилища были временные постройки (юрты, шалаши из камыша), а с появлением жилищ постоянного типа, возникших под влиянием соседних народов, это сходство исчезло.

* * *

Что же касается утвари, особенно посуды, то значительное сходство её у этих обеих групп каракалпаков прослеживается на протяжении всего описываемого периода. Посуда ферганских каракалпаков несколько отличалась от узбекской. У них преобладала деревянная, плетеная и выделанная из

тыквы посуда, тогда как у узбеков большее распространение имела глиняная и металлическая посуда. У ферганских каракалпаков бытовала следующая деревянная, плетеная, сделанная из тыквы и кожаная посуда:

1. Столик для раскатывания теста (доска на подставке)—тахта; скалка—ухлав; маленькая скалка для раскатывания лепешек—джува.
2. Деревянная подставка для казана—тушургуч.
3. Деревянная миска—ягач тавак (табак).
4. Сито—элак.
5. Сито для зерна—галбыр (галбыр).
6. Маслобойка—куви и пестик—пишкак.
7. Ступа—кели и пест—келисап.
8. Деревянная ложка—кашук.
9. Деревянный черпак—чомич.
10. Большое деревянное блюдо—тагара (теперь встречается очень редко).
11. Плетеная корзина для лепешек (плоская, в форме блюда)—нан сават.
12. Корзина, в которую кладут ложки,—кашук—сават. Корзина для фруктов—мива-сават.
13. Плетеный черпак, которым берут свареную лапшу из воды—шолпы.
14. Черпак из тыквы (теперь не встречается, в старину был).
15. Кожаны сосуд для хранения муки, круп и молочных продуктов—санах.

Большая роль посуды этой группы является характерной особенностью ферганских каракалпаков, что отмечали и сами информаторы¹. У ферганских узбеков посуда этого типа играла значительно меньшую роль. Наливкины в „Очерке быта женщины оседлого населения Ферганы“ указывают: „Большая часть домашней посуды глиняная, меньшая—медная, чугунная и деревянная“². Дальше они пишут: „Деревянные чашки и блюда (ореховые или таловые) у оседлого населения мало употребительны“³. Каракалпаков Наливкины относили к полукочевникам, а под оседлым населением подразумевали таджиков и узбеков (без родовых делений).

Однако некоторое распространение у ферганских каракалпаков имела и глиняная и металлическая посуда. Эта посуда была такая же, как у соседних узбеков: пиалы, сосуды для супа—каса (чини-каса и сапал-каса), блюда—тавак. Из металлической посуды были распространены чугунные котлы—казан, половники—кабгир, медные кувшины для умывания—афтава, для кипячения чая—кумган, мыс-чайнак и др. Но эта посуда

¹ Полев. зап. № 13 за 1954 г.

² В. и М. Наливкины. Очерк быта женщины оседлого населения Фер. стр. 85.

³ Там же, стр. 86.

¹ Т. А. Жданко. „Быт каракалпакского колхозного аула“. Журнал „Советская этнография“, 1949 г. № 2, стр. 50.

в хозяйстве каракалпаков Ферганы имела меньшее распространение, чем посуда первого типа. По большей роли деревянной, тыквенной и кожаной посуды ферганские каракалпаки имеют сходство с хорезмскими. Многие формы этой посуды очень близки (или одинаковы) у этих двух групп каракалпаков¹.

Некоторое сходство было в прошлом и во внутреннем убранстве жилищ ферганских и хорезмских каракалпаков. Как сообщают наши информаторы, на сундуки, стоящие в нишах, в прошлом клали кроме подушек и одеял также каршин и бокжама (мешки для одежды, боковая часть которых, обращенная внутрь жилища, была ковровой)²; каршин и бокжама до настоящего времени широко распространены у каракалпаков Хорезмского оазиса. Сами сундуки в прошлом каракалпаки Ферганы иногда украшали резьбой по дереву (кюе-где такие сундуки встречаются еще и сейчас, но редко, значительно реже, чем у хорезмских каракалпаков). Вообще следует заметить, что предметы национальной утвари несравненно лучше сохраняются на основной территории расселения каракалпаков—в Хорезмском оазисе, чем в Ферганской долине³.

* * *

б) Одежда

После переселения в Ферганскую долину каракалпаки, окруженные со всех сторон преобладающим численно узбекским населением, постепенно восприняли узбекский тип одежды⁴. Исчезла, например, такая характерная для каракалпаков часть старинной женской одежды, как саукеле—свадебный головной убор (о саукеле не сохранилось ни воспоминаний, ни упоминаний в преданиях ферганских каракалпаков)⁴. Из национальной каракалпакской одежды довольно долго бытовал лишь головной убор замужней женщины—кимачак (у хорезмских каракалпаков называемый кимешек). Как известно, у хорезм-

ских каракалпаков кимешек имел чрезвычайно красочный вид. „Кимешек—сложный головной убор, передняя часть которого представляет треугольник из красного сукна с отверстием для лица, а задняя—„куйрукша“ (хвост)—накидку из бухарского шелка („падшо“), отороченную сукном с вышивкой и бахромой. Вышивка на передней части кимешека располагается по определенному стандарту, орнамент её своеобразен...

Пожилая каракалпачка в одежде старого типа

¹ Так у хорезмских каракалпаков до настоящего времени широко распространена следующая посуда: деревянные ложки (касык), деревянные миски (ағаш-табак), сито (елгезер), маслобойки (губи), ступы (кели), тыквенные сосуды для масла и воды (қабақ), черпаки из тыквы для воды и кожаные сосуды (тулып, чанаш).

² Полев. зап. № 17 за 1954 г.

³ Кроме вышеназванных, предметы убранства комнаты ферганских каракалпаков составляли постланные на полу цыновки (бойра), кошмы (кигиз), ковры (глем) и паласы (алача).

⁴ Каких-либо сведений об одежде ферганских каракалпаков в литературных источниках не сохранилось, и поэтому мы располагаем лишь сведениями, полученными от информаторов—стариков и старух, рассказавших о том, какую одежду носили каракалпаки в дни их детства и молодости, т. е. 50—60 лет назад—в конце XIX—нач. XX вв.

Кимешек—ритуальная одежда, вышивалась женщиной после свадьбы, в доме отца, а надевалась впервые при вступлении в аул мужа, знаменуя переломный момент в её жизни⁴.

У ферганских каракалпаков в настоящее время кимешек совершенно не сохранился, так что нам не удалось их увидеть. Однако пожилые женщины помнят, что в дни их детства женщины носили кимешеки: молодые—красные, а стару-

⁴ Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса, стр 554 и рис. 27

хи—белые; у тех и у других кимешеки были с вышивками. Позже кимешеки оставались лишь частью одежды старух и делались из белого боза, без вышивки. Форма кимешеков, судя по описаниям старух, была той же, что и у хорезмских каракалпаков¹.

Сохранились предания о том, что еще до переселения в Ферганскую долину каракалпаки носили шапки, сделанные из овчины. „Когда каракалпаки сражались с казаками, они носили черные шапки, сделанные из овчины. Поэтому их называли каракалпаками“².

В конце XIX—начале XX веков одежда ферганских каракалпаков уже мало чем отличалась от одежды узбеков Ферганы.

Из расспросов информаторов выяснилось, что костюм каракалпаков Ферганы в это время состоял из следующих элементов³.

Молодые мужчины носили яхта—распашную длинную (немного выше колен) рубашу туникообразного покроя. Яхта имела лишь одну застежку или завязку и поэтому при ношении её грудь оставалась открытой. Рубахи такого типа входили в состав узбекского ферганского костюма⁴. У хорезмских же каракалпаков в это время были распространены рубахи с горизонтальным разрезом ворота или со стоячим воротником⁵.

Далее, молодые мужчины носили штаны с широким шагом (ыштан) из белого боза. Зимой поверх них надевали другие штаны—шим—из шерстяной или плотной хлопчатобумажной черной материи.

Рубахи подпоясывали поясным платком (бельбеу, бельбаг, бельваг)—из красной хлопчатобумажной материи—чалпар, а иногда и из белого боза.

Верхней одеждой являлся халат—тон, чапан. У бедняков и халаты шились из домотканной материи—боза и были черные или чаще—полосатые. Богатые носили шелковые халаты—жипек-тон. По сведениям наших информаторов, халаты ферганских каракалпаков несколько отличались от халатов соседних узбеков—были немного шире⁶.

Зимой сверху чапана надевался халат из домотканного сукна—чекмен—или тулуп—постын (по словам наших информа-

¹ Полев. зап. №№ 4, 6, 25, 34, за 1953 г. и № 21 за 1954 г.

² Полев. зап. № 41 за 1953 г.

³ Полев. зап. №№ 6, 11, 13, 25, 34, и др. за 1953 г.

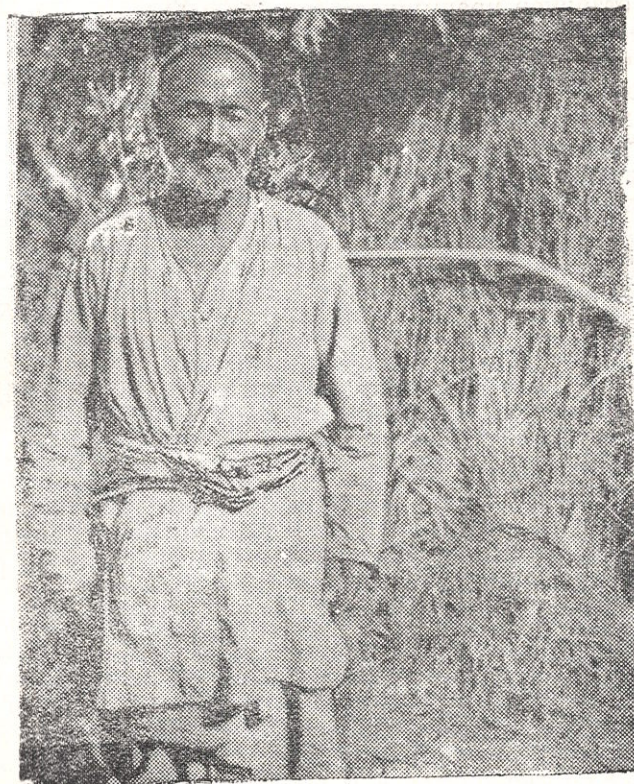
⁴ В. и М. Наливкины. Очерк быта женщины оседлого населения Ферганы, стр. 94; Сухарева и Бикжанова. Прошлое и настоящее селения Айкыран, стр. 116.

⁵ Т. А. Жданко. „Каракалпаки Хорезмского оазиса“, стр. 555 и рис. 29. У. Х. Шалекенов—„Социалист. преобразования быта каракалпакского колхозного крестьянства“, стр. 216.

⁶ Полев. зап. №№ 28 и 34 за 1953 г.

торов тулупы каракалпаков были грубее выделаны, чем узбекские)¹.

В качестве головного убора служили тюбетейки—доппы. Зимой надевали тельпек—шапку с доньшком из темной материи, отороченную по краям мехом лисьим, выдры, бараньим или козым. Головной убор ферганских каракалпаков был со-

Пожилый каракалпак в одежде старого типа.

вершенно иным, чем хорезмских, у которых были распространены большие шапки из черной овчины—кураш и шогирме².

На ногах ферганские каракалпаки носили сапоги—етик. Сапоги изготовлялись из коровьей кожи местной выделки, были коричневого цвета. Под сапоги надевали портянки—пайтауа.

¹ Полев. зап. № 13 за 1954 г.

² Т. А. Жданко. „Каракалпаки Хорезмского оазиса“, стр. 559. Именно о таких шапках имеются упоминания в преданиях ферганских каракалпаков, но в быту в конце XIX в. их уже совершенно не встречалось.

Одежда стариков отличалась более скромной расцветкой, а также иным характером головных уборов и обуви. В состав их одежды входили яхта (рубаха) и ыштан (штаны) из белого боза; бельбеу (поясной платок)—из белого боза и меньшей длины, чем у молодых мужчин; халат (тон) преимущественно темных тонов—из черного боза или серой или желтоватой хлопчатобумажной материи—малле. Зимой носили чекмень (у стариков преимущественно белый) и тулуп (постын).

В качестве головного убора старики носили ак-куля—белые шапочки, напоминающие по своему виду тюбетейку. Иногда поверх шапочки повязывали чалму—салля—из белой материи, хлопчатобумажной или тонкой шерстяной.

На ногах старики-каракалпаки носили маси—мягкие сапоги из бараньей кожи с мягкой подошвой без каблучков и кожаные галоши—кауш.

Остановимся теперь на женской одежде.

Девушки и молодые женщины носили платья (койнак) преимущественно красных тонов. Бедные шили платья из домотканой материи—боз, более зажиточные—из покупной хлопчатобумажной материи красного цвета—чал (гладкой) или чалпар (с цветочками), и лишь дочери и жены богатых баев могли носить платья из шелка (шайи) и атласа. Платья шили широкие (шире, чем у узбечек) и длинные, с широкими и длинными рукавами. Ворот у девушек и женщин был различным: у девушек был горизонтальный ворот, отороченный пестрой тесьмой—джиек; у женщин был вертикальный разрез до пояса, также обшитый джиеком (джиекли жага).

Наши информаторы подчеркивали, что красный цвет платьев был излюбленным именно у каракалпачек—девушек и молодых женщин, красного цвета были и будничные платья из боза, тогда как узбечки носили платья разных цветов¹. Не противоречит этому и замечание Наливкиных в „Очерке быта женщины оседлого населения Ферганы“ о том, что у узбечек будничные женские платья в кишлаках шились „из грубой белой или полосатой синей туземной бумажной материи“². Это предпочтение красного цвета сближает ферганских каракалпачек с хорезмскими³. Однако, в отличие от платьев хорезмских каракалпачек платья ферганских каракалпачек вышивками не украшались.

Штаны—лазым, с широким шагом, делались тоже из красных хлопчатобумажных материй—боз и чалпар. Низ штанин обшивался пестрой тесьмой—джиек.

Верхней женской одеждой служил халат (тон, чапан), который шили из цветной хлопчатобумажной материи—обычно из чалпара; бедняки шили халат опять-таки из боза: у наиболее богатых бывали халаты из полушелковых материй—адрас и бекасам. Халат являлся и основной зимней одеждой.

Были распространены у ферганских каракалпачек и камзолы с длинными рукавами (калта-тон).

Девушки, а также женщины до рождения 1—2 детей заплетали много косичек (эта прическа также свойственна ферганским узбечкам, а у хорезмских каракалпачек она совершенно не бытовала), а позже заплетали две косы.

Одежда девушки-подростка: Кишлак Телиминг (Ферганская область)

Головым убором девушки был платок—лэнги—из красной хлопчатобумажной материи (обычно из чалпара); носили также платки из шелка (жипек румал), а зимой—шерстяные платки. Головным убором замужних женщин, как мы уже упоминали, был кимешек красного цвета, с вышивкой. Поверх

¹ Полев. зап. №№ 15, 34, 41 и др. за 1953 г. и 21 за 1954 г.

² В. И. М. Наливкины. Очерк быта женщины оседлого населения Ферганы, стр. 95.

³ См. У. Х. Шалекинов, ук. соч., стр. 222.

кимешека каракалпачки повязывали чалмообразную повязку — лакки, один конец которой свешивался на спину. Как отмечали информаторы, способ повязки головы каракалпачками значительно отличался от узбекского. На чалму каракалпачки шло до 5—6 метров материи, тогда как у узбеков они были намного меньше. Чалмы молодых женщин были обычно также красного цвета¹.

Обувью девушек и молодых женщин служили маси — черного цвета из тонкой бараньей и телячьей кожи и кауш — кожаные галоши на высоком каблуке. В бедных семьях маси надевали лишь когда шли в гости, а дома, даже зимой, ограничивались галошами.

Из украшений каракалпачки носили серебряные кольца (жузик), браслеты (блазик, бларзик), серьги (сырга и балдак), бусы (маржан). Украшениями также служили серебряные и позолоченные амулеты — тумар.

Под влиянием узбеков у ферганских каракалпаков некоторое распространение в качестве женской выходной одежды получили паранджи (длинный халат из темной материи, набрасываемый на голову, с длинными ложными рукавами, скрепленными сзади снизу ниткой) и волосяные сетки — чиммет, которыми закрывали лицо.

В тех кишлаках, которые были расположены близко к узбекским кишлакам (особенно в смешанных узбекско-каракалпакских кишлаках), считалось желательным, чтобы девушка уже с 13—14 лет надевала паранджи и в дальнейшем носила ее до самой смерти. У хорезмских же каракалпаков хотя и бытовал халат-накидка — джегде, напоминающая паранджи, но волосяной сетки — чиммета — у них не было, т. к. там затворничества женщин не существовало, женщины от мужчин не закрывались.

Однако паранджи у ферганских каракалпачек была меньше распространена, чем у узбеков. Паранджи и чиммет у узбеков считались обязательной частью выходного костюма, и не имели их лишь наиболее бедные женщины². Каракалпачки же паранджи носили только в кишлаках, сильнее подвергшихся узбекскому влиянию. В более изолированных кишлаках паранджи встречались изредка, там женщины при встрече с посторонним мужчиной лишь прикрывались халатом, а в наиболее отдаленные каракалпакские кишлаки вообще обычай затворничества не проник, там женщины не закрывались. Так, например, в колхозе „Пахтакор“, сельсовета Алимбек Балычинского района Андижанской области информаторы сообщали: „Паранджи каракалпачки не носили. Только когда молодая женщина приходила в дом мужа, она 15 дней носила па-

ранджи потом оставляла“¹. А в сельсовете Момохан Задарьинского района Наманганской области нам сообщили: „У узбеков паранджей было много, а у каракалпачек — мало; женщины каракалпачки при встрече с посторонним мужчиной закрывались халатом“².

Одежда старух отличалась от одежды молодых замужних женщин лишь более скромным цветом тканей. Старухи носили платье — койнак — обычно из белого боза, у платьев старух,

Ферганские каракалпачки в национальной одежде

как и платьев молодых замужних женщин, был вертикальный разрез спереди (до пояса), однако он не был оторочен тесьмой — джиек. Штаны — лазым — делались также из боза, халат — из боза или фабричной хлопчатобумажной материи —

¹ Полев. зап. №№ 4 и 6 за 1955 г. и 21, 26 и 32 за 1954 г.

² См. О. А. Сухарева и М. А. Бикжанова „Прошлое и настоящее селения Айкыран“, стр. 177.

¹ Полев. зап. № 20 за 1953 г.

² Полев. зап. № 53 за 1953 г.

обычно черного цвета. В качестве головного убора служили чалмы — лакки. Чалмы у старух бывали белыми. Излюбленной материей для чалмы была белая кисея (даха). Бедные же делали чалмы все из того же боза. При выходе из дома старухи надевали большой платок (концы его перекрещивались под горлом и закидывались за спину).

В состав старушечьего костюма входил и старинный каракалпакский головной убор — кимешек, делаемый здесь обычно из белого боза и часто без вышивки.

При выходе из дома старухи надевали паранджи (те, кто их имели).

В качестве обуви служили маси и кауш, которые у старух, в отличие от молодых, бывали синими (кок сауре).

Таков был костюм ферганских каракалпаков 50—60 лет назад. Сравнивая этот костюм с костюмом ферганских узбеков, довольно подробное описание которого дано в работах Наливкиных „Очерк быта женщины оседлого населения Ферганы“¹ и Кушелевского „Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области“², мы видим, что этот костюм был в основном одинаковым. Отличия наблюдались лишь в деталях — более широкие платья и халаты у каракалпаков, предпочтение платьев красного цвета молодыми женщинами и девушками — каракалпачками, несколько иной способ повязывания головы платком и т. д.; существенным отличием было лишь меньшее распространение паранджи у каракалпачек и бытование кимешек у замужних женщин.

4. СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ³

Семья ферганских каракалпаков в конце XIX — начале XX веков обычно состояла из родителей, их женатых сыновей, жен и детей этих сыновей. Это уже не была настоящая большая патриархальная семья, но в семейном быту каракалпаков сохранился еще ряд черт такой семьи. Как правило, при жизни отца сыновья после женитьбы не выделялись, а продолжали вести общее хозяйство с отцом, живя в отдельных комнатах того же дома; в зажиточных семьях иногда для женившихся

сыновей строили отдельные дома в той же усадьбе, но земля, скот и другое имущество оставалось общим. И даже питалась вся семья из одного общего котла.

Случаи выделения женатых сыновей при жизни отца встречались, но редко, и осуждались общественным мнением. Как нам сообщали информаторы, у каракалпаков такие случаи наблюдались значительно реже, чем у соседних узбеков⁴.

По сообщению Наливкиных, у узбеков в 70—80 гг. XIX века было принято выделять молодых через год после свадьбы, и неразделенными оставались лишь наиболее зажиточные семьи⁵.

В одной каракалпакской семье обычно бывало 13—17 человек. Реже, особенно в богатых семьях, где было распространено многоженство, их численный состав достигал значительно больших размеров. Так информатор Бектемир Ходжанкулов (колхоз имени Сталина Чинабадского сельсовета, Чинабадского района, Андижанской области) сообщил нам, что в семье его отца было 32 человека: у его отца было три жены и 6 сыновей, у старшего сына было 4 жены, у второго — 3 жены, у остальных сыновей — по одной жене, внуков всего было 7, внучек — 4⁶.

Семейная жизнь регламентировалась нормами шариата и обычного права, которое, так же, как и шариат, утверждало господство мужчины и приниженное положение женщины.

Во главе семьи стоял отец, пользующийся нераздельной властью; в его руках было все имущество семьи; его решения должны были беспрекословно выполняться всеми членами семьи. Женщинами руководила жена старика-отца⁷.

После смерти старика-отца семья, как правило, распадалась. Непрочный характер большой патриархальной семьи, распадение ее на отдельные малые семьи после смерти главы семьи были связаны с разложением натурального хозяйства, с развитием в области капиталистических отношений.

Нам сообщали информаторы, что если старик-отец перед смертью не производил раздела имущества и земли, то после его смерти сыновья просили 2—3 близких родственников — стариков произвести раздел, причем дочерям выделяли по половинной доле того, что выделяли сыновьям⁸. В тех же сравнительно редких случаях, когда семья не делилась после смерти старика-отца, руководство ею переходило к старшему брату, хотя его власть уже не была такой крепкой⁹.

Тяжело было положение женщины в семье. Она считалась неполноправным членом семьи, должна была беспрекословно

¹ В. и М. Наливкины. „Очерк быта женщины оседлого населения Ферганы“, стр. 92—107.

² В. Н. Кушелевский. „Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области“, т. II. Н. Маргелан, 1891 г., стр. 336—340.

³ В литературных источниках сведений по семейным отношениям у ферганских каракалпаков почти не сохранилось. Исключением является упоминание Наливкиными о двоеженстве у зажиточных каракалпаков. Поэтому единственным источником изучения семейных отношений ферганских каракалпаков в прошлом являются воспоминания стариков-информаторов. Воспоминания эти, конечно, относятся в основном к периоду вхождения Ферганской области в состав России.

⁴ Полев. зап. № 14 за 1953 г.

⁵ В. и М. Наливкины, ук. соч., стр. 212—214.

⁶ Полев. зап. № 14 за 1953 г.

⁷ Полев. зап. № 14 за 1954 г.

⁸ Полев. зап. № 27 1953 г.

подчиняться отцу, а потом мужу. Отец за калым продавал дочь мужу, не спрашивая на то ее согласия. Муж в любой момент без всякого повода мог дать жене развод. Особенно тяжело было положение в семье невестки (келин), которая должна была выполнять все работы по дому и подчиняться всем членам семьи мужа.

К ферганским каракалпакам от узбеков до известной степени проник тяжелый и унижительный обычай затворничества женщины. Правда, деление дома на две половины у каракалпаков распространения не получило, а паранджи несколько распространились лишь в кишлаках, близких к узбекским, но во многих каракалпакских кишлаках женщины к гостям не выходили, прятались, а при встрече с посторонним мужчиной прикрывались платком или халатом. Эти обычаи совершенно не свойственны хорезмским каракалпакам: у них женщина всегда ходила с открытым лицом и присутствовала при приеме гостей-мужчин. Не было среди ферганских каракалпаков и таких совместных вечеринок мужской и женской молодежи, как отырыспа, распространенная у хорезмских каракалпаков. Но в более отдаленных каракалпакских кишлаках обычай затворничества женщины укоренился слабо, причем кое-где лишь в последнее перед революцией время. Многие старики-информаторы сообщили нам, что они помнят, что раньше, в дни их детства—женщины обслуживали гостей, ели с ними, не закрывались при встрече с мужчинами¹. В самых отдаленных и изолированных от узбекского влияния кишлаках (например, кишлак Кенегес, входящий теперь в Задарьинский район Наманганской области; кишлак Сары-су, входящий теперь в Яз-Яванский район Ферганской области) обычай затворничества женщин вообще не имел места.

Тяжелым обычаем для женщины был и левират: если умирал муж, то его вдова должна была выйти замуж за его брата (старшего или младшего). Нам рассказывали информаторы: „Если раньше у нас умирал муж женщины, говорили: „жесиримизди башқаға бермеймиз“, т. е. „не отдадим свою вдову другим“. Если у него был брат, выдавали вдову замуж за него, если не было—выдавали за кого-нибудь из близких родственников“². Особенно строго соблюдался этот обычай в тех случаях, если у вдовы были дети. Выйти замуж за постороннего вдова могла лишь в том случае, если брат умершего ей разрешал это. Иногда обычай левирата приводил к браку взрослой женщины с малолетним мальчиком, что вызвало впоследствии семейные драмы: женщина должна была годами ждать, когда подрастет ее малолетний муж, а когда он подрастал, она зачастую уже старилась.

¹ Полев. зап. № 18 за 1953 г. и № 7 за 1954 г.

² Полев. зап. № 5 за 1954 г.

У соседних узбеков левират не бытовал. Наливкины пишут об этом: „Со смертью мужа все обязанности, лежащие на женщине по части калыма, рушатся. Женщина делается вполне свободна; лишь общественные приличия не допускают особенно скорого выхода ее замуж, почему она переживает обыкновенно около года—до полутора или даже 2 лет. Вдовасартянка, смотря по обстоятельствам, или продолжает жить в доме, оставшемся ей и детям от мужа, или же уходит жить куда-либо на сторону“. И далее—в примечании: „У кочевого населения положение вдовы совсем иное. Там она обязана сочетаться браком с одним из братьев покойного ее мужа“¹.

Левират, возикший в далеком прошлом, как следствие группового брака, впоследствии подкреплялся, кроме традиции, имущественной заинтересованностью семьи умершего в том, чтобы вдова оставалась в семье: во первых, в этом случае в семье оставалось и имущество умершего брата, а, во вторых, и сама невестка, на которую смотрели в значительной степени, как на даровую работницу.

Менее распространенным и не обязательным был обычай сорората—выдачи замуж младшей сестры вместо умершей старшей. Нам сообщали: „Если умирала после сговора старшая сестра, то, если ее родители хотели, отдавали вместо нее младшую сестру; если не хотели—возвращали калым.“

Если старшая сестра умирала после свадьбы, то иногда женились на младшей сестре—в таких случаях калым не платили, только устраивали той“².

Положение женщины было особенно тяжелым в богатых семьях, где было распространено многоженство. По шариату разрешалось иметь до четырех жен. Однако позволить себе иметь даже двух жен могли лишь богатые, так как за жен надо было платить большой калым (см. ниже). Старшая жена называлась байбише, остальные токал. У каждой жены было по отдельной комнате или дому; иногда у наиболее богатых баев жены жили в разных кишлаках или городах. Распоряжалась всем домашним хозяйством (при отсутствии свекрови) байбише. Токал выполняли все работы. Муж должен был покупать все для всех жен одинаковое. По шариату муж мог брать другую жену лишь с разрешения первой, но это требование шариата обычно не выполнялось. Вечные ссоры жен делали еще более тяжелой жизнь женщины. Особенно тяжелым было положение младшей жены—токал³.

О двоеженстве зажиточных каракалпаков Ферганы писали в конце XIX века Наливкины: „У зажиточного сельского населения двоеженство наиболее часто практикуется теми кара-

¹ Наливкины. „Очерк быта женщины...“, стр. 231.

² Полев. зап. № 14 за 1954 г.

³ Полев. зап. № 14 за 1953 г.

калпаками, кипчаками и недавно осевшими киргизами, у которых одновременно с более или менее значительными запашками, находящимися на дне долины, имеется еще и скот, уходящий ежегодно летом на горное пастбище. В этих семьях одна жена находится постоянно при земле, а другая весну, лето и часть осени проводит в предгорьях и горах со скотом¹. Нам называли семьи, где было 3—4 жены (например, отец и братья Б. Ходжанкулова—см. выше).

Женитьба сыновей и замужество дочерей находились всецело в руках отца и были связаны с такими тяжелыми и унижительными обычаями, как сговор малолетних и выплата калыма за невесту. Девушек обычно выдавали замуж рано—в 13—15 лет. Сыновей же богатые также старались женить рано (в 17—18, а иногда и в 15 лет: так, вышеупомянутый Б. Ходжанкулов женился в 15 лет; невесте его было 13 лет)². Сыновья же бедняков часто не могли жениться в течение долгого времени, т. к. у них не хватало денег для выплаты калыма.

При заключении брака родовая принадлежность жениха и невесты во внимание не принимались—они могли быть и из одного родового подразделения, и из разных. Например, юноша из рода ак-мангыт мог жениться на девушке из этого же рода³. У хорезмских каракалпаков брак между юношей и девушкой из рода ак-мангыт был совершенно немыслим, т. к. род ак-мангыт, как и другие роды (уру), экзогамен, в то время как браки внутри племени (Улкен уру) в данном случае внутри племени мангыт, разрешались.

Таким образом, экзогамия, так прочно сохранявшаяся у хорезмских каракалпаков⁴, у ферганских исчезла настолько давно, что даже память о ней не сохранилась. Это еще раз показывает, что процесс изживания пережитков родовых отношений у ферганских каракалпаков в период вхождения Ферганской области в состав России зашел довольно далеко.

Считались предпочтительными и преобладали браки между каракалпаками. Однако считалось также возможным для каракалпака жениться на девушке другой национальности—обычно узбечке. В то же время девушек-каракалпачек совершенно не выдавали замуж за узбеков—это осуждалось общественным мнением⁵.

¹ Наливкины. „Очерк быта женщины...“, стр. 225

² Полев. зап. № 14 за 1953 г.

³ Полев. зап. № 3, 15, 31, 46, 49 и др. за 1953 г.

⁴ См. Т. А. Жданко. „Каракалпаки Хорезмского оазиса“.

⁵ Полев. зап. №№ 5, 15, 17 и др. за 1953 г. Интересно отметить, что раньше существовали брачные связи между ферганскими и самаркандскими каракалпаками—первые ездили выбирать невест среди самаркандских каракалпачек, (Устное сообщение Х. Т. Зарифова).

* * *

Изучение старинной свадьбы ферганских каракалпаков представляет большой интерес для историков и этнографов, так как в свадебных обрядах прослеживаются пережитки глубокой старины, патриархально-родовых отношений, а иногда и отношений матриархальных.

Старинная свадьба ферганских каракалпаков состояла из четырех основных этапов, которые, в свою очередь, распадалась на составные части. Основными этапами были следующие: 1) сговор, 2) малый пир (пата той) в доме невесты, соответствующий помолвке, 3) основной пир в доме невесты, где происходило венчание и 4) пир в доме жениха.

Прежде у каракалпаков был довольно распространен сговор малолетних, а иногда даже и не родившихся еще детей. Нам сообщали информаторы: „Иногда два друга после женитьбы договаривались женить сына и дочь (еще до их рождения, когда жены их были беременными). Они назывались аклай-куда. Если жена одного рождала дочь, а другого—сына, то после появления детей на свет отец мальчика дарил родителям девочки платок, как первый знак их сговора“¹. Такой сговор не родившихся еще детей назывался аклай куда тусу. Сговор не родившихся еще или малолетних детей у ферганских каракалпаков имел более широкое распространение, чем у соседних узбеков. Как отмечали Наливкины, у узбеков обычай „сватовства с колыбели“ в 80-годах XIX века уже встречался довольно редко. Они писали: „Теперь обычай этот практикуется по преимуществу среди кочевого населения, где обычные размеры калыма значительно больше, чем у сартов“². Сговор между родителями до рождения детей был распространен и среди хорезмских каракалпаков.³

Иногда сговаривали и юношу и девушку, уже достигших брачного возраста. Во время сговора в доме невесты устраивали небольшой той, называемый келешу тойи или баш байлар тойи. На келешу тойи присутствовали родители жениха и невесты (которые между собой становились с тех пор „куда“—сватами) и некоторые близкие родственники. Родственники жениха приводили с собой барана, приносили рис и масло для пира, а также подарки для невесты (платье, платок, маси и галоши и др.). Во время этого пира окончательно договаривались о размере калыма и времени свадьбы.

Выплата калыма за невесту была непременным условием заключения брака; девушку ее родители фактически продавали за калым.

¹ Полев. зап. № 8 и 14 за 1954 г.

² Наливкины. „Очерк быта женщины...“, стр. 200. Как мы уже упоминали, каракалпаков Наливкины относили к полукочевому населению.

³ См. С. Камалов. Каракалпакская свадьба. Рукопись.

Размеры калыма (калынг малы, калынг пулы) в семьях каракалпаков были довольно велики. В семьях середняков он достигал 7—9 голов скота, некоторого количества продуктов и денег. Нам сообщали информаторы: „Если раньше мы хотели выдать замуж дочь, то мы обычно брали 9 голов скота“¹

Артыкбай Умирзаков, 76 лет, из кишлака Кудук, сельсовета Тайпак, Фрунзенского района, Ферганской области, сообщил нам: „Я сам отдал в качестве калыма 7 коров, 2 овцы, 150 тенгге, 5 пудов риса и 5 пудов муки“² У богатых калым достигал 30—50 голов скота. Бедные платили меньше—2—3 головы скота и некоторое количество продуктов и денег. Основной частью калыма у каракалпаков являлся скот.

У соседних узбеков размеры калыма были значительно меньше. Наливкины в своей работе неоднократно отмечают „незначительные размеры калыма“ у узбеков. Калым у узбеков иногда составлял всего 12—15 рублей и лишь в богатых купеческих семьях поднимался иногда до нескольких сот рублей³. Наши информаторы также отмечали, что у узбеков размер калыма был меньше, причем его не обязательно брали скотом и поэтому те, у кого не было скота, иногда женились на узбечках⁴.

Что же касается хорезмских каракалпаков, то размеры калыма у них, как и у ферганских каракалпаков, были большими⁵. Большой размер калыма у каракалпаков был связан с продолжительной сохранностью в их быту патриархально-родовых пережитков⁶.

Выплата калыма за невесту серьезно подрывала хозяйственное положение середняков, что же касается бедняков, то они годами служили батраками или издольщиками, чтобы скопить деньги на калым, иногда не могли жениться до 40 лет, а женившись и отдав при этом все накопленное имущество в качестве калыма, вновь оказывались в безысходной нужде.

Родители невесты давали, в свою очередь, приданное—одеяла, подстилки, подушки, одежду для невесты и жениха, посуду, а также готовили подарки родителям жениха (обычно халаты и др. одежду). Размеры приданного были значительно меньше калыма.

Срок, проходивший между сговором и свадьбой, был раз-

¹ Полев. зап. № 13 за 1954 г.

² Полев. зап. № 17 за 1954 г.

³ Наливкины. „Очерк быта женщины...“ стр. 195, 200, 207 и др.

⁴ Наливкины. „Очерк быта женщины...“ стр. 201—202.

⁵ Полев. зап. № 14 за 1954 г.

⁶ См. Шалекенов. Ук. соч., стр. 267—269.

О происхождении и сущности калыма см. Н. А. Кисляков. „Семья и брак у таджиков“. Докторская диссертация, Ленинград. 1951 г. а также ст. „Калым и приданное у таджиков“. Сб. „Родовое общество“. М. 1951 г.

личным. Он зависел от возраста жениха и невесты и от выплаты калыма. Часто между сговором и свадьбой проходило 2—3 года.

Следующим после сговора пиром в доме невесты был пата-той (или кишкене той)—небольшой предварительный пир. На этом тое присутствовали родители жениха и невесты, а также некоторые родственники и соседи из кишлаков невесты и жениха. Расходы по устройству пата-тоя, как и основной свадьбы, несли родители жениха (или сам жених). Родители жениха во время пата-тоя раздавали подарки родственникам невесты и самой невесте (одежду). Сам жених на этом тое не бывал: вообще между сговором и свадьбой жених избегал встречаться с родственниками невесты, прятался от них. Этот обычай избегания женихом родственников невесты широко известен у народов Средней Азии (каракалпаков, узбеков, таджиков, казахов и др.). Доктор исторических наук Н. А. Кисляков ставит этот обычай в связь с добрачными тайными встречами жениха и невесты, бытовавшими у этих же народов¹. Такие добрачные тайные встречи жениха и невесты бытовали и у ферганских каракалпаков². Этот обычай, как и куйеулеу (см. ниже), безусловно, являлся пережитком матрилокального брака.

После пата-тоя родители невесты, в свою очередь, наносили визит родителям жениха, причем мать невесты брала с собой подарки для жениха (халат, рубаху, штаны, поясной платок, тюбетейку). Этот визит назывался „ыдыш кайтты“ (буквально—возвращение посуды).

Наконец, наступил день основной свадьбы—катта той или неке-той. Калым к этому времени уже должен быть выплачен. Накануне свадьбы родители жениха переправляли в дом невесты продукты, предназначенные для свадьбы,—рис, муку, масло, морковь, лук—все это в довольно значительных количествах, перегоняли также 1—2 баранов, а кроме того быка, лошадь или корову.

Переправлять продукты к дому невесты родителям жениха помогали его товарищи, каждый из которых получал за это по поясному платку (бельеу).

Свадебные тои принимали огромные размеры. Нам сообщали информаторы: „В тое участвовали все люди из кишлака невесты, а также ее ближайшие родственники, живущие и в других кишлаках. Их обязательно приглашали на той, хотя бы они находились на расстоянии двухдневного пути“³. Со стороны жениха в тое принимали участие его родственники и товарищи. Приглашения на свадебные тои рассылались во все мес-

¹ Там же.

² Полев. зап. № 13 за 1954 г.

³ Полев. зап. № 14 за 1954 г.

та расселения каракалпаков в Ферганской долине „от Саур-Тепе до Бабагазы“, а иногда на свадьбы ферганских каракалпаков приезжали даже самаркандские каракалпаки¹. Такие огромные размеры свадебного пира², безусловно, являлись пережитком родовых отношений, когда в свадьбе принимали участие члены родов жениха и невесты, при этом устройство основного тоя в доме невесты, являлось отголоском отдаленных матриархально-родовых отношений. Следует отметить, что у узбеков той в доме невесты имел сравнительно небольшие размеры—у них основное празднество сосредоточено было в доме жениха, а в доме невесты было лишь скромное угощение³. Безусловно, большой свадебный пир вызывал новые расходы со стороны жениха или его родителей, что еще более подрывало материальное благосостояние их семьи, уже ослабленное выплатой калыма, а бедняков приводило к полному разорению.

Во время свадебного пира и на пути к дому невесты жених и его товарищи должны были платить многочисленные обрядовые выкупы; этот же обычай наблюдался и у хорезмских каракалпаков⁴. У ферганских каракалпаков сохранился также обычай „согым“—обязательная раздача всем жителям кишлака невесты мяса привезенного женихом быка, коровы или лошади⁵. Этот же обычай был распространен и среди хорезмских каракалпаков. Т. А. Жданко в работе „Каракалпаки Хорезмского оазиса“ пишет: „Среди цикла обрядов, выполнявшихся в этот период, интересны те из них, которые характеризуют участие в торжестве не только семьи невесты, но и всего ее рода, в частности, обряд „сог“, заключающийся в том, что определенный человек из рода девушки резал привезенного женихом быка и делил его мясо между всеми жителями ее аула. Мясо раздают всем в ауле; его непременно должно хватить для всех, хотя бы по кусочку“⁶. Нам сообщали информаторы, что у узбеков этого обычая не было⁷.

На больших свадьбах пели бахши, устраивали козлодрание (ылак), борьбу (кураш) и др. Вечером (после пира) в доме невесты производился мусульманский обряд венчания (неке). В дом жениха невесту обычно отправляли лишь на третий день,

Интересно, что в описываемый период у ферганских каракалпаков наблюдалось иногда и следующее явление: после венчания молодая жена оставалась в доме родителей на 2—3 года и лишь посещалась мужем (такие посещения назывались куйеулеу или куйеулеп журу и совершались тайком; считалось неудобным, чтобы об этом знали люди). Это обычно бывало в бедных семьях, где жених не имел возможности сразу после венчания содержать семью или даже не успел выплатить части калыма. Но безусловно, что этот обычай является пережитком матрилокального брака.

Нам информаторы сообщали: „Куйеулеу—время, когда молодая женщина после венчания оставалась в доме родителей и лишь навещалась мужем. Встречаться они могли потихоньку, чтобы не видели люди. Раньше, если нехватало средств, то куйеулеу продолжалось 3—5 лет. В тот период келиншек могла иметь ребенка. Тогда ее привозили с бешиком (люлькой). Рождение детей в доме родителей женщины называлось онг жакта туш (рождение на правой стороне“) ¹. У узбеков этого не было. У них невестка оставалась в доме родителей самое большее в течение трех дней“.

Такое же оставление молодой женщины в доме ее родителей на 2—3 года после венчания наблюдалось и у хорезмских каракалпаков⁸.

Последним этапом свадьбы было празднование в доме жениха. Невесту перевозили в его дом на арбе; лицо ее было закрыто белым покрывалом (чарсы). Вместе с невестой (на 2—4 арбы) садились другие женщины и девушки. Жених с товарищами ехали рядом на лошадях. По дороге от дома невесты до дома жениха пели свадебные песни—„яр-яр“.

Парни запевали:

„Алты кыздын ишинде
Атынг Анар, яр-яр,
Балбыраган бетингнен
Қанынг тамар, яр-яр.
Балбыраган бетингнен
Бир суйлирсенг
Мирим қанар“.

„Среди шести девушек твое имя Анар (Гранат), яр-яр. Твои пухлые щеки налиты кровью, яр-яр. Если ты позволишь поцеловать твои пухлые щеки один раз, я буду удовлетворен“.

Джигитам отвечали девушки, которые восхваляли красоту невесты и ее мастерство и желали ей счастья.

¹ Устное сообщение Х. Т. Зарифова.

² Конечно, такие широкие размеры принимал свадебный пир лишь у людей более или менее состоятельных; бедняки вынуждены были праздновать более скромно. Однако и они, по обычаю, устраивали во время свадьбы значительное угощение для родственников и односельчан, на что годами копили деньги, к что приводило их к полному разорению.

³ Навивкины, „Очерк быта женщины...“ стр. 210.

⁴ См. С. Камалов, „Каракалпакская свадьба“. Рукопись.

⁵ Из дневника 1954 г. Сообщила Хасият Рахметуллаева, кар-чка, с/с Тайпак, колхоз имени Шверника.

⁶ Т. А. Жданко, „Каракалпаки Хорезмского оазиса“, стр. 517.

⁷ Полев. зап., №№ 14 и 24 за 1954 г.

¹ Полев. зап. № 26 за 1954 г. и № 13 за 1953 г.

² Полев. зап. № 14 за 1954 г.

³ См. Т. А. Жданко, „Каракалпаки Хорезмского оазиса“, стр. 518.

Шалдыр—шалдыр камышка
Сыргам тусту, яр-яр,
Снамаған жигитке

Синглим тусту, яр-яр*,—продолжали девушки.

В шуршащий камыш попали мои серьги, яр-яр; незнакомому парню попала моя сестра, яр-яр*¹.

Так сторонники жениха и невесты старались перепеть друг друга, пока не уставали.

При переезде новобрачных в кишлак жениха во всех встречаемых кишлаках с невесты требовали яхта (рубахи) и отрезки материи, без этого ее не пропускали. Поэтому невеста заранее приготавливала такие подарки. Назывались они жол тосув². Кроме того, на пальцы молодая надевала кольца (жузик), клала она кольца и в карманы. В кишлаке жениха к ней подходили женщины и девушки и снимали кольца с ее рук, вынимали из карманов. Это также относилось к числу обрядовых выкупов.

Выплата разнообразных обрядовых выкупов во время поездки жениха за невестой, свадебной церемонии, а также во время перевоза невесты в дом жениха известна и у хорезмских каракалпаков³, и ряда других народов Средней Азии—узбеков⁴, таджиков, казахов⁵ и др. Происхождение этого обряда Н. А. Кисляков относит ко времени перехода от матрилокального поселения к патрилокальному и объясняет реакцией обеих сторон на сам этот переход⁶.

Приезд молодой в кишлак жениха сопровождался рядом обрядов, одним из которых был следующий: „Около дома жениха разжигали костер. Невеста должна была обойти вокруг него. После этого она могла войти в дом“⁷. Этот же обряд „очищения огнем“⁸ известен также у ферганских узбеков⁹, у таджиков¹⁰ и других народов. Приезд невесты в кишлак жениха сопровождался также обрядом знакомства ее с родственниками жениха. При этом женщины, сопровождающие не-

весту, пели „бет-ашар“. Вот пример таких песен (носивших часто шуточный характер);

Хухе! Хухе!—желтею,
Мыс кумганин котерген,
Мамакадыр деген атангиз
Оған беринг бир салам*.
Кхе, кхе, — кашляющий
И держащий свой медный кумган—
Это ваш свекор по имени Мамакадыр
Отдайте ему поклон*¹.
Кубиде айран шалкыткан
Қазанда куйрық қатқытқан
Қайн енесине бир салам*.
В маслобойке сбивающей айран,
В котле врящей курдюк
Свекрови привет*²

Невестка при этом кланялась каждому из названных лиц. После этого в доме жениха начинался пир, называемый „бет-ашар-той“ или „келин тушти той“. Пир этот обычно продолжался два дня. Присутствовало большое число приглашенных, причем здесь уже преобладали жители кишлака жениха. Угощение было столь же обильно, как и в доме невесты. На богатых свадьбах и в доме жениха пели бахши, устраивали козлодранье и борьбу.

Основным обрядом во время пира в доме жениха был „бет-ашар“—открытие лица невесты. Производилось это на второй день утром. До этого лицо невесты было закрыто белым покрывалом. Покрывало с лица невесты снимал маленький мальчик—палкой или ложкой. Этот же обычай был известен и у хорезмских каракалпаков³, а также у таджиков⁴ и ряда других народов. После этого выполняли ряд обрядов, являющихся по своему происхождению магическими. Например, невеста окунала руку в муку, чтобы быть богатой⁵. Как пишет Н. А. Кисляков—„Мука, помимо общего свойства сообщать плодородие, может символизировать чистоту, непорочность, счастливую, хорошую жизнь, удачу“⁶. Далее, мать невесты давала молодой масло в ложке, и молодая выливала его в огонь (это повторялось 9 раз)⁷. Этот обычай, повиди-

¹ Полев. зап. № 5 за 1953 г.

² Полев. зап. № 14 за 1954 г.

³ См. С. Камалов. Каракалпакская свадьба. Рукопись.

⁴ Полев. зап. № 14 за 1954 г.

⁵ Н. А. Кисляков, ук. соч. ст. 209—328

⁶ Там же, стр. 435—438.

⁷ Полев. зап. № 21 за 1953 г.

⁸ В прошлом (когда соблюдался обычай родовой экзогамии) невеста принадлежала к другому роду и, по поверьям, находилась под защитой других родовых божеств, обряд „очищения огнем“ как, ряд и других обрядов, служил для приобщения невесты к культу родовых божеств жениха и для освобождения ее от влияния божеств ее рода, а также всяких злых сил, См. Кисляков, ук. соч. 407—420.

⁹ См. Сухарева и Бикжанова, Ук. соч., стр. 218.

¹⁰ См. Кисляков. Ук. соч., стр. 407.

¹ Полев. зап. № 5 за 1953 г.

² Полев. зап. № 8 за 1954 г.

³ С. Камалов, Каракалпакская свадьба. Рукопись.

⁴ Н. А. Кисляков. Ук. соч., стр. 24.

⁵ Из дневника 1954 г., колхоз имени Шверника, сельсовет Тайпак Фрунзенского района, Ферганской области.

⁶ Н. А. Кисляков. Ук. соч., стр. 384

⁷ Полев. зап. № 5 за 1953 г.

мому, можно рассматривать как приобщение молодой к очагу нового дома, как умиловление духа домашнего очага.

Отец жениха давал молодым напутствие (патия).

„Алдынга бала толсын,
Кейнинге мал толсын,
Козинг корсин
Колынг тутсын“.

Пусть у вас родится много детей,
Пусть у вас будет много скота,
Пусть ваши глаза это видят,
Пусть ваши руки это держат!.

Во время пира в доме жениха отец невесты обычно делал подарки родителям и родственникам жениха. Пиром в доме жениха заканчивалась свадьба ферганских каракалпаков.

Мы видим, что в дореволюционных свадебных обрядах ферганских каракалпаков сохранилось много пережитков далекой старины, патриархально-родовых отношений, а иногда и пережитков матриархата. Обряды эти обнаруживают ряд общих черт со свадебными обрядами хорезмских каракалпаков¹.

* * *

Кроме свадеб большим семейным праздником (той) отмечалось рождение сына, особенно если он был первым. На тое по случаю рождения сына бывало обильное угощение родственников и односельчан, пели бахши, устраивались козлодрание (ылак), скачки (пайгага жиберу), борьба (кураш), Рождение дочери отмечалось значительно скромнее.

Мальчишкам в возрасте от 7 до 12 лет согласно мусульманской религии делали обрезание (суннет), причем это событие также отмечалось небольшим тоем: резали барана, приглашали родственников и угощали их. Человеку, который совершал обрезание, дарилась яхта, присутствующим — носовые платки².

Очень разорительными для бедных слоев населения были многочисленные поминки, справляемые по покойному. „После похорон устраивали первые поминки (ас). Второй раз устраивали поминки в ближайший четверг: эти поминки назывались худайы. Через 40 дней устраивали следующие поминки — кыркы. После этого устраивали поминки в праздник руза-хайт (сколько бы месяцев ни прошло). Через год устраивали последние поминки — жылы“³. И каждый раз считалось необходи-

мым резать скот и устраивать угощение. Бедняки, чтобы справить поминки по своим умершим родственникам так, как этого требовало духовенство и как было установлено обычаем, совершенно разорялись и должны были залезать в долги или идти в кабалу к баям на долгие годы. Затраты на семейные события — свадьбы, тои по случаю рождения и обрезания сыновей, поминки — были вообще совершенно несоизмеримы с нищенским хозяйством значительной массы дехкан-бедняков и, наряду с основными причинами (см. выше) ускоряли процесс его разорения.

* * *

Подведем некоторые итоги.

1). В семейных отношениях ферганских каракалпаков наблюдался целый ряд черт, общих для многих народов Средней Азии (каракалпаков хорезмских, узбеков, таджиков, казахов и др.), что обуславливалось тем, что семейная жизнь этих народов определялась нормами мусульманского религиозного права — шариата, а также обычным правом (адат), имевшим много общего у этих народов. Такими чертами являются патриархальный характер семьи с неограниченной властью главы семьи, бесправное положение женщины, допускаемое шариатом многоженство, ранние браки, выплата за невесту калыма, а также ряд общих черт в свадебных обрядах.

2). Кроме этих общих черт, свойственных как каракалпам (хорезмским и ферганским), так и узбекам (а часто и другим народам Средней Азии), в семейных отношениях и свадебных обрядах ферганских каракалпаков и узбеков имелись и существенные различия, сближавшие в то же время ферганских каракалпаков с хорезмскими. Семья ферганских каракалпаков отличалась от узбекской большей сохранностью патриархальных черт⁴: у каракалпаков более медленно происходил процесс распада патриархальных семей, бытовали еще такие обычаи, как левират (исчезнувший у узбеков уже в конце XIX века), сговор малолетних (в тот период у узбеков уже встречавшийся реже), размеры калыма были больше. Старинная свадьба ферганских каракалпаков отличалась от узбекской большим размером свадебного тоя в доме невесты; соблюдался каракалпакский обряд согым — раздача жителям кишлака невесты мяса быка, привезенного женихом и др. У каракалпаков сохранились пережитки матриликального брака (куйеулеу). Эти черты семейных обычаев ферганских каракалпаков близки к

¹ Это в значительной степени объяснялось тем, что каракалпаки жили в глухих, менее удобных для земледелия местах, в связи с чем у них товарно-денежные, а после присоединения к России и капиталистические отношения развивались медленнее, чем у узбеков.

¹ Там же.
² Основными полевыми записями по свадьбе являются № 5, 13 и 21 за 1953 г. и №№ 8, 14 и 24 за 1954 г.
³ Полев. зап. №№ 12 и 13 за 1954 г.
⁴ Полев. № 3 за 1954 г.

семейным обычаям хорезмских каракалпаков, что лишний раз доказывает общность их происхождения.

3). Однако в отличие от хорезмских каракалпаков у ферганских не сохранилось такого важного пережитка родовых отношений, как экзогамия.

Узбекское влияние сказалось в появлении в ряде мест расселения ферганских каракалпаков обычая затворничества женщины, что никогда не было свойственно хорезмским каракалпам.

5. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Тяжелые социальные условия, сложившиеся в Средней Азии в дореволюционный период, влияние реакционного мусульманского духовенства, крайняя нищета трудящихся обуславливали культурную отсталость каракалпаков, как и других народов, в прошлом. Многочисленное духовенство (муллы, ишаны, имамы, казии и др.) стремилось с помощью религии держать народ в повиновении и извлекать из религиозных предрассудков населения материальную выгоду для себя.

Религией каракалпаков был ислам суннитского толка. Духовенство внушало, что во избежание гнева бога и наказания на том свете каждый должен выполнять обязанности мусульманина, которые часто бывали очень обременительны. Пять раз в день мусульмане должны были читать молитвы (намаз), что, впрочем, беднейшим населением обычно не соблюдалось за недостатком времени. Чрезвычайно вредным для здоровья было соблюдение месячного поста (руза), в течение которого от восхода до заката солнца нельзя было есть и пить. Особенно тяжело отражалось это на здоровье трудящихся, вынужденных работать целый день на жаре без еды и питья. Во время религиозных праздников Руза-хайд и Курбан-хайд считалось необходимым делать приношения духовенству. В праздник Курбан-хайд население должно было резать скот, что считалось жертвоприношением богу. Без духовенства не обходилось ни одно домашнее событие, муллы приглашались и на свадьбы, и на похороны, причем, разумеется, за значительное вознаграждение. Распространяя среди населения реакционное религиозное учение, духовенство находило тысячи способов, чтобы обирать трудящихся. Население содержало за свой счет причт мечетей (имам, азанчи), платило учителю религиозной школы (дамулла), вознаграждало казиев за суд, ишаны получали подношения от своих последователей—мюридов и т. д. (это уж не говоря об эксплуатации дехкан, работающих на вакуфной земле—см. выше).

Приношениями от населения жили многочисленные шейхи на мазарах (могилах мусульманских святых). Таких мазаров было в Фергане много. Часть из них была известна по всей Ферганской долине и даже за ее пределами, и туда приходили

толпы верующих разных национальностей искать исцеления или молиться о счастье, богатстве и др. Наливкин и Кушелевский упоминают также мазары в Канибадаме; в Араване (Маргеланский уезд); в окрестностях Оша (на горе Сулейман-тахт); в Наманганском уезде—мазар Падша-ата и др. Считались священными Хазрет-Аюбские минеральные источники и др.)¹

Некоторые мазары имели более местное значение—туда приходили молиться каракалпаки близлежащих кишлаков—например, мазар Хауп-буа, который посещали каракалпаки кишлака Мулькабад и других кишлаков, Султан-баяз, посещаемый каракалпаками Ак-Тепе и других соседних кишлаков². На мазары стекалось множество народа в дни религиозных мусульманских праздников. Иногда мазары посещались и в другие дни. Население верило, что принесение барана в жертву святому поможет им добиться того, что они желали—исцеления от болезни, богатства и др. Особенно частыми посетителями мазаров были женщины, молившиеся об излечении своего бесплодия. Наживались на этих обрядах шейхи, так как шкуры и часть мяса зарезанных баранов верующие отдавали им. Поэтому шейхи были особенно заинтересованы в сохранении этих обычаев. В обряде моления у мазаров с культом мусульманских святых переплетались и более древние, доисламские верования—культ предков (приношения жертвы предкам), культ священных деревьев, которые обычно росли там же на мазарах и были увешаны тряпочками, оторванными от платьев и рубах богомольцев.

Сохранялись у каракалпаков и другие доисламские верования—вера в джинов, духов (авлие), пери (периште). Очень боялись каракалпаки албасты, которая—по поверьям—всего более старалась навредить роженицам, а также могла сделать женщину бесплодной. Албасты представлялась в виде женщины со взлохмаченными волосами, шестью грудями и без пятки. Считалось, что часто албасты являлись не в своем виде, а то в виде мужчины, то в виде козы, то в другом каком-нибудь виде. Албасты—по поверьям—нападали не только на женщин; если кто-нибудь шел по дороге и албасты задевала его, то человек должен был умереть. Считалось, что албасты убить нельзя, что из ее крови появляются новые албасты, и что поймать их могут только сильные муллы—чтением молитвы (здесь мы тоже видим своеобразное сочетание ислама и домусульманских верований).

Сохранялись у ферганских каракалпаков и пережитки ша-

¹ См. В. Н. Кушелевский. Материалы для медицинской географии и санит. описания Ферганской области. Т. III, стр. 237—238. Наливкины, ук. соч. стр. 153—154

² Из дневника 1954 г.

манства. Бахши¹ устраивали сеансы камлания: били в бубен (чылдырма), доводили себя до экстаза пляской, пели заклинания—все это якобы для того, чтобы изгнать духов, находящиеся в теле больного².

Много доисламских верований можно обнаружить и в старинных свадебных обрядах (обряд очищения огнем, разнообразные магические приемы—см. выше). На одежду, особенно детскую, нашивали амулеты (тумар), верили в заклинания, в дурной глаз и др.

Такое обилие разнообразных суеверий так же, как и слепая вера догмам мусульманской религии, кроме общих социальных условий объяснялось также тем, что население не знало никакого образования кроме религиозного. В религиозных школах—мектебах и медресе—молодежь воспитывалась в духе покорности ханам, религии и существующим феодальным порядкам. Поэтому ханы, духовенство и другие представители эксплуататорской верхушки были заинтересованы в существовании религиозных школ и отсутствии всякого светского образования.

Широко были распространены низшие религиозные школы—мектебы, которые чаще всего помещались при мечетях. Учителем (дамулла) обычно бывал имам или азанчи той же мечети.

В мектеб отдавали обычно мальчиков 7—8 лет. Учеников сначала заставляли заучивать арабскую азбуку, затем учили чтению корана на арабском языке и других религиозных книг, например, „Чаркитаб“—на персидском языке, содержащей правила молитв, постов, омовений. Чтение книг на непонятном арабском или персидском языках фактически сводилось к бессмысленной зубрежке.

Занимались ученики в совершенно антисанитарных условиях: в мектебах было темно, сыро, тесно и душно. Мальчиков жестоко избивали за малейшие проступки и незнание уроков. Когда родители приводили мальчика в школу, то они говорили учителю: „Ети сизики, суйеги бизики“, т. е. „Мясо ваше, кости—наши“. Этим они хотели сказать, что разрешают бить своего ребенка, только не убивать³. Каждый четверг ученики приносили учителю по 2 лепешки, а по окончании изучения каждой книги делали подарки.

Девочек иногда (довольно редко) тоже отдавали учиться. Учила их атун (учительница) у себя на дому—тому же, что и мальчиков, только еще в более сокращенном виде.

Дети бедняков учились недолго—2—5—лет. Не получив:

¹ У ферганских каракалпаков было два значения слова бахши: первое—бахши—певец, сказитель; второе—шаман (значение, равнозначное слову порхан у хорезмских каракалпаков).

² Полев. зап. № 27 за 1954 г.

³ Полев. зап. №№ 15 и 27 за 1954 г.

никаких действительных знаний в школе, обычно уже через несколько лет они утрачивали даже знание азбуки, становились вновь неграмотными (этому способствовали как приемы обучения в школе, в виде бессмысленной зубрежки, так и отсутствие дальнейшей практики в чтении и письме). Характерно, что, несмотря на широкое распространение религиозных мектебов, по „Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.“ из 11.056 каракалпаков грамотными оказались всего 55 человек¹.

В высшие религиозные школы—медресе—поступали немногие. Медресе были в городах и крупных кишлаках Ферганской долины (в Коканде, например, было 14 медресе). Большие медресе имели свои вакуфные земли.

Обучение в медресе производилось в духе средневековой схоластики. Изучали там арабский язык, богословие, право и—иногда—начатки арифметики (первые четыре действия) и геометрии (простейшие приемы измерения площадей). Учеба продолжалась долго—часто более 10 лет. Окончившие медресе чаще всего становились учителями в школах².

После присоединения к России в Ферганской долине впервые появились общеобразовательные школы. В 1886 году для местных жителей в уездных центрах было открыто 5 русско-туземных школ³. Их целью была подготовка преданных царским властям и знающих русский язык представителей местной администрации, писарей и переводчиков. В каждой русско-туземной школе обучалось 10—15 человек. Учили там русскому языку, арифметике и другим предметам, преподавали русские учителя, знающие местный язык; в то же время и мулла давал уроки, обучая их тому же, что и в мектебах. Эти школы имели, безусловно, прогрессивное значение, так как впервые давали хотя бы элементарные общеобразовательные знания. Однако их было очень мало (к 1903 году количество их в области увеличилось до 17, причем при них были открыты курсы для взрослых жителей⁴, но и этого было совершенно недостаточно на всю Ферганскую область). Население вначале под влиянием агитации мусульманского духовенства относилось к школам настороженно, боялось отдавать туда детей, но вскоре, когда знание русского языка стало все более необходимым, напротив, стало стремиться отдавать детей в школы. Однако это было доступно лишь богатым. Нам называли ряд лиц из богатых семей, учившихся в Кокандской русско-ту-

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., стр. 76—77, т. 89 СПб. 1899—1905 г.

² О медресе см. Наливкины, ук. соч., стр. 60—64, а также полев. зап. №№ 6, 15, 27 за 1954 г.

³ Кушелевский. Ук. соч., т. II, стр. 336.

⁴ Ежегодник Ферганской области, Вып. III. Ферг. обл. в 1903 г. Н. Маргелан, 1904 г.

земной школе: например, мулла Шамурат из кишлака Мулькабад (ныне входящего в колхоз имени Шверника, Фрунзенского района, Ферганской области), мулла Жура из кишлака Ак-тепе (ныне входящего в колхоз имени Андреева того же района)¹ и др.

В городах Ферганской долины были открыты кроме того городские и приходские училища, а позже гимназии, но в них обучались лишь русские дети. Основная масса детей местного населения, в том числе и ферганских каракалпаков, по-прежнему получали лишь религиозное образование в мектебах старого типа.

* * *

Тяжелые бытовые условия приводили к широкому распространению среди населения серьезных заболеваний. Прежде всего сами природные условия местностей, в которых жили каракалпаки, были чрезвычайно неблагоприятны для здоровья. Они жили по берегам озер и болот, поросших камышом, где гнезилось множество комаров. Эти сырые места были настоящими очагами малярии, которая особенно свирепствовала в жаркое время года. Врач Кушелевский, работавший в Ферганской долине в конце XIX века, писал по этому поводу: „Отработанная вода, спущенная в какую-либо низменную часть, рисовые поля, болота, разбросанные по всей долине, и озера, поросшие камышом и разными водорослями, представляли собой настоящие очаги малярии в Ферганской области. Озеро Дам-Куль... служит главным малярийным очагом. Поверхность его покрывается водорослями и представляется летом зеленой равниной“². Как мы знаем, озеро Дам-Куль было окружено селениями каракалпаков.

Малярия, осложненная поносами, составляла по Ферганской области 75, 76 процентов всех заболеваний, и 60,3 процента смертных случаев падали на эти болезни³. Эти данные приводятся по всей Ферганской области; среди каракалпаков процент заболеваемости малярией неизбежно должен был быть еще большим, так как жили они в самом центре заболоченных и малярийных мест.

В некоторых наиболее сильно зараженных селениях малярия принимала эпидемический характер и истребляла значительную часть населения⁴.

Грязь в жилищах и одежде, обычай, по которому население очень редко купало своих детей и мылось само, способ-

ствовали развитию различных кожных заболеваний (чесотка, экзема, парша и др). Широко было распространено заболевание сифилисом.

Чрезвычайно плохая пища, которая у беднейшего населения состояла лишь из „куча“—жидкой кашицы из джугары или проса с катыком—или „аталя“—болтушки из муки в виде жидкого киселя,—а иногда и просто лепешек с чаем, приводила часто к заболеваниям цынгой, особенно в весеннее время, когда еда не могла быть немного улучшена овощами и фруктами. Развитию цынги способствовали также тесные, грязные, холодные и сырые помещения и непосильный труд большей части населения¹.

Холод в помещениях и—наряду с этим—применение для обогрева сандала приводили к распространению ревматизма и других простудных заболеваний.

Иногда в области вспыхивали и серьезные эпидемии. В 1846, 1873 и 1893 годах свирепствовали эпидемии холеры, унесшие много жертв². Но особенно страшна была оспа, так как она вспыхивала в области очень часто. „Ни одна болезнь не производит таких страшных опустошений в здешних краях,—писал Кушелевский,—как оспа. Это сущий бич как оседлого, так и кочевого населения, потому что, появляясь ежегодно, то в том, то в другом месте области, уносит громадное число жертв, да кроме того, оставляет после себя немало калек и неизлечимых больных“³.

Дифтерит и скарлатина, поражая детей, давали большое количество смертных случаев.

Встречались случаи заболевания проказой (махау), причем заболевшие изгонялись из общества, лишались семьи и всего имущества и были вынуждены жить в лепрозориях (махау-зар), питаясь подаением.

Это далеко не полный список тяжелых заболеваний, от которых страдали каракалпаки Ферганы.

До присоединения к России население не получало никакой квалифицированной медицинской помощи. Лечили население невежественные знахари-табибы (тауп). Некоторые приемы лечения табибы обычно перенимали друг от друга, и большая часть их была даже неграмотна. При определении болезни табиб ограничивался щупанием пульса и самыми поверхностными распросами (последнее—лишь в отношении мужчин), что, конечно, приводило к частым ошибкам в выборе средств лечения.

В качестве лекарственных веществ табибы применяли ртут-

¹ Полев. зап. № 27 за 1954 г.

² Кушелевский, ук. соч., т. I, стр. 97—98.

³ Там же, т. III, стр. 20.

⁴ Там же, т. III, стр. 37, а так же ЦГИА УзССР, ф. 19, ед. хр. 12705 (1880 г.)

¹ Кушелевский. Ук. соч., т. III, стр. 194—205.

² Там же стр. 163, а также „Обзор Ферган. обл. за 1893 г.“ Н. Маргелан. стр. 10.

³ Кушелевский. Ук. соч. т. III, стр. 161.

ные препараты, мышьяк, сулема, серу и др., лекарственные растения — например, опий, хинин, белену, ромашку, шалфей, мяту и др.¹.

Применение некоторых средств было, в сущности, правильным — например, сифилис лечили ртутными препаратами, малярию — хинином², однако, не говоря уже о частом неправильном определении болезни, табибы нередко назначали совершенно неверные, увеличенные дозы лекарств, что при применении таких сильно действующих средств, как препараты мышьяка, купорос, сулема и др., — иногда приводило к тяжелым заболеваниям и даже смертным случаям³.

Табибы ставили пиявки, банки, делали кровопускание. Разумеется, производилось это в антисанитарных условиях и часто приводило к различным осложнениям.

Более или менее удачно местные костоправы (суек саучилар) могли выправлять переломы⁴.

Если вышеперечисленные средства можно отнести к числу рациональных (при известных оговорках, конечно), то другие средства носили уже чисто религиозный характер. Иногда — в случае тяжелой болезни — табиб советовал принести в жертву какой-либо скот; скот резали, угощали всех и при этом читали молитву (патия)⁵.

При горячке (ыстыма) табибы рекомендовали есть кушанья ардап (из джугары) или хорда (из риса)⁶. Как сообщал Наливкин, все кушанья, как лекарства, условно делились на горячие и холодные. Немясные блюда относились к холодным кушаньям⁷. Поэтому их давали при горячке, чем хотели вызвать равновесие сил в организме.

Кроме табибов лечением занимались еще более невежественные старухи-знахарки. Нам сообщали информаторы: «Если раньше человек чем-либо заболел, то он шел к старухе-знахарке. Она щупала пульс, потом наливала воду в пиалу, туда клала пепел, соль, брала в рот и брызгала»⁸.

Иногда население обращалось за помощью к бахши, которые при лечении прибегали исключительно к магическим приемам. Кроме сеансов камлания, о которых мы уже упоминали выше, использовались, например, следующие приемы: «... брали лепешку, крутили ею несколько раз над головой человека и бросали собаке, чтобы болезнь человека ушла к собаке»⁹.

¹ Кушелевский, Ук. соч., т. I, стр. 297—301 и т. III, стр. 246—259.

² Там же, т. III, стр. 271—275.

³ ЦГИА УзССР, ф. 19, ед. хр. 11571 (1884—94 г.).

⁴ Полев. зап. № 15 за 1953 г.

⁵ Полев. зап. № 47 за 1954 г.

⁶ Полев. зап. № 18 за 1954 г.

⁷ Наливкин, Ук. соч., стр. 71. Кушелевский, Ук. соч., стр. 270.

⁸ Полев. зап. № 12 за 1954 г.

⁹ Полев. зап. № 18 за 1954 г.

«Если у человека болела голова, то бахши резали курицу и обмазывали лицо человека кровью курицы. Это делалось для того, чтобы болезнь человека перешла на курицу»¹.

Следует отметить, что население, при всем своем низком культурном уровне, не очень верило бахши и не любило их. В народе даже существовала поговорка, выражающая это отношение: «Бахши олгенинг яхши», т. е. «Бахши, лучше бы тебе умереть»².

В чрезвычайно антигигиенических условиях происходили роды женщин. Обычно при родах не присутствовало даже повитухи, а ее роль исполняла какая-либо старая женщина, имевшая много детей. «...При трудных родах местными повитухами и знахарками применялись такие варварские способы, как опрокидывание рожениц вниз головой, таскание ее на спине, стрельба из ружей, катание по полу в завернутой кошме и проч.»³. Естественно, что случаи смерти рожениц и детей во время трудных родов были нередки.

После присоединения к России население впервые получило медицинскую помощь, основанную на научных началах. В уездных городах (Андижане, Н. Маргелане, Намангане, Коканде, Оше) были открыты больницы; в неuezдных городах — Чусте и Старом Маргелане — приемные покои. В каждом уездном центре было также по одной повивальной бабке. Производился и амбулаторный прием больных. По области стало проводиться оспопрививание (как врачами, фельдшерами и повивальными бабками, так и оспопрививателями из местного населения).

Население довольно быстро поняло преимущества лечения русских врачей. В первое время избегали обращаться к помощи русских врачей местные женщины. Однако в 80-х годах были открыты 4 лечебницы для женщин и детей в г. Коканде, Старом Маргелане, Намангане и Андижане с женщинами-врачами, фельдшерицами и женским обслуживающим персоналом. Эти лечебницы вскоре получили большую популярность среди местных женщин.

Однако, несмотря на несомненную пользу медицинских учреждений, открытых русскими властями, их было слишком мало, чтобы внести какие-либо заметные улучшения в дело охраны народного здоровья. «...Какой энергией ни обладал бы уездный врач, — писал Кушелевский, — как бы он ни был предан своему делу — он поставлен в физическую невозможность относительно подания медицинской помощи населению всего уезда, а потому деятельность его в этом отношении почти фиктивна»⁴.

¹ Полев. зап. № 27 за 1954 г.

² Там же.

³ ЦГИА УзССР, ф. 19, Ел. хр. 2478 (1888—91 гг.).

⁴ Кушелевский, Ук. соч., т. III, стр. 281—282.

Об этом же свидетельствуют следующие цифры: за 5 лет — с 1881 по 1885 год — к врачебной помощи обращалось только 84 каракалпак (т. е. в среднем по 17 человек в год), причем в больнице лежало только 3 человека¹. (по всей Ферганской области). За весь 1899 год к врачу Наманганского уезда обращалось за помощью только 5 каракалпак².

Основная масса населения из-за недостатка квалифицированной медицинской помощи по-прежнему была вынуждена обращаться к местным табибам. Поэтому, — писал Кущелевский, — „мы, несмотря на явный вред, приносимый ими (табибами) народонаселению, вынуждены сквозь пальцы смотреть на все безобразия, совершаемые перед нашими глазами“³.

В 1884—91 годах в Туркестанском крае врачами, а также областной и уездной администрацией горячо обсуждался вопрос о том, надо ли запрещать деятельность табибов или нет. Указывалось на несомненный вред, причиняемый населению деятельностью табибов, особенно вследствие неумелого применения ядовитых и сильнодействующих веществ. Однако указывалось и на совершенно недостаточное количество квалифицированных врачей. „... Казалось бы, — писал начальник Маргеланского уезда, что предварительно следовало бы организовать медицинскую часть так, чтобы население в туземных табибах не нуждалось; при данных же условиях двухсоттысячное население, скажем Маргеланского уезда, обойтись без знахарей не может“⁴. Общий вывод большинства уездных начальников Ферганской области был следующим: они „сообщили, что считают запрещение деятельности табибов и продажи ядовитых и сильнодействующих веществ преждевременным, так как нет массовой квалифицированной врачебной помощи населению, которая заменила бы деятельность местных табибов“⁵.

В дальнейшем количество медицинских учреждений и медицинского персонала несколько увеличилось (например, в 1900 г. кроме больниц было 11 фельдшерских амбулаторных пунктов в уездах)⁶, однако лишь очень немногочисленного. Потребности населения в квалифицированной медицинской помощи совершенно не были удовлетворены, и к помощи табибов оно было вынуждено обращаться вплоть до Великой Октябрьской Социалистической революции.

* * *

Несмотря на очень тяжелые условия жизни, каракалпаки и в Ферганской долине развивали свое богатое устное народное

¹ Там же. Т. III, стр. 7, табл. III.

² Обзор Ферган. обл. за 1899 г. Н. Маргелан, стр. 239.

³ Кущелевский. Ук. соч., т. III, стр. 282.

⁴ ЦГИА УзССР, Ф. 19. Ед. хр. И1671/1884.

⁵ Там же.

⁶ Обзор Ферган. обл. за 1900 г. Н. Маргелан, стр. 103.

творчество; жанры фольклора каракалпаков разнообразны — это героический эпос и любовно-лирические дастаны, исторические легенды, генеалогические предания, сказки, песни (исторические, обрядовые — свадебные, похоронные и др.), пословицы, поговорки, загадки. В фольклоре народ воспевал подвиги богатырей — защитников народа от иноземных захватчиков, остроумно высмеивал эксплуататоров, выражал недовольство тяжелой жизнью, вспоминал легендарную землю предков — Жидели-Байсун, мечтал о светлом будущем¹.

Дастаны пелись сказителями (бахши)² под аккомпанемент струнных щипковых инструментов — дутара и читара. Сказители ферганских каракалпаков пели такие дастаны: „Алпамыш“, „Гор углы“, „Рустам“, „Ауез-хан“, „Раушан-бек“, „Юсуп и Ахмет“ и др. Однако эти дастаны были известны и узбекам, и другим народам Средней Азии. О таком же собственно каракалпакском старинном дастане, как „Қырк қыз“, восходящем еще к далеким предкам каракалпаков, они утратили память. Не пели у них и таких дастанов, как „Қоблан“, „Маспадша“, известных у хорезмских каракалпаков.

Нам называли целый ряд сказителей из ферганских каракалпаков, певших в прошлом дастаны: Хатам-Бахши (из кишлака Беш-кепе), Таш-бахши и Базар-бахши (Ак-Тепе), Бегимкул-бахши и Тажибай-бахши (Сарыг-Су), Ильямуинов Шай-Юсуф (Найман), Бахтияр-бахши и Бердикул-бахши (Шур-Кишлак) и др.³

Смычковый музыкальный инструмент — кобуз — тоже бытовал среди ферганских каракалпаков, однако под его аккомпанемент не пели: на нем лишь играли музыканты (хатамбул)⁴. У хорезмских же каракалпаков героические дастаны сказители (жрау) пели именно под аккомпанемент этого инструмента⁵.

Исторические предания о переселении каракалпаков из легендарной земли предков Жидели-Байсуна и расселении их в Ферганской долине были широко распространены среди ферганских каракалпаков, известны многим старикам (в настоящее время они постепенно забываются). Предания эти, передаваемые от отца к сыну, от деда к внуку, безусловно, отражают до известной степени ход исторических событий, хотя к ним и надо относиться критически, используя их как вспомогательный исторический источник.

¹ Ряд примеров фольклора ферганских каракалпаков мы приводили выше; здесь органичимся ссылками на них.

² Совпадение названия с бахши, дававшим сеансы камлания.

³ Полев. зап. № 49 1953 г. и № 11, 24, 30 и 34 за 1954 г.

⁴ Полев. зап. № 49 за 1953 г.

⁵ См. С. Камалов. Ук. соч., стр. 163.

Заслуживает большего внимания то обстоятельство, что исторические легенды ферганских каракалпаков имеют значительное сходство с частью легенд хорезмских каракалпаков. И в легендах части хорезмских каракалпаков место прежнего обитания каракалпаков носит название Жидели-Байсун, причем переселение их в Хорезмский оазис и у них объясняется поражением каракалпаков в борьбе с казахами¹. Сходство исторических легенд является отражением общности исторических судеб предков этих обеих групп каракалпакского народа.

В исторических песнях, входящих частично в состав легенд, отражается тоска народа по утраченной земле предков — легендарном Жидели-Байсуне.

Кроме исторических, широко были распространены и другие песни, например, обрядовые (свадебные — яр-яр, бет-ашар, похоронные — жоклау) и др.

Сказки (ертеклер) также были одним из любимых видов фольклора ферганских каракалпаков. В сказках остроумно высмеивались представители мусульманского духовенства и другие эксплуататоры. Такова, например, сказка про взяточничество казая, приведенная выше. Для этой же цели часто служили и „Афанды“ — короткие остроумные сказки-анекдоты про хитрого Афанды. В сказке про то, как Афанды стал табибом, например, показывается и отношение населения к невежественным табибам, часто обманом старавшимся получить плату за лечение, когда фактически и лечения-то никакого не было².

Были распространены и сказки про животных. Информатор Орынбай Исмаилов, каракалпак, 54 лет, из кишлака Ак-Тепе (Фрунзенский район, Ферганской области) рассказывал нам две такие сказки: о быке, козе и петухе, победивших втроем тигра, волка и ласу; а также о дикой кошке, перехитрившей волка и медведя и ставшей хозяином леса³.

В сказках и легендах отражается и сознание каракалпаками родственных связей с другими народами, и особенности хозяйства каракалпаков. Такова легенда про Кара-Калпака и Кызыл-Калпака.

„Битта адамнынг еки-та улы бо(л)ған. Ол адам бай бо(л)ған. Битта улы Кара-Калпак кийген, биттасы Кызыл-Калпак кийген. Атасы олген. Бунынг туйеси, малы, жылкысы, қойы коп бо(л)ған. Қойды, туйени Кызыл-Калпакка берген. Ол тау жағалаған. Оны қазак деген. Атасынан болип қара малды Кара-Калпак аған. Бу колди, Сыр жағалап кеткен. Кара-Калпак пенен Кызыл-Калпак (Қззак) ака-ука бо(л)ған. Аталаш бо(л)ған“.

¹ Т. А. Жданко. „Очерки исторической этнографии каракалпаков“, стр. 134.

² См. выше. гл. III. (4)

³ Полев. зап. № 27 за 1954 г.

⁴ Полев. зап. № 24 за 1954 г.

„У одного человека было два сына. Он был богатый человек (бай). Один сын носил черную шапку, другой — красную. (И их звали Кара-Калпак и Кызыл-Калпак). Отец умер. У него было много верблюдов, коров, лошадей и овец. Овцы и верблюды он отдал Кызыл-Калпаку. Тот ушел в горы, чтобы пасти скот. Его стали называть казахом. Крупный рогатый скот достался Кара-Калпаку. Он пас скот на берегах озер и Сыр-Дарьи. Кара-Калпак с Кызыл-Калпаком (Казахом) были родные братья“¹.

В этом генеалогическом предании отражены в легендарной форме родственные связи каракалпаков с казахами и особенности скотоводства каждого из этих народов: разведение каракалпаками крупного рогатого скота на берегах озер и рек и отгонное скотоводство казахов с преобладанием в стаде овец и верблюдов. Интересно отметить, что эта же легенда бытует и у хорезмских каракалпаков².

Широко были распространены пословицы и поговорки (макал), в которых отразилась народная мудрость. Пословицы и поговорки также служили для острой критики эксплуататоров и их приспешников. Распространенным видом фольклора были также загадки (топишмок).

Таковы основные виды устного народного творчества ферганских каракалпаков, существовавшего и развивавшегося у них, несмотря на тяжелые бытовые условия и двойной гнет эксплуататоров.

Фольклор ферганских каракалпаков требует специального изучения. Однако уже после предварительного изучения можно сказать, что хотя устное народное творчество каракалпаков Ферганы подверглось значительному узбекскому влиянию, некоторые виды фольклора каракалпаков совершенно не свойственны узбекам и, наоборот, близки к фольклорным произведениям хорезмских каракалпаков (исторические легенды и песни, предания — генеалогии и др.).

¹ Там же.

² Об этом нам сообщила кандидат исторических наук Т. А. Жданко. Эта легенда была записана Каракалпакским этнографическим отрядом Хорезмской экспедиции в Муйнакском районе Кара-Калпакской АССР. В этом варианте легенды имя казах — Ак-Калпак.

IV.

ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ФЕРГАНСКИХ КАРАКАЛПАКОВ В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Великая Октябрьская социалистическая революция принесла освобождение от всех форм социального и национального гнета всем народам нашей страны. Одним из первых декретов, изданных после победы Октябрьской революции была „Декларация прав народов России“, подписанная 2 ноября 1917 года В. И. Лениным. В этой декларации было провозглашено равенство всех народов России, право наций на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельных государств, отмена всех национальных привилегий и ограничений и свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России¹. Эта декларация показала, что национальная политика Советского правительства коренным образом отличается от колонизаторской политики царизма. В результате проведения ленинской национальной политики была устранена всякая почва для национального гнета и национальной розни.

В 1918 году была образована Туркестанская Советская Социалистическая республика, а после окончания гражданской войны—в 1924 году—было проведено историческое национально-государственное размежевание Средней Азии, в результате которого впервые в истории Средней Азии были образованы национальные государства—Узбекская и Туркменская Союзные республики, изъявившие желание вступить в состав СССР. В ходе национально-государственного размежевания в основном районе расселения каракалпаков—в низовьях Аму-Дарьи и была образована Кара-Калпакская Автономная область, вошедшая в

тот период в состав Казахской АССР¹. Каракалпакский народ впервые получил автономию, что имело огромное значение для развития его хозяйства и культуры—национальной по форме, социалистической по содержанию. Но отдельные небольшие группы каракалпаков, ходом исторических событий предшествующих веков оторванные от большинства народа, оказались за пределами Каракалпакской Автономной области (впоследствии ККАССР), и развитие их социалистического хозяйства и культуры происходило на территории братских республик, где им были предоставлены для этого все возможности. Одной из таких групп являлись и ферганские каракалпаки. Большая часть прежней территории Ферганской области вошла в состав Узбекской ССР, и ферганские каракалпаки в дружной семье народов Узбекистана получили возможность свободно развивать свое хозяйство и культуру, которая в силу сложившихся здесь исторических условий шла по пути все большего сближения с культурой братского узбекского народа.

За годы Советской власти между узбеками, каракалпаками, таджиками, киргизами и другими народами Ферганской долины установилась тесная дружба, отношения социалистического сотрудничества и взаимопомощи в выполнении общих хозяйственных задач. Процесс сближения ферганских каракалпаков с узбеками, происходивший и до Октябрьской революции, за годы Советской власти значительно усилился. Устранение национальной розни, всех видов национального гнета, национальное равноправие, являющееся основой национальной политики Коммунистической партии Советского Союза, дружба народов, отношения социалистического сотрудничества и взаимопомощи между узбеками и каракалпаками еще более сплотили близких по культуре узбеков и каракалпаков Ферганской долины.

В 1925 году Чрезвычайная сессия ЦИК УзССР приняла декрет о проведении земельно-водной реформы в Ферганской, Самаркандской и Ташкентской областях. После проведения земельно-водной реформы в Ферганской области трудящиеся дехкане получили огромные площади земель, отобранных у баев. Земельно-водная реформа создала необходимые предпосылки для социалистической перестройки дехканского хозяйства. А в 1929-1930 годах Коммунистическая партия Узбекистана вместе со всей Коммунистической партией Советского Союза осуществила переход от политики ограничения кулацких элементов к политике ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. В кишлаке победил колхозный строй.

Строительство социализма в Узбекистане проходило при

¹ Как известно, в 1932 году Каракалпакская Автономная область была преобразована в автономную республику, вошедшую в состав РСФСР. С 1936 г. ККАССР входит в Узбекскую ССР.

¹ Сборник документов „Образование СССР“. М.—Л., 1949 г., стр. 20.

помощи великого русского народа, под руководством Коммунистической партии Советского Союза. Коммунистической партией и Советским правительством была намечена развернутая программа социалистического строительства в Советских республиках Востока; были намечены следующие первоочередные мероприятия: 1) создание промышленных очагов, как базы для сплочения крестьян вокруг рабочего класса; 2) поднятая сельского хозяйства и прежде всего орошения; 3) развертывание кооперирования широких масс крестьян и кустарей; 4) приближение Советов к массам, насаждение национально-советской государственности, близкой и понятной трудящимся массам; 5) развитие культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию, насаждение широкой сети курсов и школ на родном языке для подготовки советско-партийных и профессионально-хозяйственных кадров из местных людей¹.

Намеченная программа построения социализма в бывших отсталых колониальных окраинах России была успешно выполнена за годы Советской власти. В республиках Средней Азии, в частности в Узбекистане, создана крупная социалистическая промышленность с ведущей ролью тяжелой индустрии, сложилось социалистическое сельское хозяйство, развилась культура, национальная по форме, социалистическая по содержанию.

Только в годы Советской власти каракалпаки Ферганской долины вместе со всеми народами нашей страны получили освобождение от всех форм национального и социального гнета и с помощью великого русского народа, совместно с братским узбекским и другими народами Ферганской долины построили социалистическое общество, свободное от всякой эксплуатации.

1. ИЗМЕНЕНИЯ В ХОЗЯЙСТВЕ ФЕРГАНСКИХ КАРАКАЛПАКОВ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

После Великой Октябрьской социалистической революции в хозяйстве народов Узбекистана произошли коренные изменения. До революции это была отсталая колониальная окраина, развитие промышленности которой стеснялось интересами русского капитализма, допускавшего там лишь существование небольших заводов по первичной обработке сельскохозяйственного сырья (главным образом хлопкоочистительных и маслобойных), а сельское хозяйство которой базировалось на самой примитивной технике, причем развитие хлопководства приводило к быстрому разорению основной массы трудящегося дехканства. За годы Советской власти Узбекистан превратился в индустриальную республику с высокоразвитым сельским хозяйством. Валовая продукция всей промышленности Узбекистана

с 1913 по 1958 год увеличилась в 17 раз¹. По производству продукции промышленности Узбекская ССР находится на третьем месте среди республик Советского Союза, причем половина вырабатываемой продукции приходится на долю ведущей, тяжелой промышленности — металлургической, машино-строительной, энергетической, угольной, нефтяной, химической и др.² Хлопкоочистительные и маслобойные заводы теперь базируются на новой высокой технике. Больше 60 процентов всесоюзного шелка-сырца изготавливается на шелкомотальных фабриках Узбекской ССР. В республике создана мощная текстильная промышленность, пищевая промышленность и др.

Передовое коллективизированное сельское хозяйство республики основано на машинной технике, применении передовых агротехнических приемов, высокопроизводительном коллективном труде, при высоком уровне материальной и культурной жизни колхозников.

Узбекистан является основной хлопковой базой Советского Союза, производя $\frac{2}{3}$ всесоюзного хлопка-сырца³.

Советское правительство с первых лет своего существования уделяло огромное внимание развитию в Узбекистане хлопководства и расширению ирригационной сети — базы для развития хлопководства. В. И. Ленин в своем письме коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана и Горской республики писал: „Орошение особенно важно, чтобы поднять земледелие и скотоводство во что бы то ни стало... Сразу постараться улучшить положение крестьян и начать крупные работы электрификации, орошения. Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму“⁴. Уже в 1918 году был издан за подписью Ленина декрет „Об организации оросительных работ в Туркестане“, ассигновавший на проведение этих работ 50 миллионов рублей⁵. В 1920 году было издано Постановление Совета Народных Комиссаров за подписью Ленина о всемерном развитии хлопководства в хлопководческих районах⁶, причем со стороны Совета Народных Комиссаров были обеспечены хлопкоробам помощь и содействие. В результате постоянного вни-

¹ Речь Н. А. Мухитдинова на XXI съезде КПСС. „Правда“ от 31/1—1959 г.

² Узбекистан. Справочник. Ташкент. 1958 г., стр. 7.

³ Торжество ленинской национальной политики в Узбекистане. Материалы отдела пропаганды и агитации ЦК КП Уз. и института истории партии при ЦК КП Уз. — филиала Инс-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ташкент, 1957 г., стр. 25.

⁴ В. И. Ленин. Сочинения, т. XXVI, стр. 192.

⁵ Социалистическое строительство в Узбекистане. Решения ЦК ВКП (б) и Правительства СССР об Узбекистане. Ташкент, 1947 г.

⁶ Там же.

¹ И. В. Сталин. Доклад на собрании студентов КУТВ. Соч. Т. VII.

мания со стороны Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства к вопросам развития ирригации и хлопководства в Узбекистане за годы Советской власти была построена целая сеть новых образцовых каналов, что позволило освоить сотни тысяч гектаров новых земель. В Узбекистане за годы Советской власти было израсходовано на создание и развитие ирригационной сети в 40 раз больше средств по сравнению со всем колониальным периодом на территории всей Средней Азии. Сбор хлопка-сырца по сравнению с 1913 годом увеличился почти в 6 раз¹. В результате широкой механизации сельскохозяйственных работ и внедрения передовой агротехники год от году увеличивалась урожайность хлопка: в сравнении с 1913 годом в 1958 году урожайность хлопка-сырца в Узбекистане возросла с 12 до 22 центнеров с гектара². Большую роль в дальнейшем подъеме хлопководства сыграло совещание хлопководов республик Средней Азии, Закавказья и Казахской ССР, созванное в ноябре 1954 г., а также последующие решения партии и правительства в отношении сельского хозяйства.

На основе решений XXI съезда КПСС по развитию народного хозяйства в предстоящем семилетии в Узбекистане намечен громадный рост промышленности и сельского хозяйства. В эти годы намечено увеличение общего объема продукции промышленности Узбекской ССР в 1,8 раза. Огромные задачи стоят перед Узбекистаном и в области сельского хозяйства. К концу семилетия намечено увеличить производство хлопка в республике в 1,2—1,3 раза³. Крупные работы намечены и в области ирригационного строительства, что приведет к росту посевных площадей на сотни тысяч гектаров. С освоением земель Голодной степи и Центральной Ферганы, и ряда других районов, а также с дальнейшим повышением урожайности хлопчатника намечается довести производство хлопка-сырца в республике до 3,6—3,8 млн. тонн. Большие задачи поставлены в предстоящем семилетии и в области животноводства и в других отраслях сельского хозяйства Узбекистана.

За годы Советской власти коренным образом изменилась и экономика Ферганской долины. Здесь создана социалистическая промышленность—появились крупные предприятия нефтедобывающей, химической и строительной промышленности, крупные электростанции, машиностроительные заводы, хлопчатобумажные и шелкоткацкие фабрики, построены мощные, оснащенные новейшей техникой хлопкоочистительные заводы⁴.

Развилось в Ферганской долине, как и во всей нашей стране, и крупное социалистическое сельское хозяйство. Ферганская долина является основным хлопководческим районом Узбекистана. Но Ферганская долина известна не только своим хлопководством; в ней сосредоточено около 1/4 садов и виноградников, около 1/4 посевов риса в Узбекистане.

Ферганская долина является также основным центром шелководства Узбекистана: три области её дают более половины коконов Узбекской ССР¹. Среди сельскохозяйственных культур Ферганской долины большое распространение имеют посевы люцерны и огородно—бахчевые культуры². Сельское хозяйство долины, как и всего Узбекистана, базируется на широкой механизации основных сельскохозяйственных работ, на применении передовой агротехники. Результатом этого, а также результатом героического труда ферганских колхозников явилась высокая урожайность хлопка. Целый ряд передовых колхозов добился урожая в 30—40 центнеров с гектара—некоторые из них были представлены на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Огромное внимание ЦК Коммунистической партии Советского Союза, Советское правительство, а также ЦК Компартии и Правительство Узбекистана уделяли развитию ирригации в Ферганской долине, издавна страдавшей от маловодья. Ферганская долина, в основном, орошалась водой рек, стекавших с гор, окружающих долину. Вода этих рек полностью разбиралась на орошение, причем в части рек не хватало воды в весенний и летний период, в других—осенью. Это служило препятствием к росту посевных площадей в долине. Сыр-Дарья и Нарын мало использовались для орошения в силу значительных трудностей выведения из них каналов. В годы гражданской войны и басмачества и существующая ирригационная сеть пришла в упадок. После ликвидации басмачества, в восстановительный период (1923—1928 гг.) началось восстановление оросительных систем. Вскоре после земельно-водной реформы был построен канал Янги-Фергана, оросивший несколько тысяч гектаров земли в Яз-Яванской степи³. В годы первой и второй пятилеток были построены: канал имени Ахунбабаева, прошедшей через территорию, заселенную, в основном, ферганскими каракалпаками; Балыкчинский канал, оросивший земли, где также в числе другого населения были расселены каракалпаки, канал Савай, Кувинская ветка и др. Многие старые каналы были выпрямлены и углублены, а также снабжены головными сооружениями.

¹ Сборник „Узбекистан“, стр. 228.

² Мы говорим о направлении сельского хозяйства на поливных землях; на богарных землях, находящихся, в основном, в предгорной полосе, основными являются зерновые культуры.

³ В. Я. Непомнин. „К истории ирригации в Узбекистане“, Ташкент, 1940 г., стр. 43.

¹ Торжество ленинской национальной политики в Узбекистане. Стр. 27

² Там же, а так же „Правда Востока от“ 8/1—1959 г.

³ Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР за 1959—1965 годы. Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. М. 1959 г. стр. 225.

⁴ См. Узбекистан. Эконом-географическая характеристика. Ташкент 1950 г, стр. 229.

ми инженерного типа. Проводились и большие мелиоративные работы по борьбе с заболачиванием и засолонением почвы; создавалась дренажная сеть, коллекторы, отводящие высоко стоящую подпочвенную воду, а также отработанную воду оросительной сети. Наиболее крупными в Ферганской долине были Сарысуйские и Сох-исфаринские коллекторы¹.

Особенно широкий размах получило ирригационное строительство в Ферганской долине в 1939 и 1940 годах, когда силами колхозников были построены три огромных канала, перестроивших всю систему орошения долины и ликвидировавших маловодье в основной её части—Большой Ферганский канал имени Сталина, Северный и Южный Ферганские каналы. Идея строительства Большого Ферганского канала была выдвинута узбекским народом и горячо поддержана ЦК Коммунистической партии Советского Союза и Советским правительством. Они оказали огромную помощь строителям, выделив для стройки 20 миллионов рублей, 15 тысяч кубометров леса, 200 автомашин, 60 тракторов, железо, цемент и др. Большой Ферганский канал длиной в 270 километров был построен за 45 дней. Это был героический трудовой подвиг строителей канала, так как по прежним нормам на строительство этого канала потребовалось бы 7 лет. На стройку канала вышли 160 тысяч человек. В числе этих строителей были не только колхозники Ферганской долины, но и трудящиеся всех республик Советского Союза, откликнувшиеся на замечательную идею трудящихся Ферганы о строительстве этого канала. Трудовой энтузиазм строителей был настолько велик, что целый ряд передовых звеньев выполнял нормы на 1000 процентов (движение дустматовцев). В строительстве Большого Ферганского канала принимали участие и каракалпакские колхозники. Многие из них за трудовые подвиги получили правительственные награды. Так, например, были награждены медалями „За трудовую доблесть“ колхозники Урумбай Осеров и Абдурахман Баймурзаев из колхоза имени Андреева, Фрунзенского района, Ферганской области².

В результате строительства Большого Ферганского канала 24 района Ферганской долины, в которых сосредоточено 75 процентов посевных площадей Ферганской области, были обеспечены водой. Были орошены заново 40 тысяч гектаров новых земель и улучшена водообеспеченность районов, расположенных на левом берегу Сыр-Дарьи и в низовьях Исфайрам—Шахмарданской и Сох-Исфаринской ирригационных систем. Все это позволило расширить посевные площади под хлопком и улучшить качество возделывания его посевов, улучшить животноводство (за счет значительного расширения посевов лю-

церны), шелководство, садоводство, виноградарство и другие отрасли хозяйства. Улучшилось водоснабжение и земель, заселенных ферганскими каракалпаками. Большой Ферганский канал в Избаскентском, Андижанском, Алтынкульском, Фрунзенском и других районах проходит и через территории, часть населения которых составляют ферганские каракалпаки.

В колхозе имени Андреева Фрунзенского района, Ферганской области нам рассказывали, что раньше их колхоз получал воду из Ак-Тепе-сая, выведенного из реки Сох. Однако с водой было плохо, так как до их колхоза она доходила лишь в середине лета. После проведения Большого Ферганского канала Ак-Тепе-сай без воды никогда не бывает, так как в нужное время он подпитывается водой БФК¹.

В 1940 году методами народныхстроек были построены Северный и Южный Ферганские каналы, из которых для орошения земель ферганских каракалпаков имеет большое значение Северный канал, начинающийся близ Уч-Кургана и прорытый вдоль правого берега Нарына и Сыр-Дарьи. Этот канал обеспечил водой колхозы Чустского, Папского, Тюря-Курганского районов Узбекистана и Аштского района Таджикистана². В послевоенные годы продолжаются работы по расширению ирригационной сети в Ферганской долине, по реконструкции и техническому улучшению оросителей, по освоению земель в Центральной Фергане. В настоящее время эти работы развернуты особенно широко. Огромное значение для экономики всей Ферганской долины имеет сооружение в западной части долины Кайрак-Кумской ГЭС и водохранилища.

В связи с послевоенным ирригационным строительством интересна история нового колхоза „Сталинабад“, возникшего в 1951 году на территории Центральной Ферганы, на месте артели по выделке цыновок „Кзыл Октябрь“. Население кишлака Сары-Су до революции вело типичное комплексное хозяйство (занималось земледелием на каирных землях, скотоводством, рыболовством на озерах, выделкой цыновок). В 30-х годах здесь возникла артель по выделке цыновок (бойрачылык) „Кзыл Октябрь“. Члены артели изготовляли и сдавали государству цыновки, получая за это деньги и продукты. Кроме того, для собственных нужд, они занимались земледелием, рыболовством, скотоводством. В 1951 году на месте артели „Кзыл Октябрь“ возник колхоз „Сталинабад“. После организации колхоза здесь был проведен коллектор и местность осушена. В 1953 году к территории колхоза был проведен оросительный канал (отведенный от БФК). На территории нового

¹ Полев. зап. № 19 за 1954 г.

² Об ирригационном строительстве в Ферганской долине см. сборник „Узбекистан“, стр. 156—166; В. Я. Непомнин. „К истории ирригации в Узбекистане“, стр. 38—53 и др.

¹ Сборник „Узбекистан“, стр. 156—157, 241.

² Полев. запись № 19 за 1954 г.

колхоза стал возделываться хлопчатник. Для колхозников Облстройконторой и колхозом построено 130 стандартных домов. Колхоз электрифицирован и радиофицирован, имеет школу-семилетку, медпункт и другие культпросветучреждения.

Таким образом, строительство крупных ирригационных каналов, проводившееся в Ферганской долине в годы Советской власти, охватило и территорию расселения ферганских каракалпачков. Кроме крупных магистральных каналов общеперганского масштаба в каракалпачских колхозах были построены многочисленные мелкие арыки-распределители и оросители, а также углублены и выпрямлены старые арыки.

Наиболее трудоемкие работы по ежегодной очистке каналов, а особенно по их проведению в настоящее время механизированы: все шире используются на этих работах экскаваторы, землесосы, канавоочистители и др.

Направление хозяйства в колхозах ферганских каракалпачков то же, что и в других колхозах Ферганской долины. Основной сельскохозяйственной культурой является хлопок. Но каракалпачские колхозы, как и другие сельхозартели Ферганской долины, имеют многоотраслевое хозяйство: на колхозных полях разводятся рис, люцерна, другие культуры, развиты огородничество и бахчеводство (возделывают дыни, арбузы, лук, морковь, картофель, помидоры), садоводство (выращиваются яблоки, груши, айва, абрикосы, персики, гранаты) и виноградарство. Для примера приведем соотношения сельскохозяйственных культур, разводимых в двух колхозах в 1953 году¹: в колхозе имени Сталина, сельсовета Каракалпак, Московского района, Андижанской области, где каракалпачки составляют около 70 процентов населения, и в колхозе имени Дзержинского (сельсовет Беш-Келе, Наманганского района, Наманганской области), где каракалпачки составляют, приблизительно, $\frac{1}{3}$ часть населения (6 из 18 бригад). Оба колхоза являются передовыми².

В колхозе имени Сталина в 1953 году хлопок занимал 826 гектаров поливной земли. 150 гектаров было под посевами кормовых культур (из них 143 гектара занимала люцерна), 10 гектаров под рисом, 10 гектаров под огородом и 12 гектаров под садом (в саду были высажены виноград, яблони, груши, абрикосы, айва, персики, инжир, гранаты)³.

В колхозе имени Дзержинского в 1953 году 930 гектаров было занято под хлопком, 330 гектаров—под люцерной, 20 гектаров—под рисом, 6 гектаров занимали бахчевоогородные культуры (дыни, арбузы, картофель, помидоры, лук, морковь), 12 гектаров—сад (яблони, груши, айва, персики, урюк, сливы,

гранат, инжир, виноград)⁴. Приблизительно тот же состав сельскохозяйственных культур мы наблюдаем и в других колхозах⁵, только сады встречаются не везде. Колхозы снабжены в достаточном количестве современной сельскохозяйственной техникой. Большая часть сельскохозяйственных работ (пахота, боронование, посев, культивация, очистка курака, внесение удобрений, борьба с вредителями сельскохозяйственных культур и др.) механизированы. Все более внедряется механизация и в дело уборки хлопка при помощи хлопкоуборочных машин. МТС оказывали огромную помощь колхозам в механизации полевых работ. Колхоз имени Сталина обслуживался II Андижанской МТС, от которой он получал тракторы, хлопкоуборочные и куракоочистительные машины. Овладение передовой сельскохозяйственной техникой приводит к огромному культурному росту колхозного крестьянства, из среды которого выходят трактористы, механики и др. специалисты.

Сельскохозяйственные работы ведутся с применением передовой агротехники. Государство обеспечивает колхозы не только механизмами, а и выделяет им минеральные удобрения, лучшие семена и т. д. Большую роль играет помощь агрономов, многие из которых являются уроженцами колхозов, где они сейчас работают. Так, в колхозе имени Дзержинского (сельсовет Беш-Келе) в качестве агронома работает тов. Абдиллаев, по национальности каракалпак, уроженец этого колхоза, окончивший сельскохозяйственный техникум в Ташкенте⁶.

На базе высокой механизации и в результате невиданного энтузиазма колхозного крестьянства, применения передовой агротехники каракалпачские колхозы достигли богатых урожаев. Так, колхоз имени Шверника (сельсовет Тайпак) в 1953 г. собрал по 30,5 центнера с гектара, а передовое звено К. Артыкова по 37,5 центнера⁴. Колхоз „Пахтакор“, Балыкчинского района в 1954 году с каждого из 525 гектаров сдал государству по 35,3 центнера хлопка⁵. Лучшие колхозники и колхозницы собирают в день по 170—200 килограммов хлопка-сырца, а за сезон успевают собрать по 10 тыс. килограммов и больше. Так, в колхозе „Коммунист“ (сельсовет Джамашуй Задарьинского района, Наманганской области) колхозница Джангиш Козыбаева (по национальности каракалпачка) в 1952 году

¹ Дневник № 2 за 1953 г.

² Например, в колхозе имени Ленина сельсовета Момохон, Задарьинского района, Наманганской обл. было занято под хлопком 450 гект., люцерной—103 гект., рисом—20 гект., бахчевыми—5 гект.; в колх. имени Жданова с/с Кема-Баши, Наманганск. обл. под хлопком—695 гект., люцерной—204 гект., под рисом—107,5 гект. (Дневн. № 1 и полев. зап. № 30 за 1953 г.).

³ Полев. зап. № 51 за 1953 г.

⁴ Из дневника 1954 г.

⁵ Газ. „Правда Востока“, 23 ноября 1954 г.

¹ В 1953 г. мы изучали эти колхозы.

² Полев. зап. № 1 за 1953 г.

собрала 10500 килограммов хлопка¹. Хабиба Турабаева из колхоза имени Сталина (сельсовет Каракалпак) в том же году довела выработку за сезон до 12300 килограммов².

Кроме полеводства, играющего безусловно ведущую роль, каракалпакские колхозы занимаются и животноводством. В них разводится крупный рогатый скот, лошади, овцы и козы; в небольших количествах они имеют также ослов и верблюдов. В колхозах развито птицеводство—разводятся куры и в меньшей степени утки. Для примера покажем, какими видами скота владели в 1953 году два каракалпакских колхоза. Колхоз имени Сталина (сельсовет Каракалпак) имел 140 лошадей, 240 голов крупного рогатого скота, 1000 баранов, 7 коз, 40 свиней, 10 ослов, 3 верблюда, 550 кур и 60 уток³. В колхозе „Коммунист“ (сельсовет Джамашуй) было 58 лошадей, 115 голов крупного рогатого скота, 443 барана, 43 козы, 13 ослов, 4 верблюда и 150 кур⁴. Тот же состав скота наблюдается и в других колхозах каракалпаков Ферганы. Следует отметить, что в колхозах Наманганской области больше, чем в других областях Ферганской долины, занимаются разведением коз.

В животноводстве ферганских каракалпаков (как и других народов Ферганской долины)⁵ сочетаются стойловое и отгонное содержание скота⁶. Для содержания скота в колхозах созданы благоустроенные фермы (обычно их несколько, например, в колхозе имени Сталина, сельсовета Каракалпак, три фермы)⁶. На зиму для скота заготавливается корм (люцерна, хлопковый жмых-гунжара, рисовая солома (пахал) и камышовое сено пшен)⁷.

Летом в колхозе остается лишь рабочий скот и дойные коровы, а остальной скот отправляется в горы соседней Киргизской ССР, где он пасется с мая по октябрь. Со скотом в горы отправляется несколько пастухов. Часто в качестве пастухов работают киргизы, как лучшие специалисты в деле отгонного скотоводства⁸. Налажено ветеринарное обслуживание скота. В колхозах имеются ветеринарные фельдшеры, часто являющиеся также уроженцами колхозов, в которых работают. В колхозе имени Дзержинского (сельсовет Беш-Кепе) ветеринарным фельдшером работает Абдуламид Колдаров, по нацио-

¹ Из дневника 1954 г.

² Полев. зап. № 51. См. также полев. зап. № 30 и дневник № 1 за 1953 г.

³ Полев. зап. № 1 за 1953 г.

⁴ Полев. зап. № 51 и 30, а также дневник № 1.

⁵ См. О. А. Сухарева и М. А. Бикжанова „Прошлое и настоящее селения Айкыран“, стр. 73.

⁶ Полев. зап. № 1 за 1953 г.

⁷ Полев. зап. № 1, 30, 51 за 1953 г.

⁸ Полев. зап. № 51 за 1953 г.

нальности каракалпак, окончивший Наманганский ветеринарный техникум¹.

За последние годы животноводство в колхозах Ферганской долины поднимается на еще более высокий уровень. Трудящиеся всех областей Ферганской долины борются за выполнение поставленной партией задачи—в ближайшие годы догнать США по производству мяса, молока и масла на душу населения.

В годы Советской власти перестроено на научной основе и шелководство, распространенное в Ферганской долине и до Октябрьской революции. Следует отметить, что до революции шелководство в Ферганской долине носило весьма примитивный характер. Грена в значительной степени завозилась из-за границы, тутовые насаждения расширялись очень медленно. Лишь в годы Советской власти шелководство в Ферганской долине стало развиваться на научной основе. Было построено несколько гренажных заводов, выпускающих высококачественную grenу. Значительно расширилась площадь тутовых насаждений, распространены новые высокоурожайные их сорта, усовершенствовались агротехника в шелководстве. Организованы инкубатории, а с 1940 года и общественные червоводни, что привело к заметному росту урожаев коконов². В колхозе имени Сталина (сельсовет Каракалпак) в 1952 году с каждой коробки grenы было получено по 62 килограмма коконов³.

Новой отраслью животноводства, получившей развитие лишь в послевоенные годы, явилось пчеловодство. Пчелы—хорошие опылители хлопка. Поэтому улучшение опыления хлопка здесь считают основной целью развития пчеловодства. Мед же выдается колхозникам на трудодни. В колхозе имени Сталина (сельсовет Каракалпак) имеется 112 ульев⁴, а в колхозе имени Дзержинского (сельсовет Беш-Кепе)—120. Занимаются пчеловодством и другие колхозы, населенные ферганскими каракалпаками.

Таковы основные отрасли хозяйства в каракалпакских колхозах. Их хозяйство в настоящее время имеет то же направление, что и хозяйство соседних узбекских⁵, таджикских и других колхозов Ферганской долины. Какой-либо специфики в общественном хозяйстве каракалпакских колхозов мы в настоящее время не наблюдаем.

В результате широкой механизации полевых работ, внедрения передовой агротехники и упорного труда колхозного крестьянства сельхозартели стали получать большие доходы.

¹ Из дневника № 2 за 1953 г.

² Сборник „Узбекистан“, стр. 183—187.

³ Полев. зап. № 1 за 1953 г.

⁴ Из дневника № 1 за 1953 г.

⁵ См. „Прошлое и настоящее селения Айкыран“, а также сборник „Узбекистан“, стр. 228—229, 236, 237, 240—242, 244—247.

Год от году растет материальный и культурный уровень колхозников. Все больше получают колхозники на выработанные трудодни денег и продуктов. В колхозе имени Сталина (сельсовет Каракалпак) в 1951 году было выдано на каждый трудодень по 9 рублей 52 копейки и по 2 килограмма зерна¹; в колхозе имени Шверника (сельсовет Тайпак) в 1952 году — по 11 рублей и по 2,5 килограмма зерна². Таким образом, передовикам, выработавшим более 500 трудодней, в этом колхозе было выдано за год свыше, чем по 5500 рублей деньгами и по 1250 килограммов зерна.

При распределении доходов за 1951 год в колхозе имени Сталина сельсовета Шур-Кишлак, Наманганской области многие семьи получили по 10—15 тысяч рублей и смогли приобрести в личную собственность легковые автомашины. В 1953 году 9 семей этой сельхозартели имели собственные машины „Москвич“³.

Колхозы имеют возможность вести большое культурное строительство. В колхозе имени Дзержинского, например, за последние годы построен клуб, колхозная михманхана, несколько детских садов, электростанция. Значительное культурное строительство осуществляется и в других колхозах Ферганской долины.

Кроме участия в общественном труде колхоза, каждая колхозная семья ведет личное подсобное хозяйство на приусадебном участке.

В выборе сельскохозяйственных культур для приусадебных участков можно проследить остатки прежней специфики каракалпакского хозяйства: каракалпаки предпочитают разводить на приусадебных участках зерновые культуры (дзугару, пшеницу, просо, рис, кукурузу) и бахчевые (дыни, арбузы, тыквы); огородные же культуры (лук, морковь, картофель, помидоры) хотя и разводятся ими, но в сравнительно небольшом количестве. У узбеков же разведение овощей играет большую роль в приусадебном хозяйстве. Виноградники и сады (гранатовые деревья, яблони, персиковые деревья, айва и др.) теперь довольно распространены и у ферганских каракалпачков, особенно у восточных их групп. Приведем несколько примеров. На приусадебном участке Ерали Умарова (колхоз имени К. Маркса, сельсовет Найман, Задарьинского района, Наманганской области) в 1954 году из 15 соток 7 было занято дзугарой, 5 — дынями и 2 — отведены под овощные культуры — лук, морковь, помидоры⁴.

На приусадебном участке Абдирашида Кадилова, работаю-

щего поваром в колхозе имени Жданова (сельсовет Кема-Баши, Нарынского района, Наманганской области) в 1953 году из 12 соток 10 было засеяно рисом и на 2 высажены гранатовые деревья, яблони и разбит виноградник¹. У бухгалтера колхоза „Коммунист“ (сельсовет Джамашуй, Задарьинского района, Наманганской области) из 15 соток приусадебного участка 5 было занято кукурузой, 3 — рисом, 4 дынями, 2 — арбузами и 1 — луком².

В обработке приусадебных участков значительную помощь колхозникам оказывает колхоз, выделяя весной для вспашки земли омачи (хранящиеся в колхозе и применяемые для обработки приусадебных участков) и колхозный рабочий скот. В обработке приусадебных участков применяются еще старые орудия труда — кетмень, лопата (бел курак), серп (орак), деревянная лопата для веяния (ягач-курак), сито для просеивания (галбыр) и др.

Имеют колхозники в личном хозяйстве и скот — корову с теленком, баранов, коз, иногда — осла, а также домашнюю птицу — кур, реже уток и гусей³. Личный скот в горы не гоняют, а летом выпасают близ кишлака, зимой держат в хлевах (мал-хана, бастырма) и кормят отходами от полеводства и камышовым сеном. В самые последние годы наблюдаются случаи занятия пчеловодством на приусадебном участке. Этим занимаются прежде всего семьи советской интеллигенции. Например, учитель Дарман Арзиев (колхоз имени Сталина, сельсовет Каракалпак) в своем хозяйстве имеет улей⁴.

Еще не окончательно потеряло свое значение в личном хозяйстве колхозников и рыболовство. Из рыболовных снастей сейчас употребляются тор, сават, газа и удочка (кармак). Для надобностей своего хозяйства продолжается и выделка цыновок из камыша (бойра)⁵.

Осуществление постановления сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС и последующих решений партии и правительства по вопросам сельского хозяйства привело к новому мощному подъему общественного хозяйства колхозов и содействовало укреплению личного подсобного хозяйства колхозников. В решении сентябрьского Пленума подчеркивалась необходимость соблюдения важнейшего принципа сельхозартели — „правильного сочетания общественного и личного в ар-

¹ Полев. зап. № 12 за 1953 г.

² Полев. зап. № 51 за 1953 г.

³ Полев. зап. № 51 и дневник № 1 за 1953 г.

⁴ Из дневника за 1953 г.

⁵ Кое-где на заболоченных или засоленных землях, непригодных пока для развития земледелия, еще и сейчас существуют каракалпакские артели по выделке цыновок — такова например артель „Промкомбинат“, правление которой находится в Яз-Яване, Ферганской области, а цех, в кишлаке Ак-Баш, Яз-Яванского района.

¹ Полев. зап. № 1 за 1953 г.

² Из дневника 1954 г.

³ Из дневника 1953 г.

⁴ Из дневника 1954 г.

тели при подчинении личных интересов общественным¹. Тогда же для укрепления личного подсобного хозяйства колхозников были значительно снижены нормы обязательных поставок, а денежный сельскохозяйственный налог был снижен в среднем, примерно, в два раза с каждого колхозного двора. Все эти мероприятия привели к дальнейшему улучшению материального благосостояния всех колхозников Советского Союза, в том числе и ферганских каракалпаков. Проведенная ЦК КПСС и советским правительством отмена с 1958 года обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов с личного подсобного хозяйства колхозников способствует дальнейшему повышению материального благосостояния колхозного крестьянства.

* * *

Подводя итоги, мы можем сказать, что за годы Советской власти хозяйство ферганских каракалпаков из отсталого, основанного на самой примитивной технике, превратилось в передовое коллективное высокоинтенсивное хозяйство с широкой механизацией сельскохозяйственных работ, преобладанием культуры хлопчатника, внедрением прогрессивной агротехники, при значительном расширении поливных земель, вследствие проведения новых каналов, построенных на высоком техническом уровне. Что касается какой-либо специфики в хозяйстве каракалпакских колхозов по сравнению с соседними узбекскими, то мы ее совершенно не наблюдаем. В личном же хозяйстве колхозников-каракалпаков можно отметить остатки прежней специфики—в виде предпочтения сеять на приусадебных участках определенные сельскохозяйственные культуры (названные выше), некоторого, очень небольшого, значения рыболовства и бытования выделки цыновок.

2. ИЗМЕНЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ФЕРГАНСКИХ КАРАКАЛПАКОВ В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Современное селение и жилище

После Великой Октябрьской социалистической революции произошли значительные изменения в общем облике селений и жилищ ферганских каракалпаков. В новых поселках устраиваются широкие прямые улицы. И в старых кишлаках, и в новых поселках строятся новые жилые дома и красивые и удобные общественные здания. Перед правлениями колхозов, как например, сельхозартели имени Сталина, Московского района, Андижанской области, часто бывают разбиты цветни-

ки. В этом колхозе к правлению ведет красивая аллея. В тени деревьев перед правлениями колхозов зачастую строят огромные суре, служащие хорошим местом отдыха для приезжающих по делам в колхоз (например, в колхозе имени Жданова, сельсовет Кема-Баши, Нарынского района, Наманганской области). Построены школы, детсады, медпункты, клубы, читальни, иногда и колхозные гостиницы—михманхана (колхоз имени Дзержинского, сельсовет Беш-Кепе, Наманганского района). Во всех колхозах открыты магазины; построено много хозяйственных помещений—фермы, склады, сушилки для хлопка, полевые станы. Правления колхозов, клубы, читальни, медпункты, а также магазины и часть хозяйственных помещений обычно расположены в центре колхоза. Школы и детсады, если их несколько, обычно располагаются в разных частях колхоза для удобства пользования ими. Причем, если в колхоз входят несколько кишлаков, то в каждом из них имеется школа и детсад.

Что же касается планировки кишлаков, то в настоящее время её можно разделить на следующие типы:

1. Кишлаки, где еще сохранился прежний, разбросанный тип расселения каракалпаков. Там группы в несколько домов отделены одна от другой значительным расстоянием. Этот тип расселения теперь встречается редко, причем преимущественно в Задарьинском районе, Наманганской области (кишлаки Кызыл-Тал сельсовета Даудук и Кенегес сельсовета Найман). В кишлаках такого типа в первую очередь производится строительство колхозных поселков, и дома продаются колхозникам на наиболее льготных условиях.

2. Там, где наиболее сильно узбекское влияние, и особенно в смешанных узбекско-каракалпакских старых кишлаках, улицы узкие и кривые, а приусадебные участки обычно огорожены глухими заборами из гуаля или пахсы. Так как при этом жилые участки тесно примыкают друг к другу, то на улицу выходит сплошной ряд заборов. Таковы, например, кишлаки Ходжават (колхоз имени Сталина, сельсовет Ходжават, Чинабадского района, Андижанской области), Беш-Кепе (колхоз имени Дзержинского, сельсовет Беш-Кепе, Наманганского района), Туда (колхоз имени Жданова, сельсовет Кема-Баши, Нарынского района, Наманганской области).

3. Наиболее распространенными, типичными в настоящее время для ферганских каракалпаков можно считать кишлаки переходного типа. В этих кишлаках улицы есть, но застройка их не сплошная, т. е. жилые участки не вплотную примыкают друг к другу, а напротив, между ними имеются значительные расстояния (от 5—10 метров и более). Участки в таких кишлаках иногда совсем не огорожены или огорожены лишь легкой загородкой из камыша или кустарника. Заборы из пахсы или гуаля также встречаются, но не преобладают.

¹ Постановление сентябрьского Пленума ЦК КПСС (1953 г.).

Таковы, например, кишлаки Кема-Баши (колхоз имени Жданова, сельсовет Кема-Баши, Нарынского района, Наманганской области), Момохон (колхоз имени Ленина, сельсовет Момохон, Задарьинского района, Наманганской области), Гульди-раук (колхоз имени Сталина, сельсовет Шур-Кишлак, Наманганского района) и др.

4. Наконец, последний тип селения составляют колхозные поселки. Новые дома располагаются вдоль широких улиц, причем их фасады с большими окнами выходят на улицу. Поселки обычно строятся поближе от старых кишлаков, и колхозники постепенно переселяются туда. Таковы новые поселки в колхозе имени Энгельса (кишлак Кызыл-Тал, сельсовет Даудук, Задарьинского района), в колхозе имени Сталина (сельсовет Шур Кишлак, Наманганского района), в колхозе „Сталин-абад“ (Яз-Яванского района, Ферганской области) и др.

Большим изменениям подверглись после Октябрьской революции и жилые дома ферганских каракалпаков. Дома, построенные до революции, значительно перестроены: окна в подавляющем большинстве застеклены; там, где не было больших оконных проемов, они прорублены; стены побелены—обычно с внутренней и с наружной стороны; во многих домах настланы деревянные полы, построены печи; кое-где появились стенные шкафы. Кроме перестройки и усовершенствования жилищ старого типа построено много новых домов, причем строительство велось как в организованном порядке: правлениями колхозов и обстройконторами строились колхозные поселки (колхозники выплачивали стоимость домов в рассрочку)—прежде всего в местностях, сохранивших разбросанный тип расселения; так и в индивидуальном порядке. Дома нового типа строятся из сырцового кирпича (но часто с деревянными креплениями), на фундаменте из жженого кирпича и цемента. Дома имеют большие окна, деревянные полы, ниши в этих домах заменены стенными шкафами; для отопления и приготовления пищи служат печи и плиты.

В настоящее время дома ферганских каракалпаков можно разделить на следующие типы:

1) Изредка встречаются еще дома старого типа, не подвергшиеся перестройке (с глинобитным полом, оконными проемами, защищенными лишь ставнями—дарча и т. п.). В Задарьинском районе еще есть постройки из кирпичей из дерна (чим), а также из гуаля, не обмазанные снаружи. Там же айваны часто имеют характер легких навесов.

2) Вторая группа наиболее многочисленна. Это частично дома, построенные до революции, но подвергшиеся значительной перестройке; частично же дома, выстроенные после революции, при самом строительстве которых употреблялся целый ряд новых приемов. Эти дома построены обычно без фундамента, имеют лишь цоколь, состоящий из ряда булыжников и

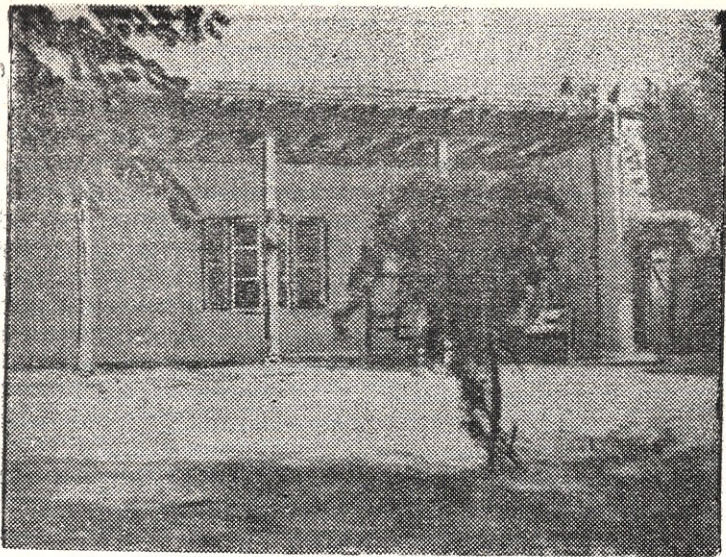
1—3 рядов жженого кирпича; стены по-прежнему являются каркасными с заполнением из гуаля (иногда и просто из гуаля, без каркаса); техника постройки кровли остается прежней. Однако все эти дома имеют застекленные окна (иногда с застекленным окном сочетаются и деревянные ставни—дарча); стены оштукатурены и побелены с внутренней и наружной стороны; часто в комнатах настланы деревянные полы (иногда в одной комнате—михманхана, иногда—во всех комнатах, тогда как в прихожей—дализе—пол обычно остается глинобитным); потолки иногда бывают обиты фанерой; в стенах начинают появляться стенные шкафы, заменяющие собой часть ниш; одновременно с бытующими повсеместно каминами начинают появляться и печи; увеличивается и количество комнат. Теперь уже редко встречаются дома, в которых было бы меньше двух комнат, не считая дализа. Одна из комнат обычно лучше обставляется и служит помещением для гостей (михманхана); другая служит для постоянного местопребывания семьи в зимнее время; кроме этого, при доме часто бывает и кладовая (амбар). Крытая терраса-айван составляет непременную принадлежность жилища. Новая обстановка еще более изменяет облик жилища. Примером такого—наиболее распространенного в настоящее время среди ферганских каракалпаков—дома является дом заведующего клубом колхоза имени Сталина (сельсовет Каракалпак, Московского района, Андижанской области) Маметкадыра Ширалиева.

3) Наконец, все более широкое распространение получают дома нового типа, построенные из сырцового кирпича, на фундаменте из жженого кирпича.

В организованном порядке, колхозными правлениями отстраиваются новые колхозные поселки, состоящие из стандартных домиков, продаваемых колхозникам обычно в рассрочку. В колхозе имени Энгельса (кишлак Кызыл-Тал, сельсовета Даудук, Задарьинского района) в 1952 году было построено 30 новых домов. В 1954 году было намечено переселение всего населения Кызыл-Тала в новый колхозный поселок. (До этого времени в Кызыл-Тале сохранялся хуторской тип расселения, причем дома обычно были построены из дерновых кирпичей—чим). Новый колхозный поселок построен и в колхозе имени Сталина (сельсовет Шур-Кишлак, Наманганского района) и в ряде других колхозов.

Дома строятся из сырцового кирпича, на фундаменте из обожженного кирпича, с деревянными полами, большими окнами, печами и иногда с двухскатной крышей (колхоз имени Энгельса). Однако они, на наш взгляд, слишком малы, и это является известным недостатком. Так, в кишлаке Момохон стандартные дома—новостройки имеют лишь одну комнату, прихожую (дализ) и крытую террасу (айван). Если бы такие

Каракалпакский дом в колхозе им. Сталина Чинабадского района.

домики строили несколько больших размеров, они безусловно, были бы удобнее.

Дома нового типа, построенные в индивидуальном порядке, часто имеют несколько комнат (уй, михманхана, ашхана, амбар) и айван. Строятся они обычно также из сырцового кирпича, причем внутри стены иногда покрываются масляной краской (таков, например, дом председателя колхоза имени Сталина, сельсовета Каракалпак, Московского района, Андижанской области—Абакула Маразикова).

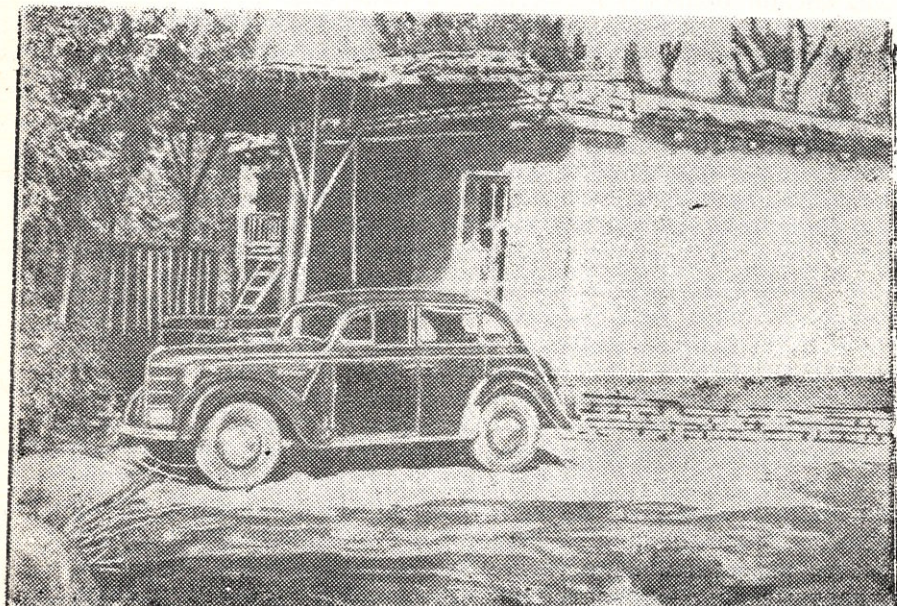
Таким образом, дома последнего типа сочетают лучшие национальные традиции с новейшими строительными приемами. Таковы основные типы современных домов ферганских каракалпаков.

При всей значительной разнице в строительной технике домов старого и нового типа наблюдается целый ряд общих черт в планировке их и жилых участков, в убранстве дома, а частично и в строительной технике. По-прежнему предпочтительной является южная ориентация дома: при индивидуальном строительстве дома почти всегда ориентированы дверью на юг; однако при строительстве поселков, когда дома расположены вдоль широкой улицы фасадами друг к другу, если одна линия домов ориентирована фасадом на юг, то другая оказывается ориентированной фасадом на север. Планировка жилого участка также однотипна (перед айваном—навес из виноградника, хозяйственные постройки из гуаля по краям участка, тандыр). В большей части домов крыша бывает плоской и устраивается с применением прежней строительной техники (двухскатные крыши встречаются лишь иногда в поселковых домах). Одинаковый характер носит и убранство дома.

* * *

В домах ферганских каракалпаков мебель в прошлом была немногочисленна; собственно к старой мебели можно отнести лишь стоявшие в нишах сундуки и шкафчики (джаван-сандык), деревянную люльку—бешик, а также вышеупомянутый топчан-суре, стоявший в айване. Старинный каракалпакский сундук (сандык), украшенный резьбой, встречается теперь чрезвычайно редко. Нам удалось встретить лишь один такой сундук, сделанный стариком-хозяином 50 лет назад (колхоз имени Ленина, сельсовет Момахон). Сундук орнаментирован резьбой, однако орнамент (геометрический) очень прост, намного примитивнее той разнообразной и искусной резьбы по дереву, которая широко распространена у хорезмских каракалпаков на сундуках и дверях юрт¹. Вообще резьба по дереву у ферганских каракалпаков развития не получила. Остальная же

¹ Т. А. Жданко. „Каракалпаки Хорезмского оазиса“, стр. 563—564.

Современный каракалпакской дом.

упомянутая выше национальная мебель до сих пор бытует у каракалпаков Ферганы. Встречаются у них кроме того деревянные резные шкафчики русской работы (с орнаментом из цветов) и обитые жестью сундуки (урус сандык). В последнее время широкое распространение получили сундуки, обитые кусочками цветной жести (разного цвета). Встречаются сейчас такие сундуки почти во всех домах.

На сундуках складываются подушки и одеяла. Широко распространены подушки, с одной боковой стороны которых имеются аппликации из белых, черных и красных лоскутков материи. Цвет самой такой подушки—красный. Сундуки с одеялами и подушками, кроме своего прямого назначения служат для украшения жилища.

На полу и теперь, как и прежде, расстилается циновка (бойра), сверху которой кладется кошма (кигиз), часто орнаментированная, палас (алача), или ковер (глем). (В прошлом ковры бывали лишь в наиболее зажиточных семьях). Сверху кладутся небольшие ватные подстилки (корпача).

Теперь, кроме национальных кошм, паласов и ковров, пол часто застилается хлопчатобумажными паласами фабричного производства. Во время прихода гостей, которых пока еще угощают на полу, под локти им подкладываются подушки, а угощение подается на скатерти-дастархан.

Но после Октябрьской революции наряду с национальными предметами внутреннего убранства широкое распространение получили предметы городской культуры. Все шире входит в быт городская мебель, радиоприемники, патефоны. Все это свидетельствует об огромном росте материального и культурного уровня каракалпакских колхозников.

Что же касается посуды, то в настоящее время все более широкое распространение получает фаянсовая и металлическая посуда, как местная, так и городского типа (тарелки, ложки, тазы, ведра и др.); наряду с ней еще продолжает играть некоторую роль в хозяйстве и деревянная, плетеная и выделанная из тыквы посуда, о которой говорилось выше. (Но посуды этого типа стало меньше).

За годы Советской власти, в результате общего процесса изменения и улучшения домов узбекских и каракалпакских колхозников разница между ними стала значительно меньше. То же можно сказать и о внутреннем убранстве дома и утвари (особенно в связи со все более широким распространением мебели и городской посуды). Однако некоторые отличия в селении, доме и усадьбе, а также утвари узбеков и каракалпаксов можно проследить и сейчас.

Одежда

После Октябрьской Социалистической революции в одежде ферганских каракалпаков произошли значительные изменения.

Изменился сам материал одежды. В магазинах колхозов имеется большой выбор хлопчатобумажных, шелковых и шерстяных тканей, а также бархат, плюш, сукно. Из этих красивых тканей и шьют себе одежду колхозники. Покупают в магазинах и готовую одежду, обувь, головные уборы.

Все шире распространяется среди ферганских каракалпаков одежда городского типа. Однако обычно в одежде колхозников городские элементы сочетаются с национальными (точнее, с бытующими у ферганских каракалпаков элементами одежды узбекского типа). Городские элементы получили наиболее широкое распространение в костюме молодых мужчин. Представители интеллигенции носят костюм городского типа, сорочку, ботинки. Колхозники часто носят полувоенный костюм: гимнастерку, галифе, китель, сапоги. Сапоги фабричного производства вообще получили широкое распространение и являются обычной обувью молодых мужчин. Кроме полувоенного костюма колхозники так же часто носят брюки, сорочки, майки.

Из национальной одежды наиболее широкое, массовое распространение имеют тюбетейки, поясные платки и халаты. Мужчины здесь носят всегда так называемую чустскую тюбетейку—туз доппы. Это плоская тюбетейка, с квадратным донышком; по черному фону вышиты характерные фигуры, напоминающие персидский миндаль. Такая тюбетейка после Октябрьской революции широко распространилась по всему Узбекистану, а в Ферганской долине она бытует повсеместно. Зимой колхозники носят теплые шапки—тельпек и ушанки.

Поясные платки (бельбеу) шьются из цветной хлопчатобумажной материи, а иногда и из шелковой, по краям платок украшается вышивкой.

Халат (тон, чапан) шьется из полосатой полушелковой материи-бекасам—или черной хлопчатобумажной материи. Делается он теплый, стеганный на вате. Халаты часто служат и зимней одеждой колхозников. (Выделяются теперь халаты обычно в артелях и продаются на базаре).

Значительно реже у молодых мужчин сейчас встречаются следующие элементы местной одежды:

Рубаха старого покрова (койнак) с открытой грудью без воротника, с треугольным вырезом на груди; шьется обычно из хлопчатобумажной материи—летом—белой, зимой—темной).

Иногда молодые мужчины надевают вместо брюк местные штаны с широким шагом (ыштан).

В качестве зимней одежды иногда служит чекмень—теплый халат из грубого домашнего сукна коричневого цвета.

Если у молодых элементы национальной одежды бытуют наряду с городскими (причем зачастую городские элементы в одежде преобладают), то старики в основном сохранили тра-

диционный костюм, сложившийся ранее под влиянием узбеков.

Одежда старика в настоящее время состоит из следующих элементов: рубаха с треугольным вырезом на груди без воротника (койнак) из белой хлопчатобумажной материи; еще чаще, чем койнак, старики носят распашную халатообразную длинную рубаху—яхта, которая для лета шьется из белой хлоп-

Каракалпакская семья в современной национальной одежде.
Кишлак Ак—тепе

чатобумажной ткани (мата, ситец), а для зимы из темных тканей (сатин, трико). Рубаха такого покроя совершенно не бытует у хорезмских каракалпаков, где старики носят рубаху с горизонтальным разрезом ворота или со стоячим воротником¹. Далее, старики носят штаны с широким шагом (ыштан) из белой маты, сверху которых зимой надевают ватные стеганные брюки.

¹ Т. А. Жданко. „Каракалпаки Хорезмского оазиса“, стр. 557—559.

Поясной платок (бельбеу) для стариков делается из белой хлопчатобумажной материи.

В качестве верхней одежды служит халат, стеганный на вате, из черных хлопчатобумажных тканей. Зимой поверх халата старики значительно чаще, чем молодые, одевают чекмень из домотканного сукна (у стариков обычно белый) и тулуп—постын—из бараньей шкуры.

На голове старики в настоящее время носят ту же чустскую тюбетейку, что и молодые мужчины; вокруг тюбетейки иногда повязывают кусок белой материи наподобие чалмы (но небольших размеров). Зимой старики носят тельпек, причем он обычно имеет донышко из черной хлопчатобумажной материи, а оторочен черным бараньим мехом (в отличие от тельпека молодых, донышко которого часто делают из яркого бархата, а оторочку—из лисьего меха). Носят старики и ушанки. Национальный же головной убор хорезмских каракалпаков—кураш и шогирме—здесь совершенно не бытует.

В качестве обуви старикам служат сапоги на мягкой подошве—маси и резиновые, так называемые „среднеазиатские“, галоши-калыш.

В современном женском костюме меньшее распространение получили городские элементы, зато самое широкое распространение имеет тип одежды, бытующий по всей Ферганской долине, а в некоторых своих частях и по всему Узбекистану.

Костюм девушки и молодой женщины состоит из следующих элементов: платья (койнак) они носят исключительно покроя „кокрек бурме“, т. е. на короткой кокетке, очень широкие, со сборками на груди и отложным воротником. Этот фасон платья впервые появился в начале XX века в Ташкенте¹, а в годы Советской власти распространился по всему Узбекистану. Будничные платья шьются из хлопчатобумажных материй—сатина, ситца, зимой из бумазеи; праздничные—из шелка (шайи), атласа и др. Как и прежде, каракалпачки предпочитают материи красных цветов (как гладкие, так и с цветочками); особенно преобладают красные тона в одежде девушек. Такое пристрастие к красным тонам каракалпачки считают своей национальной особенностью². Платья фасона „кокрек бурме“ надевают уже девочке с 2-летнего возраста (и даже раньше), носят их каракалпачки лет до 35. Интересно отметить, что узбечки значительно позже перестают носить платья этого покроя: они носят эти платья до 45—50 лет³.

¹ См. О. А. Сухарева и М. А. Бикжанова. УК, соч., 118.

² Полев. зап. №№ 15, 34, 41 и др. за 1953 г.

³ Полев. зап. №№ 41 и 39 за 1953 г. См. также О. А. Сухарева и М. А. Бикжанова, ук. соч., стр. 118.

Женские штаны (ыштан, лазым) шьются, как и мужские, с широким шагом, обычно из хлопчатобумажных материй (ситца и др.) красных тонов (гладкие и с цветочками). Праздничные штаны шьют из шелковых тканей—шайи и атласа. Низ штанов оторочен цветной тесьмой—джиек. Представительницы сельской интеллигенции носят белье городского типа.

Сверху платья надевают короткую безрукавку—камзор. В Ферганской долине безрукавка получила распространение в начале XX века¹. Безрукавки делают из плюша (макмал), шерсти, а также хлопчатобумажных тканей—сатина, трико и др. Цвет безрукавки бывает различный: нарядные безрукавки из плюша часто делаются темнокрасными, малиновыми, а шерстяные и хлопчатобумажные—обычно черными, летом носят и белые безрукавки.

Сверху безрукавки, а часто и прямо на платье, надевается жакет городского типа, который делается из плюша, шерсти, а для работы—из хлопчатобумажной материи—трико, сатина; жакет бывает обычно темных тонов и лишь летом иногда надевают белый.

Верхней домашней, а также рабочей одеждой является халат (тон) из хлопчатобумажной ткани, черный или полосатый, или калта-тон—более короткая одежда типа длинного камзола с длинными рукавами (то же название носит и стеганка городского типа). Выходной же верхней одеждой служит плюшевое пальто (называемое также „тон“) черного, темносинего, малинового и других цветов.

В качестве головного убора молодых женщин и девушек после Октябрьской революции широкое распространение получила тюбетейка—доппы из цветной материи—хлопчатобумажной или бархатной, вышитой шелковыми нитками. Особенно нарядной считается тюбетейка из цветного бархата, вышитая белым бисером—назық-доппы. Поверх тюбетейки обычно надевается платок—румал, румалча. Часто носят платки и без тюбетейки, повязывая их как косынку. Летом носят цветные хлопчатобумажные или шелковые платки. Широко распространены небольшие платочки из узорного среднеазиатского шелка (шайи), обшитые кружевами, которые набрасывают на голову (обычно на тюбетейку) в развернутом виде. Такие платочки часто придерживаются на голове косами, обернутыми вокруг головы. Ношение таких платочков широко распространено в Ферганской долине² (и совершенно не встречается у хорезмских каракалпачек). Зимой носят фабричные шерстяные платки (джун румал), а иногда и платки из кустарной шерсти (бараньей).

¹ Там же, стр. 119.

² Там же, стр. 121.

Кроме того, зимой носят женский тельпек, донышко которого обычно делают из плюша, и оторачивают мехом выдры (кундуз).

Рабочей обувью повсеместно служат сапоги фабричного производства. Входят в употребление туфли на низком каблуке. Наряду с этим бытуют местные сапоги на мягкой подошве—маси; верхняя часть этой обуви обычно вышита цветными нитками. С этой обувью носят среднеазиатские галоши—калыш; дома галоши надевают на босу ногу.

Украшениями девушек и молодых женщин служат серебряные, а иногда позолоченные серьги (сырга, балдак), браслеты (блазик), кольца (жузик), бусы—маржан, которые бывают разных сортов: назык—бусы из бисера, мунчак—ожерелье и др.

Переходим к рассмотрению одежды старух. Старухи носят платье (койнак) широкое, длинное, со стоячим воротником и застежкой спереди, без шва на плечах¹. Платья такого покроя бытуют и у окружающего узбекского населения. Старушечье платье шьется всегда из хлопчатобумажной ткани—обычно из белой, иногда с цветочками по белому фону; встречаются и платья темных тонов.

Штаны (ыштан, лазым) у старух шьются того же покроя, что и у молодых, но из белой или синей хлопчатобумажной материи.

Верхней одеждой старух служит теплый стеганный халат—тон, чапан, сшитый обычно из темной—часто черной—хлопчатобумажной материи. Иногда пожилые женщины надевают и калта-тон (длинный камзол).

Головным убором старухи служит платок—румал. Дома обычно повязывают платок вокруг головы наподобие чалмы, причем один конец его свешивается на спину. При выходе из дома на голову накрывается другой, большей платок. Летом старухи носят белый платок из хлопчатобумажной ткани, зимой—темный шерстяной.

На ноги старухи одевают маси и резиновые среднеазиатские галоши—калыш, летом часто ходят в галошах на босу ногу (особенно дома).

Паранджи и кимешеки совершенно вышли из употребления. Нам сообщили, что в годы колхозного строительства паранджи и кимешеки жгли. Теперь женщины, и старые, и молодые, ходят с открытым лицом. Однако в кишлаках, более подвергшихся в прошлом узбекскому влиянию, еще не вполне изжиты следы затворничества женщин: некоторые женщины при встрече с мужчиной прикрывают лицо платком или—еще реже—при выходе из дома набрасывают на голову халат, но во многих отдаленных каракалпаческих кишлаках этот обычай, не

¹ На платьях каракалпачек Ферганы совершенно не встречается вышивок, свойственных одежде каракалпачек Хорезмского оазиса.

укоренившийся прочно и до Октябрьской революции, в настоящее время исчез совершенно.

Интересно отметить, что кимешек, который, как уже было сказано, теперь совсем не носят, да и в сундуках-то не хранят (нам не удалось найти ни одного кимешека), приобрел особую ритуальную роль—похоронной одежды. Старуха Ташкан Казибоева, 73 лет (колхоз имени Сталина, сельсовет Каракалпак, Московского района, Андижанской области) сообщила нам: „Теперь считается хорошо, чтобы женщину, особенно старую, хоронили в кимешеке. Поэтому перед смертью старухи отдают шить кимешек (или после их смерти для них шьют кимешек). Я тоже отдала шить кимешек старухе из нашего колхоза—Бусаре Батыровой, так как я думаю, что скоро умру“¹.

Подводя итоги, мы можем сказать, что в настоящее время одежда ферганских каракалпаков почти не отличается от одежды других народов Ферганской долины (узбеков, таджиков и др.). Как мы уже отмечали выше, ферганские каракалпаки восприняли одежду соседних узбеков еще в прошлом столетии. В дальнейшем некоторые видоизменения в одежде происходили одновременно и у узбеков, и у ферганских каракалпаков (появление платьев со стоячим воротником в костюме старух, появление безрукавок и платьев фасона „кокрек-бурме“ у молодых женщин и др.).

Некоторые отличия в одежде узбеков и ферганских каракалпаков можно проследить и сейчас, но они частны и незначительны (например, более ранняя смена платья „кокрек-бурме“ на старушечье у каракалпачек; явное предпочтение каракалпачками платьев красных тонов и др.).

3. ИЗМЕНЕНИЯ В СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ФЕРГАНСКИХ КАРАКАЛПАКОВ

После Октябрьской революции произошли коренные изменения в семейных отношениях ферганских каракалпаков. Изжиты патриархальные пережитки старого семейно-бытового уклада. У каракалпаков сложилась новая советская семья, построенная на равноправии ее членов и равном участии всех трудоспособных членов семьи в производственной жизни. В основе такой семьи лежит любовь и уважение между ее членами.

Особенно сильно изменилось положение женщины. В первые же годы после Октябрьской революции были запрещены калым, многоженство, выдача замуж несовершеннолетних (закон о брачном возрасте). Раскрепощение женщин проводи-

лось в борьбе с ожесточенным сопротивлением реакционных элементов.

Советская Конституция закрепила освобождение женщины, предоставив ей равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной и общественно-политической жизни. Широкое участие женщины в производственной и общественной жизни страны явилось реальным обеспечением ее равных прав с мужчиной, предоставленных по закону.

Огромную роль женщины-каракалпачки, как и все колхозницы нашей страны, играют в колхозном производстве. Мы уже упоминали передовых каракалпачек, собиравших в течение сезона по 11—12 тонн хлопка. Многие женщины занимают руководящие должности в колхозном производстве. Некоторые из них избраны депутатами Советов депутатов трудящихся. Например, каракалпачка Ташкан Тореева в течение пяти лет работала звеньевой шелководческого звена. В 1953 году она была избрана председателем сельсовета Кема-Баши, Нарынского района, Наманганской области¹. В колхозе имени Шверника (сельсовет Тайпак, Фрунзенского района, Ферганской области) передовая производственница Раушан Долтаева в 1952—1953 гг. работала бригадиром, причем ее бригада собирала по 30 центнеров хлопка с гектара. Раушан Долтаева была избрана депутатом Фрунзенского районного Совета².

Председателем сельсовета Найман, Задарьинского района, Наманганской области избрана молодая (24 лет) каракалпачка Анифа Шакирова, работавшая до этого учительницей в школе-семилетке³ и др.

В годы Великой Отечественной войны каракалпачка Раби-хон Султанова работала председателем колхоза имени Сталина (сельсовет Каракалпак, Московского района Андижанской области)⁴.

Выдвигаются среди ферганских каракалпачек и представительницы сельской интеллигенции—прежде всего учительницы и фельдшерицы. Уже много девушек учится в десятилетке, педагогических и медицинских техникумах, а иногда и в учительских и педагогических институтах. В колхозе имени Жданова (сельсовет Кема-Баши, Нарынского района, Наманганской области) в школе-семилетке учительницами работают Рузван Тахирова (в 1 кл.) и Тохтахан Календарова—преподавательница узбекского языка и литературы в V—VII классах.

Интересна биография Календаровой. Родилась она в 1928 году, в кишлаке Кема-Баши. Семь лет поступила в 1 класс

¹ Полев. зап. № 29 за 1953 г.

² Из дневника 1954 г.

³ Там же.

⁴ Из дневника 1953 г.

¹ Полев. зап. № 6 за 1953 г. и № 21 за 1954 г.

школы, где она теперь учителствует. Учиться ей пришлось с большими трудностями. В 1941 году погиб на фронте ее старший брат, вскоре умерли мать и отец. Она осталась вдвоем с младшей сестрой. Жили они в доме у колхозного сторожа, она училась и одновременно работала в колхозе. Так Т. Календарова окончила школу-семилетку, потом и среднюю школу в соседнем кишлаке Тода. После окончания школы она в течение двух лет работала секретарем и учетчиком в колхозе, а в 1948 году поступила в Наманганский учительский институт. Училась она там отлично и в 1950 году институт окончила. С 1950 года Т. Календарова работает преподавательницей узбекского языка и литературы. В этом же колхозе до 1952 года на II участке работала фельшерницей каракалпачка Кумре Тураева, окончившая медицинскую школу в Намангане в 1949 г.¹

В колхозах созданы условия для того, чтобы женщины могли принимать участие в производственной и общественной жизни наравне с мужчинами. Во всех колхозах есть детсады и ясли-передвижки для грудных детей на полевых станах. Многодетные и одинокие матери получают пособия от государства. Многие многодетные матери награждены орденами и медалями за материнство. Так, например, в колхозе имени Шверника (сельсовет Тайпак, Фрунзенского района, Ферганской области) каракалпачка Айлар Мирзахмедова, имеющая семерых детей, награждена медалью „Материнская слава“².

Изменение положения женщины в обществе привело к совершенно новому положению ее в семье. Большую роль играет то, что женщина, работая в колхозе, получает на трудодни и вносит в бюджет семьи примерно столько же, сколько и ее муж; нередки случаи, когда передовые производственницы зарабатывают больше мужей.

Все важные семейные и хозяйственные вопросы решаются теперь с участием женщин. Новые дружественные отношения установились не только между супругами, но и между свекровью и невесткой. Свекровь обычно берет на себя большую часть домашних дел и уход за детьми, тогда как невестка работает в колхозе.

Следует, однако, отметить, что еще сохранились кое-какие старые обычаи—например, запрет для женщины называть по имени мужа и его родственников. Сохранились еще пережитки укоренившегося до Октябрьской революции в смешанных узбекско-каракалпакских кишлаках затворничества женщин. При встрече с посторонним мужчиной в таких кишлаках (например, Чинабад и Ходжават, Чинабадского района, Андижанской области) женщины прикрываются платком; если в доме

гости, то женщины не присутствуют в том же помещении; в лучшем случае они приносят пищу, стелят постель гостям и тут же уходят, а иногда даже не появляются в этом помещении, и гостей обслуживают мужчины. В большей степени это относится к молодым женщинам и девушкам, в меньшей—к старухам. Конечно, это теперь лишь чисто внешнее требование этикета и относится к нему женщины довольно формально (главным образом, закрываются для того, чтобы кто-нибудь другой не обвинил их в том, что они не закрылись), однако, и с этими пережитками затворничества необходимо вести решительную борьбу. Следует тут же добавить, что эти пережитки затворничества женщины существуют среди ферганских каракалпаков далеко не везде. Прежде всего, их нет, конечно, в тех отдаленных каракалпакских кишлаках, где их не было и до революции. Далее в семьях сельской интеллигенции и руководящих колхозных работников женщины не прячутся от посторонних мужчин, присутствуют в той же комнате и едят вместе с гостями-мужчинами. На поле женщины-колхозницы обычно не закрываются. На пережитки этого отрицательного явления следовало бы обратить больше внимания и усилить борьбу с ними. Надо улучшить разъяснительную работу среди мужчин, так как зачастую по их инициативе сохраняются пережитки затворничества.

После Октябрьской революции значительно усилился процесс выделения малых семей. Теперь уже нередки случаи, когда сыновья после женитьбы выделяются из семьи отца. Например, в колхозе имени Андреева (сельсовет имени Ворошилова, Фрунзенского района, Ферганской области) сын колхозника Сражетдина Султанова—Рыскул, женившись, выделился из семьи отца, переселился на другой участок, получив от отца при разделе часть имущества и скота. В случае же смерти отца такие разделы сделались обычным явлением. Например, в том же колхозе разделились семьи братьев Жиена и Ашира Артыковых, причем Жиен переселился на другой участок, на край того же кишлака (Катта-Ак-Тепе). Однако и теперь еще сыновья после женитьбы чаще продолжают жить с родителями и вести общее хозяйство. Обычно в таких случаях супружеским парам предоставляют отдельные комнаты.

Например, в кишлаке Беш-Кепе (колхоз имени Дзержинского) Ергаш Юсупов сообщил нам: „В моей семье 12 человек: я с женой, 3 сына, 3 невестки и 4 внука. Живет каждый с женой и детьми в отдельной комнате, но хозяйство все мы ведем общее“¹. Вместе со своими родителями живет и председатель сельсовета имени Ворошилова, Фрунзенского района, Ферганской области Айтбай Мирфаязов (кишлак Ак-Тепе). Встречаются случаи, когда для молодых строится отдельный

¹ Полев. зап. № 38 за 1953 г.

² Из дневника 1954 г.

¹ Полев. зап. № 44 за 1953 г.

дом на том же участке, причем иногда при этом не делится ни скот, ни имущество, ни бюджет, ни даже котел—хозяйство продолжает оставаться общим. Такие случаи довольно часты. Например, бухгалтер колхоза имени Ленина (сельсовет Момохон), Задарьинского района, Наманганской области Турсунбай Хакимов построил себе небольшой дом на том же участке, где находится дом его родителей. Хозяйство они ведут сообща. Построил дом для своего женатого сына и председатель колхоза имени Сталина (сельсовет Каракалпак, Московского района, Андижанской области) Абакул Маразиков. В других случаях для сына, построившего после женитьбы дом на приусадебном участке отца, выделяется скот и часть имущества, семья сына имеет в таких случаях свой бюджет и котел (т. е. отдельно готовит пищу). Приусадебным участком семьи отца и сына пользуются совместно. Таким образом, выдел семьи сына из семьи отца бывает полным и частичным. Выдел этот теперь уже не осуждается общественным мнением, как это было до революции. В тех же численно еще преобладающих семьях, где женатые сыновья живут вместе с родителями, установились такие же теплые, дружеские отношения, как и в семьях выделившихся сыновей.

Существенные изменения произошли в форме заключения брака. Отходит в прошлое заключение его по воле родителей. Все чаще браки заключаются по взаимной любви и уважению молодого человека с девушкой. Большой свободой в выборе пары пользуются сыновья, девушки часто еще следуют выбору родителей, однако теперь уже никто дочь не приневоливает к выходу замуж за человека, который ей не нравится, она может отвергнуть выбор родителей.

Участились случаи смешанных браков. Обычно и теперь чаще мужчины-каракалпаки женятся на представительницах других национальностей, девушки же еще довольно редко выходят замуж за „некаракалпаков“, однако и такие случаи уже встречаются.

Встречаются теперь и случаи женитьбы каракалпаков на русских девушках, чего не было до революции. Например, в колхозе имени Сталина (сельсовет Шур-Кишлак, Наманганского района) колхозный секретарь Туйчи Артыков женат на русской—Людмиле Николаевне Колесниковой. Познакомились они на строительстве канала Волго-Дон, где он работал шофером, а она работала в швейной мастерской.

Повысился брачный возраст. Замуж обычно теперь выходят после 18 лет. Обязательной является регистрация в ЗАГС^е, куда представляется метрика или справка из медпункта о возрасте. Однако наблюдаются случаи нарушения закона о брачном возрасте и выхода замуж в 16–17 лет. Со случаями раннего замужества и пережитками затворничества женщины связаны и отсев девушек из старших классов школы. Наряду с

огромными достижениями в области народного образования, в частности образования среди женщин, следует отметить тот отрицательный факт, что большинство девушек пока кончает только семилетку. С этими пережитками старых понятий, по которым считалось, что девушке не надо много учиться, а надо пораньше выходить замуж, борьба ведется, но она еще совершенно недостаточна. Надо усилить борьбу с этими отрицательными явлениями.

Значительные изменения произошли и в свадебном обряде. Прежде всего государственным законодательством запрещен калым. В настоящее время родители жениха или сам жених обычно делают подарки невесте (плюшевое пальто или шелковый халат, платье и штаны из узорного среднеазиатского шелка—шайи, платок, маси и галоши), а также подарки ее родителям¹. Родители невесты отдаривают жениха—во время посещения родителей жениха („ыдыш кайтты“) они приносят для него халат из бекасама (полушелковая материя), штаны из черной материи, шелковую рубашу, поясной платок и тюбетейку.

Большую часть расходов по свадьбе по-прежнему берут на себя родители жениха (или сам жених).

Свадебный обряд значительно сокращен. Сама свадьба происходит обычно теперь в течение одного дня (пир в доме невесты и непосредственно следующий пир в доме жениха), тогда как раньше она продолжалась 4–5 дней. Обычно еще соблюдается порядок основных этапов сватовства и свадьбы: сговор (куда тусу, который бывает обычно и в тех случаях, когда молодые предварительно договорились между собой о браке—лишь чтобы не обидеть родителей), пата-той в доме невесты и ответный той—„ыдыш кайтты“—в доме жениха и, наконец, катта-той, начинающийся в доме невесты и заканчивающийся в доме жениха. Не изжит еще и мусульманский обряд заключения брака—„неке“. Однако многие старинные обряды уже не соблюдаются, и основное содержание свадьбы теперь—веселое празднество, с обильным угощением родственников и однокишлакцев, с веселыми свадебными песнями.

В дом жениха невесту теперь везут на машине.

В свадебных песнях появились новые слова, отражающие изменения в окружающей жизни. В песнях „яр-яр“, например, при воспевании мастерства девушки говорится:

¹ В некоторых случаях более отсталыми слоями населения такие подарки считаются обязательным условием заключения брака: в таких случаях подарки эти являются скрытой формой калыма, и необходимо вести разъяснительную работу по борьбе с этим явлением.

Алды-да машинасы,
Шебер гнам яр яр".
Перед ней машинка, она мастерица, яр-яр!",

После приезда в кишлак жениха с песнями „бет-ашар“ обращаются теперь не только к родственникам жениха, но и к таким уважаемым в колхозе людям, как председатель, бухгалтер, табельщик.

„Атты белиге минген,
Пахта план бежерген
Раисларга салам".
Езлящему верхом на лошади,
Выполняющему план хлопка
Председателю привет".
„Идорада алтырган,
Хисабатны тез кылган
Бухалтарга бир салам".
„Сидящему в правлении,
Быстро делающему отчеты
Бухгалтеру привет".
„Айры калтак кодыда,
Колхозшылар йолыда.
Табельшасыга салам".
„Держащему в руках измеритель,
Служащему колхозникам
Табельщику привет"¹

После Октябрьской революции различия в семейных отношениях ферганских каракалпаков и узбеков стали значительно меньшими, как в силу общего сближения этих групп населения, так и в силу того, что многие старинные семейные обычаи ферганских каракалпаков, связанные с пережитками патриархальных отношений, изжиты теперь (калым, сговор малолетних, куйеулеу и др.). Однако некоторые отличия в семейных отношениях каракалпаков Ферганы и узбеков еще сохранились (например, большой размер свадебного тоя в доме невесты у каракалпаков, „соғым“ во время свадьбы, более быстрое изживание пережитков затворничества женщины у каракалпаков).

Подводя итоги, мы можем сказать, что изменения, происшедшие в семье ферганских каракалпаков после Октябрьской революции огромны — очень велики достижения в этой области. Однако, наряду с большими достижениями, еще сохранились некоторые отрицательные явления старого быта, борьбу с которыми надо значительно усилить, так как они наносят вред советскому обществу.

¹ Полев. зап. № 5 за 1953 г.

² Полев. зап. № 8 за 1954 г. и № 21 за 1953 г.

4. КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ СРЕДИ ФЕРГАНСКИХ КАРАКАЛПАКОВ

Великая Октябрьская Социалистическая революция привела к коренным изменениям в области развития культуры народов Советского Узбекистана, к подлинной культурной революции.

Известно, какое большое внимание уделяла Коммунистическая партия Советского Союза культурному строительству в национальных окраинах, развитию культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию. В 1921 году на X съезде РКП(б) И. В. Сталин указывал: „...задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национальному облику этих народов; б) поставить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке“¹. Во все дальнейшие годы Коммунистическая партия и Правительство Советского Союза уделяли большое внимание культурному строительству в советских республиках, в том числе и в Узбекской ССР. В результате этого изменения, происшедшие в области просвещения, здравоохранения и в других областях культуры, были огромны.

„В 1914 г. на территории Узбекистана было несколько десятков мусульманских школ, преимущественно духовных, и 160 русских школ, где обучались 17,3 тыс. детей, главным образом детей царских чиновников“².

В настоящее время в Узбекской ССР имеется свыше 5600 школ, в которых обучается более одного миллиона 300 тысяч детей, 100 техникумов и 32 ВУЗ'а³.

Если до революции среди взрослого населения Узбекистана было только 2 проц. грамотных, то теперь грамотно почти все население республики. В республике осуществлено всеобщее семилетнее обучение. Кроме общеобразовательных школ созданы десятки высших и специальных средних учебных заведений. Принятый на основе решений XXI съезда КПСС закон об укреплении школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР будет всемерно способствовать дальнейшему подъему народного образования и в Уз-

¹ И. В. Сталин. Тезисы к X съезду РКП(б) „Об очередных задачах партии в национальном вопросе“. Сборник „Марксизм и национально-колониальный вопрос“, стр. 70.

² Узбекистан. Эконом. географ. хар-ка, Ташкент, 1950 г., стр. 79.

³ Торжество ленинской национальной политики в Узбекистане, страницы 32—33.

бекской ССР. Успешно развиваются в Узбекистане и различные отрасли науки. Уже 1943 году создана Академия наук Узбекской ССР. В республике возникли десятки театров, сотни кинотеатров и кинопередвижек, музеи и другие культурно-просветительные учреждения. Радиофицированы все колхозы республики. Все шире проводится электрификация.

Широко развита сеть медицинских учреждений, обслуживающих все население Узбекистана. В республике имеется 660 больниц и амбулаторий, более 300 родильных домов и детских консультаций¹

В областях Ферганской долины в отношении культурного строительства произошли те же коренные изменения, что и во всем Узбекистане. Уже в 1948—1949 учебном году в Андижанской области было 362 общеобразовательных школы, в Ферганской области—446 и в Наманганской области 328 школ. В городах Фергане, Намангане, Андижане и Коканде созданы педагогические и учительские институты, целый ряд средних специальных учебных заведений: педагогические училища, фельдшерско-акушерские школы, сельскохозяйственные техникумы, нефтяной, автодорожный техникумы и др. В городах имеются театры, ряд музеев и другие культурно просветительные учреждения. Клубы, библиотеки, читальни имеются почти во всех колхозах этих областей.

Широко распространены медицинские учреждения—больницы, амбулатории, поликлиники, малярийные станции, учреждения по охране материнства и детства. Медицинские пункты есть во всех колхозах. В горах Алайского хребта в живописной местности Шахмардан создан курорт для легочных больных²

Все достижения в области культурного строительства относятся и к ферганским каракалпакам, равно как и к остальным народам Ферганской долины. Во всех колхозах имеется школа, обычно даже несколько—семилетка или десятилетка (а иногда и та и другая) и 1—2 начальных. Например, в колхозе имени Жданова (сельсовет Кема-Баши, Нарынского района, Наманганской области) в 1953 году работали две школы—семилетки и филиал одной из них (два класса); в колхозе имени Сталина (сельсовет Каракалпак, Московского района, Андижанской области)—три школы; средняя, семилетка и начальная.

Преподавание в школах, где учатся дети ферганских каракалпаков, ведется на литературном узбекском языке, в связи с тем, что говор ферганских каракалпаков в настоящее время значительно ближе к узбекскому языку, чем к собственно каракалпакскому (см. выше).

¹ Газ. „Известия“ 26 июля 1957 г.

² Сб. „Узбекистан“. Эконом—географ. хар-ка, стр. 229, 238, 242—243. БСЭ изд. II, т. 2. Андижанская область, стр. 426, т. 21 „Коканд“, стр. 558

Здания школ чистые, светлые, побеленные снаружи и изнутри. Год от году строится все больше новых благоустроенных зданий школ. Таковы, например, средняя школа имени М. Горького в колхозе имени Сталина (сельсовет Каракалпак), построенная в 1953 году, семилетняя школа имени Алишера Навои в колхозе имени Жданова (сельсовет Кема-Баши) и др.

Занятия в V—X классах ведут преподаватели с высшим и незаконченным высшим (учительский институт) образованием.

После окончания школы многие каракалпаки продолжают учебу в техникумах и вузах Андижана, Намангана, Ферганы и Ташкента. Например, в годы нашего обследования, в 1953—1954 гг., многие каракалпаки Ферганы обучались в специальных средних и высших учебных заведениях: в педагогических училищах и педагогических и учительских институтах, в сельскохозяйственных техникумах, в фельдшерско-акушерской школе. Уктам Каримова из колхоза имени Жданова, сельсовета Кема-Баши училась в Ферганском педагогическом институте, учитель II класса неполной средней школы колхоза имени Андреева, Фрунзенского района, Ферганской области Сулейманов Исметулла учился на заочном отделении Кокандского учительского института. Из этого же колхоза Беркинбай Халдаров учился на зоотехника в Наманганском сельскохозяйственном техникуме.

Некоторые каракалпаки едут учиться в Ташкент—в школу механизации, в школу по подготовке председателей колхозов, в некоторые вузы. Например, Мамасалы Умаров из кишлака Кудук, Ферганской области учился тогда в финансово-экономическом институте, а каракалпак тов. Усманов, в течение ряда лет работавший вторым секретарем Задарьинского райкома партии—в Высшей партийной школе.

Из среды ферганских каракалпаков уже вышли представители интеллигенции—учителя, агрономы, фельдшера, ветеринары¹. Например, учитель Насретдин Акбаров, преподающий в школе колхоза имени Сталина (сельсовет Етти-Кашка, Чинабадского района, Андижанской области) окончил Ферганский педагогический институт (со специальностью преподавателя узбекского языка и литературы). В школе имени Навои колхоза имени Жданова (сельсовет Кема-Баши)—7 учителей-каракалпаков (из них 2 женщины), причем из них трое окончили Наманганский учительский институт и двое—педучилище в Намангане.

В колхозе имени Дзержинского (сельсовет Беш-Кепе, Наманганского района) агрономом работает каракалпак Абдиллаев, окончивший Ташкентский сельскохозяйственный техникум, а ветеринаром—Абдуламид Колдаров, получивший специаль-

¹ Приводятся сведения 1953—1954 гг.

ное образование в Наманганском сельскохозяйственном техникуме.

Некоторые каракалпаки занимают ответственные должности в партийных и советских органах. Лучшие работники из ферганских каракалпаков избраны депутатами в местные Советы, а также и Верховный Совет Узбекской ССР. Например, Мамакадыр Хакимов—бригадир колхоза имени Шверника, Фрунзенского района, Ферганской области избран депутатом Верховного Совета Узбекской ССР.

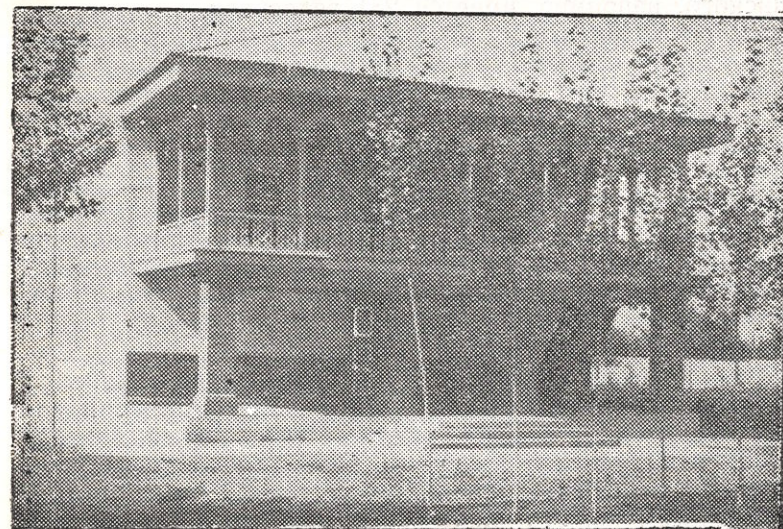
Средняя школа им. Сталина в с/с Каракалпак Московского района Андижанской области

Широко развернули деятельность в каракалпакских колхозах и культурно-просветительные учреждения—клубы, библиотеки, читальни. Замечательный клуб построен в колхозе имени Дзержинского (сельсовет Беш-Кепе). Клуб имеет огромный зал. Стены побелены, низ их расписан масляной краской (под мрамор); потолок (из фанеры) также покрыт голубой масляной краской. В колхозе имени Сталина (сельсовет Каракалпак) также имеются клуб и библиотека; книги раздаются по бригадам. В колхозе имени Жданова (сельсовет Кема-Баши) есть библиотека и читальня. Читальня хорошо оборудована, имеет большой выбор книг, газеты и журналы. Организована

фотовитрина. Читальня работает по вечерам, когда колхозники возвращаются с полей. То же можно сказать почти про все другие каракалпакские колхозы.

В колхозах проводится большая культурно-просветительная работа—работают агитколлективы (особенно во время хлопко-уборочной кампании); агитаторы проводят беседы на полевых станах, читают газеты. Лекторы из районных и областных центров, из Ташкента, а также учителя периодически читают лекции о важнейших решениях Партии и Правительства, о международном положении, о положении женщины, о религии и т. д.

Раз в два-три месяца в колхозы приезжают кинопередвижки, а иногда и артисты из городских театров.

Клуб колхоза им. Дзержинского, кишлак Беш-Кепе Наманганской области

Все шире разворачиваются радиофикация и электрификация колхозов. Радиофицированы все колхозы. Радиоприемники устанавливаются в правлении колхоза, в клубе, а летом—на полевых станах. Все больше приобретается радиоприемников колхозниками для своих домов.

Целый ряд колхозов электрифицирован. В колхозе имени Дзержинского электростанция построена еще в 1945 году. Свет получают общественные здания и дома колхозников. Электрифицирован Ходжа-Кишлак в колхозе имени Шверника,

Фрунзенского района, Ферганской области. С 1954 года пользуется собственной электроэнергией поселок колхоза „Сталин-абад“ (Яз-Яванского района), организованного в 1951 г. на базе артели по выделке цыновок. Работы по электрификации ведутся и во многих других колхозах.

Значительный рост материального благосостояния и культуры колхозников характеризует также огромное количество у них велосипедов, наличие в хозяйствах швейных машин, собственных мотоциклов, а иногда и собственных автомашин „Москвич“. Велосипед сейчас имеет почти каждая колхозная семья, а некоторые и не один, так как он является теперь основным средством передвижения на близкие расстояния. На велосипедах бригады объезжают поля, на них ездят подростки (мальчики) в школу, многие жители ездят на базар, в город, в гости в соседний кишлак и т. д. В колхозе имени Дзержинского, например, имеется 231 велосипед.

Имеются в распоряжении колхозов и колхозников и мотоциклы. В том же колхозе имени Дзержинского их насчитывается 32¹. У некоторых колхозников есть собственные автомашины „Москвич“. Например, у заведующей яслями колхоза имени Сталина (сельсовет Каракалпак) Султановой Рабиixon имеется собственный „Москвич“, и она вместе с колхозной фельдшершей ежедневно объезжает поля, они оказывают необходимую медицинскую помощь колхозникам и наблюдают за порядком в передвижных детских яслях при полевых станах. В колхозе имени Дзержинского—два личных „Москвича“, а в колхозе имени Сталина (сельсовета Шур-Кишлак, Намаганского района)—9 собственных „Москвичей“.

Коренным образом изменилось и состояние здравоохранения среди ферганских каракалпаков. Прежде всего устранены социальные предпосылки многих тяжелых заболеваний, свирепствовавших в Ферганской долине до Октябрьской революции. Существенное улучшение жилищных условий (дома сухие, теплые, светлые), общего санитарного состояния (чистота в жилище, одежде, посуде и др.), более теплая одежда зимой, значительное улучшение питания, охрана труда—уже эти обстоятельства имели огромное влияние на улучшение народного здоровья. Население теперь получает постоянную медицинскую помощь квалифицированных специалистов. Медицинские пункты имеются во всех колхозах. Наряду с этим население получает медицинскую помощь в больницах, малярийных станциях и других медицинских учреждениях городов и районных центров. Передовые колхозники получают путевки в санатории и дома отдыха Советского Союза. В колхозе имени Дзержинского в 1951—1952 гг., по инициативе правления, был открыт свой санаторий для больных колхозников.

Для санатория было использовано здание колхозной гостиницы (михманхана), расположенное в колхозном саду на берегу реки Нарын. Михманхана отделана замечательно красиво: все три ее комнаты расписаны масляной краской, так же как и терраса, окружающая дом со всех сторон; с крыши террасы вниз под углом опускается навес из виноградника; в комнатах—удобная мебель—диваны, кровати, столы. Как нам сообщил председатель этого колхоза Салахатдин Гаибов, летом 1951 и 1952 годов здесь отдыхали больные колхозники по 15 дней или по месяцу, причем они находились под наблюдением врача и для них готовили специальную пищу.

Большое внимание уделяется также охране здоровья матери и ребенка. При родах женщины получают квалифицированную медицинскую помощь, а в трудных случаях обращаются в родильные дома. Многодетные и одинокие матери получают пособия. В помощь работающим женщинам широко развернута сеть детских садов и детских яслей-передвижек. Передвижные ясли для грудных детей устраиваются обычно при полевых станах, а для детей постарше колхозы организуют детсады в специально выстроенных зданиях, причем в каждом кишлаке колхоза, как правило, бывает свой детский сад. Дети там находятся под наблюдением опытных воспитательниц, получают 4-разовое питание; для детей создан определенный режим (в определенное время дня они спят, играют, гуляют). Для примера можно взять детсад 1 участка колхоза имени Сталина (сельсовет Каракалпак). В детсаду 15 человек детей—от 2 до 6 лет. Обслуживающий персонал состоит из 3 человек: заведущая садом, воспитательница и повариха. Детсад помещается в специально выстроенном для этого доме и состоит из 4 помещений: комната для игр, спальня, кухня и изолятор. Детсад хорошо меблирован—для детей имеются кровати, столики, стульчики; на столах постланы скатерти; для всех детей имеются полотенца. Детсад имеет достаточно игрушек. Всего в этом колхозе 3 детсада. Детсады организованы и во всех других колхозах. Хороший уход за детьми позволяет вырастить их здоровыми и крепкими, значительно уменьшает количество заболеваний среди них.

Весь этот бурный рост культурного строительства, происшедший среди ферганских каракалпаков, как и среди других народов нашей страны, за годы Советской власти, с полным правом можно назвать настоящей культурной революцией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании изучения исторического прошлого, а также особенностей быта и культуры каракалпаков Ферганской долины можно сделать следующие выводы:

1. Каракалпаки Ферганской долины, безусловно, являются частью каракалпакского народа, отделившейся от основной его массы, главным образом, на протяжении XVIII века в результате бурных исторических событий, разыгравшихся в то время на нижней и средней Сыр-Дарье (нашествие джунгар, борьба с казахами) и приведших первоначально к разделению каракалпаков на „нижних“ и „верхних“, а потом к переселению первых в Хорезмский оазис, вторых — в Ферганскую долину, в долину реки Зеравшан, к Бухаре и т. д.

О том, что каракалпаки Ферганы являются частью каракалпакского народа, имевшей с каракалпаками Хорезмского оазиса общую (до XVIII в.) историю, свидетельствуют не только данные исторических источников и сохранившихся у ферганских каракалпаков легенд о переселении, но также и такие важные этнические признаки, как общий для ферганских и хорезмских каракалпаков родовой состав, одинаковый характер хозяйства — как для ферганских каракалпаков, так и для хорезмских (а также зеравшанских) в прошлом было характерно комплексное земледельческо-скотоводческо-рыболовное хозяйство с домашними промыслами, причем излюбленными местами расселения каракалпаков являлись долины и дельты больших рек, где имелись все подходящие условия для ведения такого хозяйства; преобладание в скотоводстве каракалпаков разведения крупного рогатого скота; употребление одинаковых рыболовных орудий (газа, шонышка и др.); однотипный характер домашних промыслов (тканье боза, чекменя, ковроткачество, кошмовалание, выделка цыновок); полукочевой об-

¹ Особенно во времена Кокандского ханства.

раз жизни в прошлом и связанные с ним временные жилища (юрты, кепе); сходство в домашней утвари каракалпаков — например, преобладание в прошлом и у ферганских и у хорезмских каракалпаков деревянной, плетеной, тыквенной и кожаной посуды; такие формы национальной каракалпакской одежды, как кимешек; некоторые особенности семейного быта и фольклора и др.

II Проживя почти 200 лет в узбекском окружении, каракалпаки Ферганы (сравнительно немногочисленные и к тому же расселенные на значительном протяжении вдоль узкой береговой полосы), безусловно, подверглись значительному влиянию со стороны узбеков, восприняв многие особенности их языка, восприняв, в основном, их материальную культуру. Со второй половины XIX века, а особенно в начале XX века, каракалпаки наряду с кепе начали строить дома постоянного типа, заимствовав при этом технику строительства домов у узбеков: возводимые каракалпаками с этого времени каркасные постройки с заполнением из гуаля, с южной ориентацией дома и с айваном перед фасадом, употребление округлых горбыльков-васа при устройстве кровли, большое количество ниш в домах, ставни (дарча), каминь — все это характерно для ферганского жилого дома. Каракалпаки заимствовали, в основном, узбекский тип одежды; заимствовали сельскохозяйственные орудия, бытующие в Ферганской долине (ферганский тип омача, водяные мельницы) и др. Некоторое влияние узбеки оказали и на семейный быт ферганских каракалпаков (частичное проникновение узбекского обычая затворничества женщин; отчасти узбекским влиянием объясняется исчезновение родовой экзогамии ферганских каракалпаков) и др.

III. Однако каракалпаки Ферганы до Октябрьской революции имели целый ряд особенностей в хозяйстве, материальной культуре и семейных отношениях, отличающих их от узбеков; некоторые из этих особенностей сохранились до наших дней.

1. Хозяйство

В западных районах расселения ферганских каракалпаков (Каракалпакская волость Кокандского уезда) хозяйство каракалпаков до самой революции носило комплексный земледельческо-скотоводческо-рыболовческий характер с домашними промыслами (выделка цыновок и др.). (Такое длительное сохранение комплексного типа хозяйства объясняется тем, что в этих районах было много заболоченных пространств, непригодных для земледелия). В восточных районах расселения ферганских каракалпаков — близ Андижана и Намангана — земледелие в период вхождения Ферганской области в состав России стало основной (преобладающей) отраслью, но и там сохранилась известная комплексность хозяйства, так как скотовод-

ство играло все же большую роль, чем у узбеков, а рыболовство и домашние промыслы (выделка цыновок и др.) также имели место.

При ведущей роли хлопка в сельском хозяйстве Ферганской области (в период вхождения ее в состав России) имелись все же известные различия в составе сельскохозяйственных культур, разводимых узбеками и каракалпаками, причем каракалпаки по-прежнему в большом количестве сеяли такие культуры, как просо и бахчевые.

Остатки прежней специфики каракалпакского хозяйства можно видеть и в настоящее время в личном приусадебном хозяйстве каракалпакских колхозников: несколько иной, чем у узбеков, выбор сельскохозяйственных культур для приусадебных участков (у каракалпаков преобладают зерновые и бахчевые, а у узбеков огородные культуры); некоторое распространение имеет выделка цыновок в каракалпакских семьях (кое-где сохранились еще каракалпакские артели Местпрома, занимающиеся выделкой цыновок); вдоль реки и протоков, а также на озерах каракалпаки занимаются еще для собственного хозяйства и рыболовством (хотя и в незначительных размерах).

2. Материальная культура

а) В отношении жилища до самой революции каракалпаков выделяло то, что наряду с домами постоянного типа у них большое распространение имели временные жилища, особенно кепе (в меньшей степени юрты, землянки).

Дома постоянного типа, техника постройки которых, в основном, была заимствована у узбеков, в течение длительного времени все же значительно отличались от узбекских (вследствие того, что у каракалпаков не было таких мастеров-строителей, как у узбеков, из поколения в поколение передававших свои строительные навыки; для каракалпаков постройка домов постоянного типа была делом новым). Дома каракалпаков были ниже, с более простым каркасом, иногда нештукатуренные снаружи; некоторое распространение получили дома из дерна (чим); айваны часто носили характер легкого навеса; очаг в течение долгого времени делали в середине дома, а над ним делали отверстие в крыше (лишь позже он был заменен обычным ферганским камином).

В отличие от узбекских жилые участки каракалпаков никогда не делились на внешнюю, мужскую, и внутреннюю, женскую половину (ташкари и ичкари). Для каракалпакских дворов не были типичны глухие стены из гуаля или пахсы, их дома часто совсем не огораживались или окружались легкой изгородью из камыша; эту последнюю особенность каракалпакских жилых участков можно наблюдать и сейчас.

В отличие от узбеков, каракалпакам в течение длительного периода был свойственен разбросанный тип расселения, который лишь позже стал постепенно заменяться кишлачным. Кое-где до настоящего времени сохранились каракалпакские кишлаки с разбросанным типом расселения.

б) Отличалась от узбекской и утварь, особенно посуда каракалпаков. В прошлом у них преобладала деревянная, плетеная и выделанная из тыквы посуда, что не было свойственно узбекам, которые, главным образом, предпочитали глиняную и металлическую посуду.

Некоторые специфические особенности утвари каракалпаков можно наблюдать и сейчас.

в) Некоторые специфические особенности можно отметить и в области пищи—например, если у узбеков любимым кушанием является плов, то у каракалпаков—кульча (или кульчатый—тонко нарезанное тесто, сваренное с луком и морковью в мясном бульоне; подается на блюде вместе с мясом; бульон обычно подается отдельно; это же блюдо является любимым кушанием и хорезмских каракалпаков, у которых оно называется просто гош, т. е. мясо).

г) Хотя к концу XIX—началу XX веков каракалпаки восприняли в основном узбекский тип одежды, но некоторые отличия в одежде узбеков и каракалпаков еще сохранились: из национальной каракалпакской одежды довольно долго бытовал головной убор замужней женщины—кимачак (в настоящее время кимачак уже не носят, он приобрел характер женской похоронной одежды: каракалпачки значительно реже носили паранджи, чем узбечки, несколько по иному повязывали голову платком, платья и халаты каракалпаков были шире узбекских и др. Некоторые различия в одежде узбеков и каракалпаков можно проследить и в настоящее время, однако эти различия частны и незначительны (предпочтение каракалпачками красных платьев, более ранняя смена у каракалпачек платьев на короткой кокетке („кокрек бурме“) старушечьими и др.), в основном же одежда однотипна.

3. Семейные отношения. В дореволюционный период в семейных отношениях каракалпаков сохранилось больше патриархальных пережитков, чем у узбеков: у каракалпаков реже, чем у узбеков, происходило выделение женившихся сыновей из семьи отца; сохранялись еще такие обычаи, как левират и сговор малолетних (не распространенные уже в тот период среди узбеков), значительно больше были размеры калыма. Следует отметить также некоторые особенности свадебных обрядов: большой размер свадебного тоя в доме невесты (у узбеков в доме невесты было лишь небольшое угощение); обряд соғым—распределение между жителями кишлака невесты мяса быка, привезенного женихом (большой размер свадебного тоя в доме невесты и выполнение обряда соғым наблюдается

и сейчас); пережитки матрилокального брака — практиковавшееся иногда оставление молодой после свадьбы в доме ее родителей на 2—3 года, когда она лишь навещалась мужем (куйеулеу). Все эти черты сближали семейные обычаи ферганских каракалпаков с семейными обычаями хорезмских каракалпаков и отличали их от узбекских.

Возникший под влиянием узбеков обычай затворничества женщин у ферганских каракалпаков имел место, но никогда не достигал той степени, как это было у узбеков; в отдаленных каракалпакских кишлаках этот обычай вообще распространения не получил; за годы Советской власти пережитки затворничества женщины изживаются у каракалпаков более быстрыми темпами.

4. Бросаются в глаза такие особенности фольклора ферганских каракалпаков, как исторические легенды, генеалогические предания и исторические песни, которые близки к фольклору хорезмских каракалпаков.

IV. Процесс сближения ферганских каракалпаков с узбеками, происходивший и до Октябрьской революции, за годы Советской власти значительно усилился.

Устранение национальной розни, всех видов национального гнета, национальное равноправие, провозглашенное еще в 1917 году в „Декларации прав народов России“ и являющееся основой национальной политики Коммунистической партии Советского Союза — все это привело к тесной дружбе и трудовому сотрудничеству между узбеками, каракалпаками и другими национальностями и этнографическими группами, населяющими Ферганскую долину. Организация ряда смешанных узбекско-каракалпакских колхозов, где узбекские и каракалпакские колхозники совместно трудятся на благо Родины; общая пресса, радио, школы и культурно-просветительные учреждения — все это способствует сближению каракалпаков Ферганы с узбеками. В результате проведения огромных работ по орошению новых земель и осушению заболоченных местностей, созданы условия для ведения крупного социалистического земледелия и в районах расселения ферганских каракалпаков. Направление хозяйства в колхозах ферганских каракалпаков то же, что и в других колхозах Ферганской долины (ведущей сельскохозяйственной культурой является хлопок). Повышение материального благосостояния и культурного уровня населения привело к значительным изменениям в области материальной культуры — колхозники Ферганской долины — узбеки, каракалпаки и другие — строят новые благоустроенные дома, в основном, одинакового типа; входит в быт городская посуда, утварь, отчасти одежда; запрещены законом и изжиты такие черты старого семейного быта, как калым, сговор малолетних, левират; ведется борьба с пережитками затворничества женщин. Все это приводит к все большему сближению близких по культуре и

до Октябрьской революции узбеков и каракалпаков Ферганской долины.

Однако, хотя процесс сближения ферганских каракалпаков с окружающими узбеками зашел довольно далеко, в настоящее время говорить о слиянии их было бы неправильно. Об этом свидетельствует четко сохранившееся у ферганских каракалпаков национальное самосознание, что является, безусловно, одним из наиболее важных признаков в определении этнической принадлежности любой группы населения, особый говор, некоторые особенности личного приусадебного хозяйства каракалпакских колхозников, некоторые особенности материальной культуры (которые можно проследить в селении и жилище, утвари, одежде), семейного быта и фольклора ферганских каракалпаков.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
Введение	3
I. <i>Переселение каракалпаков в Ферганскую долину</i>	17
II. <i>Ферганские каракалпаки во времена Кокандского ханства</i>	27
1. Занятия каракалпаков	27
2. Селение и жилище	38
3. Общественный строй (патриархально—феодалные отношения)	43
4. Угнетение каракалпаков кокандскими ханами	50
III. <i>Каракалпаки в период вхождения Ферганской области в состав России</i>	56
1. Хозяйство	59
Земледелие	59
Орошение	62
Скотоводство	68
Рыболовство	70
Домашние промыслы	71
2. Общественные отношения	76
а) Социально-экономическая характеристика	76
б) Административное управление и налоги	85
3. Материальная культура	92
а) Селение, жилище и утварь	92
б) Одежда	102
4. Семейные отношения	110
6. Духовная культура	124
IV. <i>Изменение положения ферганских каракалпаков в годы Советской власти</i>	136
1. Изменения в хозяйстве ферганских каракалпаков в советский период	138
2. Изменение материальной культуры ферганских каракалпаков в годы Советской власти	150
Современное селение и жилище	150

Одежда	156
3. Изменения в семейных отношениях ферганских каракалпаков	162
4. Культурная революция среди ферганских каракалпаков	169
У. <i>Заключение</i>	176